Проф. Г. С. ГУРВИЧ

ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Государственное Издательство
МОСКВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Богданов, А. Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах. Изд. 19-е вновь испр. и дополн. Ц. 1 р. 75 к.
Его же. Краткий курс экономической науки. Ц. 75 к.
Богданов, А. и Степанов, И. Курс политической экономии. Т. II. Вып. IV. Общая теория капитализма. Капиталистический строй. Ц. 1. р. 75 к.
Вольфсон, М. Б. Элементарный курс политической экономии. Изд. 2-ое. Ц. 80 к. (печ. новое изд.).
Гильфердин, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Перев. с немецк. И. Степанова. Изд. новое, пересм. Ц. 1 р. 70 к.
Любимов, Л. Азбука политической экономии. Изд. 2-ое. Ц. 75 к. (печ. новое изд.).
Его же. Курс политической экономии. Т. I. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к. (печ. новое изд.).
Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль. Ц. 10 к.
Его же. Капитал. Критика политической экономии. Издание подготовлено Ф. Энгельсом. Перевод под ред. В. Базарова и И. Степанова. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Ц. 4 р. в папке. Т. II. Кн. II. Процесс обращения капитала. Ц. 1 р. 75 к. Т. III. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. I и II. Ц. по 2 р.
Мендельсон, А. Проблема стоимости в экономической литературе на русском языке. Библиографический обзор. Ц. 50 к.
Рубин, И. И. Очерки по теории стоимости К. Маркса. Ц. 50 к. (печ. новое изд.).
Святловский, Л. Происхождение денег и денежных знаков. Ц. 1 р.
Суханов, Н. Земельная рента и принципы земельного обложения. Ц. 20 к.
Шефер, К. Классические случаи стабилизации валюты и их значение для стабилизации марки. С пред. Е. Варги. Под ред. Ш. Дволайцкого. Ц. 1 р.

ПРАВО

Гойхбарг, А. Г. Хозяйственное право Р. С. Ф. С. Р. Т. I. Гражданский кодекс. Ц. 1 р. 50 к.
Его-же. Советское земельное право. Ц. 30 к.
Гурвич, Г. С. Основы советской конституции. Вып. I. Изд. 3-е испр. и допол. Ц. 75 к.
Карнер, И. Социальные функции права. Перев. научн. сотр. института сов. права А. В. Геркан, под ред. Я. А. Бермана. Ц. 75 к.
Коровин, Е. А. Международное право переходного времени. Ц. 1 р. 20 к.
Котляревский, С. А. Бюджетное право Р. С. Ф. С. Р. и С. С. С. Р. Ц. 1 р. 20 к.
Крыленко, Н. В. За пять лет. 1918—1922. Обвинительные речи. Ц. 1 р. 20 к.
Кулаков, Г. В. Конституция С. С. С. Р. и образование Съезда Советов. Ц. 30 к. (печ. новое изд.).
Подволоцкий, И. Марксистская теория права. Очерк. Ц. 85 к.
Энгель, Е. А. Основы советской конституции. Конспект лекций. Ц. 75 к.
О кооперации. Статьи и речи. Под ред. и со вступительной статьей Н. Л. Мещерякова. Ц. 60 к. (печ. новое изд.).
Аграрный вопрос и марксизм. Сборник статей. Ц. 1 р. 10 к.
Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Вып. I. Ц. 35 к. (печ. новое изд.).
Ленин и Брестский мир. Статьи и речи Н. Ленина в 1918 году о Брестском мире. С вводной статьей и примечаниями Н. Овсянникова. Ц. 80 к.
Избранные статьи по национальному вопросу. С предисловием и примечаниями И. Товстухи. Ц. 60 к.
Империализм, как новейший этап капитализма. (Популярный очерк). Ц. 50 к.
К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. Ц. 80 к.
Новая экономическая политика. Статьи и речи. Ц. 1 р.

Проф. Г. С. ГУРВИЧ

ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ,
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

Допущено Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. № 7483. Ленинградский Гублит. № 11218. Печ. 30.000 экз. Заказ № 625.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К IV-МУ ИЗДАНИЮ.

В четвертое издание введены три новых главы, посвященные формам государственного сожительства советских наций и обзору Союзной Конституции. Острая потребность в новом издании этой книги не позволила ждать, пока, согласно ст. 5 конституции С. С. С. Р., будет пересмотрена конституция Р. С. Ф. С. Р. Впрочем, автор повсюду исследует лишь основные черты этой, уже давно ставшей типичной, советской конституции, а этих основ пересмотр не имеет надобности касаться.

Г. Гурвич.

5 мая 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К III ИЗДАНИЮ.

Третье издание дополнено некоторыми соображениями о порядке пересмотра Советской Конституции, составившими новую главу (III). Подвергнут переработке вопрос об отношении пролетариата к крестьянству, к интеллигенции, расширена трактовка вопроса о разделении государственных функций и присоединены несколько параграфов о технических недостатках государственного аппарата и мерах к их устранению. Внесен ряд более мелких поправок и дополнений, имеющих целью использовать практический и теоретический опыт последних лет. Не оставлены без ответа те из критических замечаний, которые, по моему мнению, в ответе нуждались.

Г. Гурвич.

9 мая 1923 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К I ИЗДАНИЮ.

Прошло два года с тех пор, как преподавание Советской Конституции стало по закону обязательным во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской Республики. А между тем, словно в насмешку над законом, счастливым изъятием из общего правила являются те школы и учебные заведения, где изучается основной закон государства.

Объясняется это очень просто: Советская Конституция не только для широких пролетарских слоев, но и для многих партийных товарищей является в некотором роде „прекрасной незнакомкой“. Ее все очень любят и очень хвалят, но редко кто может похвастать знакомством с нею. Не говорю уже о так называемой советской интеллигенции: Конституция Р. С. Ф. С. Р. для нее такая же „земля незнаема“, как и... всякая другая, впрочем. Мало знаний, мало любознательности!

Но если бы даже такая любознательность явилась, — она уже появляется, — вопрос: чем утолить ее? У нас нет, повидимому, ни одной сколько-нибудь сносной работы, которая освещала бы вопросы конституционного права с марксистских точек зрения.

Книжка Ленина „Государство и Революция“ при всех своих несравненных достоинствах не есть, конечно, чтение по конституции: это, если угодно, источник социалистического права, но не изложение права. К тому же она предполагает читателя уже солидно подготовленного.

Так что же читать по Советской Конституции? Как вести преподавание ее? По каким источникам? По каким руководящим линиям? Что дать в руки ученикам и слушателям? Все это вопросы, которые с каждым днем становятся острее и назойливее.

Назначение предлагаемой работы — удовлетворить эту насущную потребность. Я старался исследовать лишь основные черты Конституции, имея в виду, что Конституция эта есть организм, для которого еще не прошел период роста и развития. Детали меняются и будут меняться, но существо остается.

Я рассчитывал свою работу на читателя мало подготовленного. Слушатель партийной школы — вот главное, что я имел в виду. Но обширный опыт показал мне, что именно эта публика так легко увлекается предметом, что ее, без риска наскучить, можно ввести и в некоторые тонкости и детали вопроса. Помимо этого, совершенно необходимо удовлетворить и лектора. Преподаватели Советской Конституции находятся в особо беспомощном положении, и облегчить их тяжелую участь было моей параллельной задачей. Этим двум целям и должно соответствовать деление текста на два шрифта: крупный — для учащегося, мелкий — для учащего и для тех из учащихся партийных школ, которые, едва со школьной скамьи, уже сами учат, и иногда не без успеха.

Первый выпуск „Основ“ исчерпывает содержание Конституции менее чем наполовину. Во второй имеет войти близкое рассмотрение Советской организации на местах и в центре, система избирательного права, задачи федеративного устройства, вопрос о политических гарантиях и о тех особенностях нашей Конституции, которыми обусловливается ее исключительная гибкость. Я намерен также показать, почему и как Конституция эта является правовым документом, источником нового права.

Это первый опыт связного и научного изложения основ Советской Конституции. Как и всякий первый опыт, он, конечно, полон шероховатостей и недостатков. Если принять еще во внимание на редкость трудные условия, в которых книжка писалась, то недостатки эти будут вполне извинительны.

Если же предлагаемый выпуск настолько заинтересует партийных и советских работников, что побудит их поделиться со мной своими наблюдениями, своим опытом и просто критическими замечаниями, я сочту себя за труд вознагражденным.

Г. Гурвич.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Понятие конституции, как основного закона.

1. Что такое конституция? Есть много понятий, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, не задумываясь, что, собственно, они означают. Один ученый монах первых времен христианства на вопрос: что такое время? — ответил: когда меня не спрашивают, я знаю. То же, пожалуй, принуждены будут ответить и многие из так называемых образованных людей, если их спросить — что такое конституция. Сказать: конституция — это основной закон, значит сказать очень мало, почти ничего, ибо этим только вводятся два новых понятия: основы и закона, которые в свою очередь нуждаются в разъяснении. А этого разъяснения нет и в науке. Много конституций создала буржуазия, много потрачено времени и сил на изучение конституционных законов — этим занимается особая наука, наука конституционного права, — и все-таки *напрасно было бы искать в этой науке верного понимания того, что такое конституция вообще.*

2. Совершенно верно, что конституция есть закон. Она исходит от государства, от которого исходят законы вообще. Она имеет силу закона: соблюдение конституции обязательно для всех, нарушители ее караются. Отменяться или изменяться она может только в законодательном порядке. Все это признаки закона. Законы — вот общая группа, общий род явлений, к которым относится и конституция. Но ведь всякое определение так именно и создается, что сначала ищут общий род (например: человек есть животное, относится к роду животных), а потом улавливают признак, выделяющий определяемый предмет из общего рода (например, человек есть животное общественное; неспособность человека жить и развиваться вне общества — вот отличительный признак человека среди других животных). Имеет ли конституция, как закон, такой отличительный признак, выделяющий ее из массы других законов? И в чем он заключается?

3. Значение конституции, как закона. Возьмем любую буржуазную страну. Законы пишутся чуть ли не каждый день. Постепенно вырастают десятки толстых книг, — все это действующие законы страны. Знает ли их обыватель, будь то буржуа или пролетарий? Интересуется ли ими? Очень мало. Он узнает о законе лишь тогда, когда закон непосредственно его, обывателя, коснулся. А это бывает довольно редко. И можно прожить целую жизнь, не имея никакого понятия о законах своей страны.

Но представим себе, что в этом непрерывном законодательном потоке проскользнул закон, сам по себе очень незначительный и внимания не заслуживающий, но о котором пара ученых юристов выразились, что он не согласуется с конституцией страны. Газеты это замечание подхватили, в общественных

кругах об этом заговорили, а там — словно вихрь промчался по стране. И все — от крупного банкира, ворочающего миллионами, до последнего приказчика в лавченке, — все закричали, что „конституция в опасности“, что „уже посягают на конституцию“ и что „надо скорее спасать конституцию“.

4. Конституция есть основной закон. Таким образом, в сознании общества или, говоря ближе, в сознании того класса, который господствует, задает тон в государстве, конституция не просто закон. *Она несравненно выше и важнее всякого другого закона.* И не только широкая публика, так же смотрят и ученые правоведы и государственные деятели; и они-то, составляя конституцию, устанавливают особый порядок ее изменения или дополнения. Всякий закон, будь он даже исключительной важности, изменяется и отменяется обычным порядком: это производит то законодательное учреждение, которое, вообще, уполномочено издавать законы. Но если жизнь требует изменения конституции, хотя бы самых незначительных поправок, тогда приходится преодолевать огромные искусственные препятствия, нарочно придуманные для того, чтобы нелегко было дотронуться до конституции, тогда приходится учреждать особый временный законодательный орган специально для пересмотра конституции (см. гл. III).

Как же понять такое отношение к конституции? Повидимому, она не просто закон, она глубже всякого закона и выше всех законов, вместе взятых. Повидимому, в ней сосредоточивается некая основа всей государственной жизни, это — фундамент, на котором покоится государство. Короче, это — основной закон.

5. Значение основных законов вообще. Но что же это, собственно, значит, и почему так дорожат основой? Легко понять, почему. Ведь то, что имеет основание, отличается, во-первых, *прочностью*, *во-вторых, перестает быть случайным.* Цель всякой науки состоит именно в открытии основных объединяющих законов, от которых зависят явления жизни. Можем ли мы чувствовать себя спокойно, если не знаем основного закона, управляющего например, движениями планет? Если земля вращается около солнца, а луна около земли, то ведь непременно возникает вопрос: что же, это движение — случайно? — и тогда каждую минуту можно ожидать мировой катастрофы; или же оно имеет основание, не допускающее его быть иным, и тогда мы можем не опасаться за ближайшее, по крайней мере, будущее. Притягательная сила солнца — вот основной закон, действующий во вселенной и делающий движения планет не случайными, а необходимо такими, какими мы их наблюдаем. И пока не потухнет солнце, движение это не изменится.

6. Значение основного закона государства. Вот такой-то основой для жизни государства служит его конституция. Она есть некая деятельная сила, направляющая все то, что происходит в государстве. Как идет производство, как организовано распределение, как действует предприниматель, как живется рабочему, как судит судья, как думает законодатель, как управляет администратор, как учит учитель — все это не случайно, все это определяется той деятельной силой, которая зовется основным законом, конституцией.

7. Две конституции и их различие. Но спрашивается: что же служит в государстве этой деятельной силой? Ведь лист бумаги, на котором написано „конституция“, очевидно, совсем не сила. Это всего только выражение в словах и знаках той силы, о которой идет речь. И сила эта нисколько не изменится

сама по себе, если мы даже сожжем или иным каким-нибудь способом уничтожим бесследно все экземпляры конституции. Сила эта останется и попрежнему в любую минуту даст себя чувствовать. Нужно, следовательно, строго различать две вещи: *конституцию материальную и конституцию формальную*; ту фактическую силу, которая действует в государстве и от которой зависят все явления жизни этого государства, и документ, акт, бумагу, в которой выражены свойства и характер этой силы.

8. **Этого различения не существует в науке права.** Но буржуазное конституционное право блещет именно такой наивной верой в лист бумаги. Товарный фетишизм, определяющий во многих отношениях психологию буржуазного общества, сказался здесь с разительной наглядностью. У Еллинека конституция есть порядок, согласно которому создается и исполняется воля «постоянного союза, ограничивается его компетенция, регулируется положение его членов в самом союзе и по отношению к нему»[1]. Далее мы узнаем, что «общее правило составляет у культурных народов порядок, санкционированный правом, составляющийся из совокупности правоположений», и что такая совокупность правоположений и образует современную конституцию — писанную — или конституцию в формальном смысле. А далее уже все время речь идет именно о конституции писанной. Именно лист бумаги наделяется чудодейственной силой создавать, ограничивать, регулировать и т. п., — одним словом — управлять; о различении же конституций материальной и формальной в указанном выше смысле нет и речи, а тем более нет ни потребности, ни попытки понять и определить ближе ту силу, которая создает самую конституцию, как лист бумаги, и является действенным всенаправляющим фактором государственной жизни. В этом отношении еще непосредственнее и наивнее выражается Брайс: «Когда мы говорим о конституции какого-нибудь государства или какой-нибудь нации, мы разумеем под этим словом те правила или законы, которыми устанавливается форма правления и которыми определяются права и обязанности правительства по отношению к гражданам и граждан по отношению к правительству»[2].

9. **Так ставятся вещи на голову.** Как видим, общество покоится на законах, а не наоборот. Государство по конституции, а не конституция по государству! Но ведь всякая конституция есть прежде всего клочек бумаги или собрание таковых. Каким же образом клочек бумаги может являть собою «порядок», создающий «волю постоянного союза»? Как может он «устанавливать» «форму правления»? Здесь мы вступаем в область истинных чудес, которые, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказываются обыкновенным шпагоглотательством буржуазных ученых. Ибо к чему же иному, как не к обоготворению листа бумаги, может привести занятие идеями, как самостоятельными сущностями[3]? Ведь на этом листе запечатлены идеи! Детская вера авторов подобных определений в магическое действие типографских знаков, если они сверху имеют сакраментальный заголовок «Конституция», а внизу украшены соответствующими подписями и печатями, неизбежно вытекает из догматического утверждения суверенности мышления, определяющего бытие, из постоянной недооценки, а то и полного игнорирования единственно реального — экономического — базиса социальных явлений. Действительное фактическое существо конституций остается тайной для буржуазного мышления.

10. **Где надо искать основной закон государства?** Легко открыть эту фактическую силу. Всякая писанная конституция, будь то единый акт или ряд разрозненных документов, источником своим имеет материальные условия человеческой жизни. Прежде чем мыслить и рассуждать, „погружаться в искусства, науки, предаваться мечтам и страстям“, человек должен обеспечить себе кров, пищу, одежду, защиту от стихий и от диких зверей. И так необходимо бывает не только на первых порах существования человеческого общества: *то, что производится в данном обществе, как производится и как распределяется производимое, всегда составляет основу.* Эта основа — экономический строй общества — порождает все общественные отношения, порождает самое государство и все то, что в государстве происходит. На первом плане

стоят интересы производства, хозяйственные нужды и потребности. В ходе хозяйственного развития появилось деление на свободных и рабов, на имущих и на неимущих, на знатных и простолюдинов, на управляющих и управляемых. Каждая эпоха знает свои хозяйственные потребности в зависимости от степени развития производительных сил, и каждая эпоха ставит определенные классы на место организаторов производства, руководителей техникой-экономикой. Таким образом, экономические требования времени и экономический интерес класса — организатора производства — одно. Он задает тон, но ведь тон делает музыку. Музыка — это общественные отношения, работа общества в области науки, искусства, религии, политики. *Все эти отношения вырастают из экономики* и, выросши, образуют своего рода роговой панцырь для защиты экономической основы от враждебных внешних влияний.

11. Фактическая сила, действующая в государстве, как его подлинный основной закон, это — экономический интерес господствующего класса. В государстве буржуазном коренная потребность управляющих классов общеизвестна: частная собственность на орудия производства. С этим тесно связана необходимость свободы хозяйственной деятельности. Буржуа должен иметь развязанные руки в области хозяйства: он требует свободы торговли во всех ее видах. Ему нужен наемный труд, он не может существовать, не эксплоатируя чужого труда, т.-е. не выжимая из рабочего прибавочную ценность, — и он требует личной свободы для трудящихся масс.

12. И всякая буржуазная писанная **конституция в основе своей есть отражение и выражение экономического интереса** собственников, как коренного закона буржуазного государства. Изучая характер капиталистического производства, мы находим полное соответствие между потребностями этого производства и теми общими политическими положениями, которые провозглашают буржуазные писанные конституции. И понять эти конституции можно только, уразумевши особенности хозяйственного строя капитализма. И много ли смысла в надеждах, возлагающихся на писанную конституцию, как на самостоятельную силу? И что же удивительного в разочарованиях, всегда сопровождающих такие надежды?

13. Туман и путаница в буржуазной науке. С этой точки зрения необыкновенно характерно исполненное пессимизма заявление Дайси: невозможно «для добросовестного мыслителя думать, что в мире воображаемом или действительном можно открыть какую-либо совершенную конституцию, способную служить образцом для исправления недостатков существующих государственных форм» [4]. Блестящее признание! Но тщетно думать, что «добросовестный мыслитель» сделает еще один шаг и откроет, что конституция, вообще, ничего не исправляет в государственных формах по той простой причине, что она есть всего лишь более или менее хорошее зеркало этих государственных форм. Этот один шаг стоил бы ему очень многого: полного разрыва с приемами и навыками буржуазного мышления. В свое время историческая школа заявила, что «настоящий правовой строй народа состоит не в паре листов законов о конституции, а в экономическом соотношении сил» [5], но интерес класса, который эта школа защищала, заботливо предохранил ее от понимания ее собственного заявления. В этом отношении ближе всех к существу дела подошел Лассаль со своим определением материальной конституции, как фактических соотношений силы [6], но под силой он — по крайней мере, в данном случае — разумеет не чистый экономический интерес, а действие оружия и финансовых средств, что с марксистской точки зрения совершенно неправильно: все эти наивные «теории насилия» в свое время высмеял Энгельс, доказав, что и деньги и оружие определяются экономикой, что, в частности, «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот» [7]. Что же касается буржуазных ученых, то самые авторитетные из них и в наше время продолжают, как

Дайси, бродить вокруг да около и впадать в жалостные противоречия с самими собою, и отдельные трезвые голоса безнадежно тонут в этом водовороте заблуждений и недоумений. Так, увенчанный премией Боржо, с некоторым даже азартом возражая католическому покойнику Жозефу де-Местру, признает, что конституция не результат импровизации (большой успех в сравнении с вышеприведенной знаменитостью, Дайси, который, повидимому, лишь в благодетельных последствиях таких импровизаций разочаровался!), но источником конституции считает «предсуществовавшее государственное право». Знает ли он, какое такое «предсуществовавшее государственное право» послужило источником хотя бы французской конституции 1789—1791 г. или американской 1787 года? С другой стороны, тот же исследователь, отказывая конституциям в способности создавать новые формы правления и весьма неискусно обходя навязывающийся вопрос, что же именно, если не конституция, создает эти новые формы, приписывает им—листам бумаги—способность «освящать и закреплять» эти новые формы»[8]. Какие пустые и жалкие фразы! Как много нужно шаманской веры в вещи, чтобы утверждать что буржуазные конституции, ежечасно нарушаемые и попираемые, что-то закрепляют и освящают!

14. Буржуазная конституция и буржуазный карман. Но вера в творческую роль писанных конституций — именно, в творческую — остается все же господствующей. Она умрет лишь вместе с буржуазией, как родилась с ней. Американский публицист во французской конституанте, Томас Пэн, обмолвился крылатым словом о конституции, которой нет, если ее нельзя положить в карман. Молодому, начинавшему жить буржуазному обществу такое открытие пришлось в высшей степени по вкусу: как часто после этого буржуа клал в карман конституцию, как свою священную, неотъемлемую собственность, лишь только пролетарий протягивал к ней руку. И этот своеобразный фетишизм листа бумаги идет через весь XIX век, век писанных конституций. Как может буржуазный ученый вполне отречься от веры в движущую и созидающую силу записанных норм и правил, запечатленных идей? Ведь только в том случае, если они записаны, их и можно положить в карман.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сущность Советской Конституции и ее содержание.

15. Движущая сила Советского государства. Все сказанное выше о конституции формальной и материальной и об их различии применимо и к советской конституции. В нашем социалистическом государстве деятельной силой, создающей и определяющей его строй и отношения, служит хозяйственный интерес господствующего класса, т.-е. пролетариата. Сила эта сложилась и выросла независимо от воли отдельных людей: рабочий класс властвует не потому только, что он этого хочет, или что этого хотят его вожди. Хозяйственный интерес собственников во всем капиталистическом мире перестал быть господствующим, противоречия капитализма выступают с особенной очевидностью, буржуазия из организатора и руководителя производства явственно превратилась в тунеядца и паразита; следствие: буржуазия не может больше управлять.

16. Экономическая необходимость власти пролетариата. Но результат этот ярче и скорее, чем где бы то ни было, сказался в России.

Перефразируя слова Маркса о Германии его времени, можно сказать, что российская буржуазия очутилась на уровне европейского упадка, хотя она никогда раньше не стояла на уровне европейской эмансипации [9].

После губительного во всех отношениях хозяйничанья помещиков и чиновников в России до-военного времени, после разорительного трехлетнего участия в мировой войне, обогатившей отдельные группы предпринимателей, но довершившей обнищание и одичание широких трудящихся масс, особенно сельских, наша капиталистическая буржуазия — еще молодая, неорганизованная и хищная — явно неспособна была заново организовать производство и наладить хозяйство. Эта задача, как показывают события текущего времени, не под силу и могущественной, сравнительно, буржуазии богатых стран старого капитализма. Вольно или невольно, но при дальнейшем руководстве класса собственников Россия неминуемо должна была бы подпасть под неограниченное влияние империалистического запада, стать его покорной данницей, его колонией, из которой высасывают соки, ничего взамен не давая. Это участь Индии, Ирландии и Кореи. Наши капиталисты не так уже много потеряли бы от этого, но над трудящимися классами нависло бы иго экономического рабства более тяжелое, чем в худшие времена царизма. А превращение в эксплоатируемую колонию такой огромной и богатой всяким сырьем страны влило бы новые силы в умирающий капитализм запада. Социальная революция была бы отсрочена заведомо надолго.

17. Те восемь месяцев, которые протекли между февральской и октябрьской революциями, были временем **гигантского перемещения сил.** Во время

революций история движется быстро; революции суть ее локомотивы, — сказал Маркс [10]. В этот период обостренной классовой борьбы, по мере того как обнажались от всех покровов классовые противоречия, приобретал разительную ясность и выпуклость экономический интерес страны. И становилось все более очевидным, что *интерес изнемогающей страны и интерес пролетариата, как класса, совпадают.* Задолго до октябрьского переворота, уже в первые месяцы после февраля, можно было предугадать, что остаться буржуазной революция не сможет, ибо „дошедшее до невиданных размеров разорение, которое *потребует* (хочет ли этого кто-либо или нет), потребует шагов вперед, к социализму. Ибо иначе идти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе *облегчать* муки трудящихся и эксплуатируемых нельзя“ [11].

«Никакая новая структура не может родиться прежде, чем она стала объективной необходимостью. Капиталистическое развитие и крах капитализма завели общество в тупик, прекратили производственный процесс, самую основу существования общества. Возобновление производственного процесса стало возможным только при господстве пролетариата...» [12].

18. Советская Конституция — произведение самой жизни. Таким образом, Советская власть стала хозяйственной необходимостью. И она возникла. С весны 1917 г. до осени 1918 г. шла организация советских государственных форм. Больше года Советы — органы новой социалистической власти — строились и жили без всякой конституции. И во второй половине июля 1918 г. центральные и местные Советские организации уже окончательно сложились во всех своих основных существенных чертах. *Конституция Р.С.Ф.С.Р., ставшая 10 июля законом, ничего не создавала.* Это был более или менее точный фотографический снимок с того, что уже есть. Если оставить в стороне агитационно-пропагандистские цели, которым она должна была удовлетворять, то ее главное назначение: подвести итог сделанному, охватить и осмыслить завоевания революции и тем самым дать примерный план, черновой набросок дальнейшего революционного строительства. В последующем, по мере восстановления и укрепления советской власти в Белоруссии, на Украине, в Туркестане, на Кавказе, в Крыму, она послужила образцом для конституций Союзных и Автономных Республик. Ни одна из них, конечно, не копирует ее, но все они нашли в ней и заимствовали из нее ряд общих и частных формулировок, вполне соответствовавших положению этих Республик. Таким образом, конституция Р. С. Ф. С. Р. приобрела значение *типичной* советской конституции.

Более всего приложимо к нашей конституции то, что сказано в «Коммунистическом Манифесте» о теоретических положениях коммунистов: она, как и они, «не основывается вовсе на идеях, на принципах, изобретенных или открытых тем или иным исцелителем мира». Она является «лишь общим выражением действительных условий существующей классовой борьбы, совершающегося на наших глазах исторического движения» [13].

19. Она вырастала. И так как конституция эта „не составлялась в кабинетах, *не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии, а вырастала из хода классовой борьбы, по мере созревания классовых противоречий*“ [14], то она лучше всякой исторической конституции схватила и запечатлела тот фактический основной закон государства, ту движущую, дей-

ственную силу, о которой говорилось выше: жизненный экономический интерес нового господствующего класса.

20. Ей необходимо предшествовала декларация прав. Знаменательно, что этот интерес получил ясную и точную формулировку еще до появления конституции. 16 января 1918 года В. Ц. И. К. опубликовал, а 23 января III Всероссийский Съезд утвердил *„декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа“*.

21. «Декларации прав» имеют свою весьма поучительную историю. Средневековый мир их не знал, как не знал, вообще, права равного для всех и обязательного для всех. Разделенное на профессиональные, политические, социальные группы, средневековое общество располагало не правами отдельных личностей, которых не было, а правами сословий и корпораций, отделенных от государственного целого, и конституировавшихся, как особые общества в обществе [15]. Это были привилегии, и многочисленные хартии сословий, городов, корпораций, цехов, монастырей — были, если можно так выразиться, применяя более поздний термин, — «декларациями привиллегий». Но уже эти «декларации» выражали и воплощали не что иное, как определенный экономический интерес то одного, то другого «общества в обществе», что особенно подтверждается историей тех хартий, которые американские колонии Англии получали от английских королей или от своих частных владельцев. Происхождение их от торговых привиллегий весьма бегло отмечает Еллинек [16], но заметим здесь кстати, что именно эти хартии и бывали впоследствии превращаемы в конституции отдельных штатов, что они значительно повлияли (в смысле готовых образцов) [17] на конституционное законодательство Франции эпохи Великой Революции и еще ранее — на конституцию федеральную. Впрочем, американцы уже давно и торжественно засвидетельствовали, что их конституцию вызвал к жизни торговый интерес [18]. В сущности, это почти экономический материализм! Но, как известно со времен Мольера, не всякий говорящий прозой, знает, что он говорит прозой. И справедливость требует отметить, что до этой прозы доросли весьма немногие: большинство ученых все еще сознательные поэты, как, напр., А. Э. Вормс, который именно из исторического исследования деклараций прав выводит заключение о «роли идеалов в истории» [19].

Буржуазия уничтожила феодальную раздробленность средств производства. Еще раньше, чем «вырвать из-под ног промышленности национальную почву», она вырвала из-под ног промышленности почву сословную и корпоративную. «Декларации привиллегий» потеряли смысл: феодальное общество было разложено до самой своей основы, до человека, и новое общество создалось на почве нового экономического интереса — свободы индивидуальной хозяйственной деятельности. Этот новый интерес требовал измышления новых прав — «droits naturels inaliénables et sacrés [illegible] l'homme» — они были измышлены. Их нужно было выразить — они были выр[illegible] в «Декларации прав человека и гражданина».

22. „Декларация прав“, как общее выражение нового экономического интереса. Когда новый общественный класс ходом хозяйственного развития принуждается взять в руки политическую власть, он совершает это дело не сразу. Свои экономические потребности, как законы своего существования и развития, он должен предварительно формулировать, сказать о них во всеуслышание. Высказанные, они приобретают осязаемую яркость и конкретность, становятся достоянием массы. Мало иметь потребность — нужно еще осознать и осмыслить ее, нужно, чтобы молния мысли, выражаясь словами Маркса, ударила в наивную народную почву.

23. Декларация прав буржуазии. Такими-то озаряющими молниями и являются „декларации прав“. Во время Великой французской революции „третье сословие“ — буржуазия, когда почувствовала, что должна из ничего стать всем, выразила свой назревший экономический интерес в „Декларации прав человека и гражданина“. Но непосредственно к политической власти

пришла она лишь спустя пять лет: через крушение монархии, провозглашение республики и падение Робеспьера. Эта декларация лучше и прежде всяких конституций провозгласила определившиеся нужды нового господствующего класса. Революционные конституции сменяли одна другую, но „декларация прав" вплоть до самого 1799 года непрерывно возглавляла каждую из них. И в наше время, хотя она и не предшествует основным закона 1875 года, „кто же, однако, осмелится утверждать, что она не входит в состав действующей конституции республики?" [20].

24. В чем смысл нашей декларации? „Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа" отделена от Конституции Р. С. Ф. С. Р. промежутком в шесть месяцев. Но между этими двумя разновременными актами существует самая тесная внутренняя связь. Декларация впервые суммировала все великие завоевания революции. Она выявила все революционные достижения, в немногих словах (четыреста девяносто три слова) охватила их целиком, показала их смысл, необходимость и планомерность. Впервые в точных и твердых выражениях закона прошли перед массами дела и лозунги революции. После этой Декларации классовый интерес пролетариата, его конкретные нужды, его намерения, экономический и политический строй его государства, его международная политика—все это приобрело видимую ясность и определенность, столь необходимые, как для самых сознательных, так и для самых несознательных членов класса.

25. Она — то семя, из которого выросла конституция. И, сравнивая ее с конституцией в собственном смысле, с теми положениями, которые заключаются в ст.ст. 9—10, легко увидеть, что она в скрытом виде содержит в себе все эти положения. Она предвосхитила их так, что все они, одно за другим, последовательно и неизбежно вытекают из нее. Наша Конституция помимо воли и, так сказать, без ведома ее составителей оказалась естественным продолжением Декларации, ее развитием, ее истолкованием, рядом практических норм к ее общим положениям.

26. С этой точки зрения не лишены интереса следующие **исторические данные:** Комиссия при В. Ц. И. К. для написания Советской Конституции выделила из своей среды три подкомиссии, которые работали совершенно независимо друг от друга (хотя и по общему плану), не сообщаясь между собой и приходя в соприкосновение лишь на пленарных заседаниях комиссии. Одной из этих подкомиссий и было поручено специальное задание: составить проект «Декларации прав и обязанностей трудящихся». Выработанный этой подкомиссией (состоявшей, кстати, из одного только лица) проект, после весьма обстоятельного рассмотрения в нескольких заседаниях пленума, решено было в окончательном виде предложить Съезду. Но в комиссии Съезда декларация была пересмотрена и отвергнута — и правильно. Ибо проект подкомиссий, при всей безупречности формы и богатстве содержания — основой его послужила классическая марксистская литература, главным образом, Коммунистический Манифест, — представлял из себя все-таки «сочинение». Это было книжное произведение, небольшой выдержанный трактат чисто теоретического характера, которым он неминуемо оставался, несмотря даже на включение в него в восьми пунктах перечня революционных мероприятий, вполне или частично осуществленных к тому времени. Понятно, что при невольно явившемся сравнении его с тем сухим, сжатым и сильным, как боевая команда, документом, который III Съезд обнародовал под именем «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», преимущество последнего бросилось в глаза. Ведь это был голос самой революции, ведь это был ее собственный рассказ о ее собственных деяниях! — Вопрос решался сам собою.

27. Единство конституции. V Съезд Советов, соединяя в одно целое два разновременных акта, руководствовался их несомненным и действительным

единством. Это не механическое соединение. Советская Конституция — единый и целостный акт, две основные части которого слитно связаны между собою общей целью, общей мыслью и общим настроением.

28. Описание Конституции. С внешней стороны Конституция Р.С.Ф.С.Р. распадается на девяносто статей, распределенных между шестью разделами и семнадцатью главами.

Раздел первый (главы I—IV) заключает в себе „Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа".

Раздел второй (глава V) содержит общие положения. Как подробно показано будет в своем месте, эти два раздела наиболее близки по характеру и содержанию своих норм. Первый намечает интересы трудящихся масс в сфере экономической, главным образом; второй касается собственно политического выражения этих интересов, являясь, таким образом, естественным продолжением первого. В дальнейшем изложении, говоря о „Декларации прав трудящегося и экспоатируемого народа", мы будем разуметь под этим наименованием не только первый, но и второй раздел Конституции.

Раздел третий (главы VI — XII) посвящен организации власти в государстве. Он подразделяется на две части: А и Б. Часть А знакомит с организацией центральной власти, при чем главы VI, VII и IX говорят о построении, составе и компетенции высшей законодательной власти: Всероссийского Съезда Советов и Вероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, а глава VIII — касается высшей исполнительной власти Республики — Совета Народных Комиссаров. Необходимо, однако, тут же оговориться, что Конституция не разделяет и не противополагает этих двух родов власти, и самый термин „власть исполнительная" в Конституции отсутствует. Если мы здесь этими терминами пользуемся, то лишь для удобства классификация [1]).

Часть Б содержит организацию Советской власти на местах. Это глава X, XI и XII. Из них первая излагает состав, порядок созыва и характер власти Съездов Советов — областных губернских (или окружных), уездных (или районных) и волостных, а также их Исполнительных Комитетов. Вторая говорит о Советах депутатов и их Исполнительных Комитетах. Третья — о предметах ведения Советов, Съездов и Исполнительных Комитетов, а также (ст. 63) об отделах,— органах технической работы, — образуемых при Советах.

Раздел четвертый посвящен изложению основ Советского избирательного права. Право участия в выборах характеризуется как положительно, так и отрицательно. Глава XIII исчерпывающим образом перечисляет в двух статьях — 64 и 65 — категории граждан правоспособных и неправоспособных. Глава XIV лишь самым общим образом намечает порядок производства выборов, предоставляя в ст. 70 ближайшую разработку избирательной системы местным Советам, действующим по инструкции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Глава XV устанавливает ряд положений, цель которых — охранять правильность выборов и обеспечить действительный контроль избирателей за деятельностю депутатов (ст. 78).

Раздел пятый излагает основы финансового хозяйства Республики. Раздел шестой и последний содержит описание герба и флага Республики.

---

1) См. главу X.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пересмотр Советской Конституции.

29. Ее способность к развитию. Той внутренней выдержанностью и согласованностью, о которой говорилось выше, в значительной степени обусловлена способность Советской Конституции расти и развиваться, с легкостью воспринимать все те изменения, которые диктуются не стоящей на месте жизнью. За пять лет своего существования она много раз пересматривалась, дополнялась и изменялась, обнаруживая тем самым свой характер живого, все обновляющегося организма. Рабочая Конституция, Конституция революционного класса,—она не хочет и не может превратиться в мертвую пыльную декорацию, в почтенного покойника, голос котораго среди живых прозвучал бы и страшно и смешно,—она должна каждую минуту сохранять свое значение рабочего плана, руководства, отражая экономический интерес господствующего пролетариата не как нечто отвлеченное, застывшее, для всех времен и обстоятельств данное, а как практическую задачу, решаемую различно в зависимости от тех или иных исторических условий.

30. Как вносятся поправки? Но для этого нужно, чтобы поправки, требуемые экономической и политической обстановкой, могли вноситься в основной закон без особых затруднений. Такому требованию Советская Конституция удовлетворяет вполне: согласно ст. $49^{а}$ и $51^{а}$, Всероссийский Съезд Советов может внести любое изменение в ее основные начала, характеризуемые ст. 9[1]), так и во все второстепенные положения, а В. Ц. И. К. в праве пересмотреть и изменить, отменить или дополнить любое положение Конституции, не относящееся к ее основным началам. Таким образом, 1) наша Конституция изменяется *обычными* законодательными органами, 2) эти органы, изменяя Конституцию, не связаны никакими исключительными правилами и условиями (вроде специальных сроков, особого состава и порядка заседания, квалифицированного большинства голосующих и т. п.).

В этих двух положениях выражается то свойство Конституции, которое в буржуазной науке носит формальное наименование *гибкости* и которое у нас служит внешним проявлением некоторых очень важных *особенностей* пролетариата и его государства.

31. **Формальное различие законов основных и обыкновенных.** В тридцатых годах XIX ст. знаменитый либеральный мыслитель, Алексис Токвилль, рассуждая об организации судебной власти в С.-А. С. Ш., коснулся слегка вопроса о порядке изменения французской, английской и американской конституций и пришел к заключению, что английская конституция не существует, ибо парламент в Англии совмещает власть законодательную с властью учредительной [21]. С поверхностной формально-юридиче-

---

[1]) См. об этом § 44.

ской точки зрения он был совершенно прав, и напрасно Лоу бросил ему упрек в раздражении и нетерпении[22]: спустя семьдесят лет авторитетнейший теоретик права подтвердил, что «существенный правовой признак конституционных законов заключается исключительно в их квалифицированной формальной законной силе»[23], и где нет затруднительных формальностей, придуманных для ограждения ненарушимости конституций, там «законы, называемые конституционными, с точки зрения государственного права, ничем не отличаются от других»[24].

32. **Твердые и гибкие конституции.** Конечно, эта формально-юридическая точка зрения есть только неминуемое следствие того разрыва между экономикой и идеологией, который совершается в головах юристов-теоретиков, и о котором говорил Энгельс[25]. Непригодность таких и им подобных схоластических построений и их оторванность от фактов бьет в глаза: английская конституция все-таки существует! И вот Брайсу, больше практику, чем теоретику, пришла счастливая мысль, подсказанная, впрочем, тем же Токвиллем, на разделении учредительной и законодательной власти построить разделение конституций на гибкие и неподатливые[26]. Классификаторам конституций он дал в руки столь недостававшее им довольно прочное основание деления, а попутно открылось, что Токвилль был введен в заблуждение именно необыкновенной гибкостью английской конституции.

33. **Оговорка о пересмотре и ее содержание.** Действительно, буржуазные конституции обычно содержат в тексте своем так называемую „оговорку о пересмотре“, определяющую те условия, при соблюдении которых только и может совершиться пересмотр или „ревизия“ конституции.

И смотря по тому, простой или сложный устанавливается порядок пересмотра, можно (в очень формальном и условном смысле, как будет показано ниже) говорить о твердой или гибкой конституции,

Так иногда ревизия предполагает роспуск парламента и новые выборы, иногда требуется образование особой чрезвычайной палаты народных представителей специально для ревизии, иногда для этого нужно прибегнуть к непосредственному народному голосованию. Часто палата, изменяющая конституцию, связана рядом более или менее стеснительных формальностей, например, необходимостью определенного большинства голосов, или требованием многократного голосования в нескольких законодательных собраниях, следующих в известном порядке друг за другом.

33а. **Вообще практика весьма разнообразна.** Первую французскую конституцию 1791 года запрещено было изменять в течение ближайших 10 лет (хотя она просуществовала всего несколько месяцев, однако, как типичная буржуазно-монархическая конституция, имела огромное влияние в смысле образца на ряд европейских конституций первой половины XIX столетия). Основные статьи греческой конституции 1864 г. (дйствовавшей еще во время войны) забронированы были от пересмотра на вечные времена. То же — директориальная конституция 1795 года. Современная конституция Франции может быть изменена лишь „национальным собранием“, составляющимся из палаты депутатов и сената; швейцарская и австралийская (как и в некоторых штатах С. А.) требуют обязательного всенароднаго голосования каждой поправки; конституции республиканской Германии (1919 г.) требует для своего изменения усиленного кворума палаты и усиленного большинства голосов, к тому же — рейхсрат может поставить огромное препятствие проведению поправки, принятой рейхстагом, потребовав народного голосования (ст. 76).

Американская конституция 1787 года поставила почти непреодолимые препятствия для своих изменений: не говоря уже об особых трудностях, которыми обусловлено предложение и принятие поправок в законодательном со-

брании С.-А. С. Ш., поправки должны быть утверждены тремя четвертями всего числа штатов, т.-е. они неосуществимы, если одна четверть штатов плюс один штат (хотя бы самый незначительный) отвергнут ее. В результате, конституция эта, „действующая“ и поныне, на протяжении 135 лет восприняла 19 поправок. Из них первые десять сделаны немедленно вслед за утверждением конституции и представляют скорей приписку к ней, чем изменение ее содержания [27].

Значит, девять поправок за время всего XIX и почти четверти XX века,— за время колоссальных экономических и политических перемен и потрясений! Спрашивается, что осталось в действительности от этой „действующей“ конституции? И где настоящая конституция Штатов: в доступном ли всем акте 1787 года, который можно прочесть вслух в двадцать пять минут, или в бесчисленных фокусах и уловках юристов, совершенно недоступных для обозрения так называемого народа [28]?

34. Таким образом, обычное свойство буржуазных конституций — формальная, т.-е. законом подтвержденная неподатливость. Те из них, которые вовсе молчат о способах пересмотра, тем самым, в сущности, только подтверждают свою предполагающуюся неизменность и незыблемость [29].

И открытое, легальное, по закону совершающееся изменение текста твердых конституций есть, сплошь да рядом, дело чрезвычайно трудное, в известных условиях просто невозможное.

И если они не погибают от удачной революции, то их медленно, но верно сводит на нет практика жизни: парламентское законодательство, судебные решения, толкования юристов, административные постановления, обычай — есть сотни способов „преобразовать“ конституцию так, как это нужно господствующему классу, оставляя ее незыблемой, священной, нетронутой в глазах общества. Но полезно заметить, что и формально гибкие конституции по существу обнаруживают ту же неподатливость, что и их твердые сестры [30]. Ряд политических условий, в которых живет буржуазное государство, превращает и их текст в пустую и выхолощенную букву, в бутафорскую принадлежность полицейско-парламентской комедии. Следовательно, *как общий закон, можно установить, что буржуазные конституции неподатливы по существу, а в большинстве случаев — и по форме.*

В глазах немногих буржуазных авгуров они, в лучшем случае, — величественные памятники прошлого, монументы на могиле былого энтузиазма, некогда охватившего на одну минуту все общество, в худшем — клочки бумаги, которые, однако, чтит наивная народная масса и которым она приписывает целебную силу. Пусть. Это заблуждение полезно поддерживать.

Никто в мире так не гордится своей конституцией, как именно американцы. Только три книги, говорят, они ,равны по возбужденному ими вниманию и удивлению мира: Дигесты, Коран и... федеральная конституция.

35. Причины твердости буржуазных конституций. Их договорный характер. Но, очевидно, должны быть глубокие причины, заставляющие буржуазию делать из своей конституции неприступную крепость? Раскрытие этих причин не поможет ли нам осмыслить ту деловую простоту, с которой мы в Советской России „прикасаемся“ к нашей Конституции, чтобы ее переделать? Чем объяснить, в самом деле, эту непостижимую на буржуазный взгляд доверчивость Советской Конституции, ничем не забронировавшей себя от вольного обращения?

Тайну своих конституций нам выдают сами буржуазные ученые. Они, как известно, отнюдь не склонны признавать классовую борьбу движущей силой всех движущих сил. Это потому, конечно, что познание движущих сил общественного развития, вообще, скрыто от их взоров. Самым проницательным из них доступны только результаты движения и только те видимые внешние формы, в которых это движение протекает. Такими внешними формами служит борьба идей, в частности — партийных лозунгов. И ученые с редким единодушием признают, что конституция — всегда результат столкновения противоположных течений, форма временного соглашения, договор, полный взаимных уступок, добровольных и вынужденных, определяющийся данным соотношением породивших его сил, одним словом — *компромисс*.

36. Свидетельство буржуазных ученых. «Конституция каждого отдельного государства есть компромисс, примиряющий различные стремления наиболее влиятельных социальных групп в данном государстве» [31]. Высшая мудрость государственных гениев, создающих конституцию, сказывается в наибольшей жизненности и целесообразности придуманных ими комбинаций и сделок, поэтому: «создание конституции заключается, главным образом, в создании практических компромисов» [32], и самое государственное право, «записанное государственное право почти всегда является соглашением между двумя или несколькими борящимися из-за власти и преимуществ партиями. При этом вполне естественно, что одна партия постоянно норовит обмануть другую» [33]. Всякая буржуазная конституция двойственна по самому происхождению своему: это — результат торга, коммерческая сделка, равнодействующая спроса и предложения. «По своей природе учредительный акт является двухсторонним; это акт между двумя сторонами, которые взаимно дают и получают» [34]; естественно, что он «должен быть не чем иным, как компромиссом между разнообразными интересами и стремлениями» [35]. И чем демократичнее общество, тем резче и ярче сказывается в его конституции эта печать компромиссности, потому что «демократия», — как совершенно справедливо замечает Эд. Бернштейн — «есть высшая школа компромисса» [36]. Ему, конечно, в руки все книги и все конституции, он неоспоримый знаток и мастер демократических обманов, сделок, торгов с переторжками, всех форм и видов соглашательства.

37. Буржуазная конституция, как классовый компромисс. Всякая буржуазная писанная конституция есть результат более или менее ожесточенной классовой борьбы, наиболее заметный, бросающийся в глаза эпизод этой борьбы, когда каждый из борющихся классов стремится подытожить прошлое, подчеркнуть свои завоевания, затушевать свои потери и выговорить себе наиболее выигрышные позиции для того, чтобы завтра же возобновить бой до следующего этапа. Но если конституция — договор враждебных сторон, где каждая стремится захватить другую врасплох и, пользуясь ее слабостью или простодушием, навязать ей те или иные условия, то что же удивительного в том, что более сильная сторона, а иногда и обе, стремится утвердить этот договор как нечто незыблемое и заранее гарантировать ему нерушимость? Тогда конституция выступает в ореоле „закона законов", тогда ее, как святые дары, носят в церковных процессиях [37], тогда она превращается в святыню, чуть ли не в божественное откровение, она — это земное дитя слишком земных страстей и интересов! А для ограждения выгодного договора от нарушений — и служат все эти „оговорки о пересмотре". *Буржуазные конституции тверды потому, что компромиссны.* И тем более в них твердости, чем больше в них обмана, чем больше натянут компромисс. Потому-то очень твердые конституции — пышные задания, рассчитанные словно на века, — взрываются и летят прахом часто на другой день.

38. Буржуазные конституции, как защита от возможных злоупотреблений власти. Но этим не исчерпываются причины твердости конституций.

Буржуазное общество находится в состоянии непрестанной внутренней войны. Война идет не только между буржуазией и пролетариатом. Сама буржуазия разделена на отряды, объединяющиеся в те моменты, когда острая опасность грозит всему классу собственников, и возобновляющие борьбу, когда опасность перестает быть грозной. Выражением и отражением этой классовой борьбы, разносторонней и разнообразной, проникающей во все поры буржуазного общества, общества, построенного на частной собственности, на стяжании и погоне за прибылью, — служит само государство (см. главу IV), в частности государственная власть. Ближайшее назначение государственной власти — создавать и поддерживать законные нормы общественного поединка, держать в границах порядка классовую борьбу [38]. Но этот судья не может быть беспристрастен. Будучи настоящим прообразом классового судьи собственнического общества, он сам то и дело бросается в борьбу, и со всей своей организованной силой выступает на стороне то одного, то другого класса, нередко решая исход борьбы. Немудрено, что классы буржуазного общества с недоверием и страхом относятся к той самой власти, которая является их неизбежным и необходимым порождением. Не имея сил уничтожить ее, они требуют гарантий и контроля. Безгранично нуждаясь в этом грубом телохранителе, который штыками и тюрьмами защищает их от ярости пролетариата, буржуазные классы стремятся обеспечить себе максимум свободы от его вмешательства, его посягательств, его дерзости и причуд. Этой цели и должны служить твердые конституции, где оговорки о пересмотре играют роль проволочных заграждений с электрической сигнализацией.

39. **Именно такой смысл и имеют любопытные признания, вырывающиеся иногда у буржуазных исследователей.** Оказывается, что народ, формулируя свое конституционное право, заботится всегда об одном: «чтобы это право было для него реальным оплотом против всякого покушения на его свободу» [39]. От кого же могут исходить эти покушения? О, они грозят бедному буржуазному «народу» отовсюду. В монархии — от исполнительной власти, в республике — от законодательной. «Законодательная власть в представительных демократиях наиболее часто стремится к суверенному поведению» [40]. Больше того: «Законодательная палата жадна и скупа... управляют ею страсти ее членов» [41], а отвращение к исполнительной власти — одна из любопытнейших особенностей английского народа [42] (только ли английского?). Вообще и везде — «народ презирает власть, но он боится ее» [43]. И к страху буржуазии перед властью присоединяется еще страх перед массами: «в передовой демократии народ должен защищать себя от собственных увлечений» [44]. — Последнее признание особенно пикантно: буржуазия, оберегающая массы от вредных увлечений! Впрочем, давно известно, что «буржуа суть буржуа в интересах рабочего класса» [45].

Вообще, буржуазные конституции имеют достаточно причин быть твердыми. Бывает и так, что роли на время меняются, и сама государственная власть, теснимая восставшими классами, создает себе баррикаду в виде конституции [46]. Так или иначе, причины прочности этих бумажных баррикад коренятся в классовых отношениях.

40. Источники гибкости Советской Контиституции: а) отношение пролетариата и крестьянства. После этих необходимых разъяснений становится совершенно очевидным, что несравненная гибкость Советской Конституции не есть что-то случайное и маловажное. Это признак и выражение очень существенных внутренних особенностей пролетарского государства. В Советской России отсутствует главное условие твердости конституции: торгующиеся, дого-

варивающиеся и подсиживающие друг друга классы. Пролетариат и революционное крестьянство — не попутчики, вынужденные и внутренне чужие, а естественные союзники в борьбе с помещичьей реакцией и буржуазной эксплоатацией (см. § 141 и сл.). „Эксплоатация крестьян отличается от эксплоатации промышленного пролетариата только по *форме.* Эксплоататор один и тот же: капитал“ [47]. Но в то время, как в буржуазном государстве крестьянин и рабочий — каторжники, прикованные к общей тачке и порой ненавидящие друг друга за тяжесть не ими созданных цепей, в Советской России они — равноправные хозяева жизни, идущие к общей цели. Классовым чутьем, которое не обманывает, крестьянин понял, что „красная республика — это диктатура его союзников“ [48]. Крестьяне не хотят, чтобы их, распыленных мелких производителей, объединяла и повела за собой буржуазия, они видят в пролетариате вождя, учителя и защитника и доказали это пятью годами сознательных величайших жертв в пользу пролетарского государства. Таким образом, Конституция наша — продукт законного единовластия пролетариата. На ней не лежит ни тени разномыслия, противоречия, половинчатости. Она оказалась логичной, выдержанной и последовательной с начала до конца. Как же и зачем могла явиться мысль об этих бутафорских замках, которые навешиваются на конституцию и ключ от которых трусливый, неуверенный в завтрашнем дне, сомнительный собственник кладет в карман? *Советская Конституция гибка потому, что чужда компромиссов.*

41. б) Отношение власти и масс. Но она гибка еще потому, что в Советской Республике власть не отделена от масс и не противостоит им, а составляет с ними неразрывное целое (§§ 198, 207). Как легко противопоставить буржуазный парламент распыленному, неоформленному „народу“! Но как противопоставить Советы — рабочим и крестьянам, организованным в этих Советах? В обстановке Советской Республики с ее рабоче-крестьянской государственностью какой курьезной нелепостью прозвучали бы слова о „скупой и жадной законодательной власти“, о „хищной и коварной исполнительной власти“! Мы слишком далеки от этих уродливых изломов буржуазного общества. Много лет тому назад талантливый и искренний человек мечтал о таком политическом порядке для России, „который не шарлатански, как это не раз случалось в Европе, а искренно и честно заинтересует собой миллионы“ [49]. Такой политический порядок оказался возможным только при диктатуре пролетариата, осуществляемой в Советах.

42. Создавая свою Конституцию, пролетариат хотел иметь в ней хороший и практичный рабочий план. И он оставил широко открытыми двери, чрез которые должны входить в эту Конституцию все нужные, диктуемые действительностью, изменения и дополнения. Он не самообольщался. Известно, что поколение, создававшее конституцию С.-А. С. Ш., считало ее весьма несовершенной, но „чтобы сделать ее популярной, превозносило ее, само мало веря в ее достоинства“ [50]. Пролетариат поступил иначе: не считая себя непогрешимым, он при самом рождении Конституции объявил, что она может быть во всякое время изменена согласно требованиям жизни [51]. Это дало ему возможность не лицемерить так, как лицемерили другие, „нарушавшие конституцию для того, чтобы сохранить ее“ [52].

43. Поправки и дополнения. Тем не менее, при всей легкости изменения Конституции, Советское конституционное законодательство отнюдь не сли-

вается с обыкновенным. Учредительной властью располагает только Всероссийский Съезд и В.Ц.И.К. (см. §§ 210 и сл.). Поэтому нельзя считать изменениями или дополнениями Конституции акты С.Н.К., если только они не подтверждены Съездом или В.Ц.И.К. *в качестве актов* изменяющих или дополняющих Конституцию. Точно так же не могут быть отнесены к конституционному законодательству и положения, истолковывающие и развивающие Конституцию, от кого бы эти положения ни исходили.

Вышеописанным способом за время с 1918 года в Конституции произведен был ряд поправок.

Изменены: ст. 26 (IX Съездом), 28 (VIII, IX и X Съездами), 42° и 42 р (В. Ц. И. К-том), 53 (VII Съездом), 54 (VII и IX), 57 (IX), 59 (VIII), 90 (В. Ц. И. К-том).

Дополнены: глава VII (VII, VIII и IX Съездами), ст. 41 (VIII), ст. ст. 55 и 56 (VII и IX), ст. 61 (VII) и ст. 78 (VII).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государство. Его происхождение и характер.

44. Статья девятая. Со стороны внутренней, со стороны своего содержания, Советская Конституция прекрасно характеризуется статьей 9 (Разд. II, гл. V).

Основная задача рассчитанной на настоящий переходный период Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти [1]).

Все характерные черты Советского государства здесь показаны. Отмечается, прежде всего, его временный характер, когда разрушено уже буржуазное общество, но не народилось еще общество социалистическое; далее подчеркивается единственно возможная форма власти в таком государстве — Советы, и характеризуется сущность этой власти, как диктатуры трудящихся; наконец, определяются цели пролетарского государства: ближайшая — упразднение класса эксплоататоров, и дальнейшая — водворение социализма; с уничтожением же классов государство уничтожает самого себя.

45. Все это, однако, нуждается в ближайшем рассмотрении, и, прежде всего, нужно выяснить, **что скрывается под понятием „государство"**.

Все без исключения руководства и учебники государственного права придерживаются в этом отношении раз навсегда установленного шаблона: сначала делается попытка определить государство, ответить на вопрос, что такое государство. Затем, обыкновенно, рассматривается юридическая природа государства, как организации правовой, как юридического отношения, и, наконец, исследуется вопрос о происхождении государства. Иногда еще к этому присоединяется более или менее обширная экскурсия в область гаданий о задачах и целях государства, — и этим общая часть исчерпывается.

Казалось бы, что раз ставится вопрос о происхождении государства, то правильное разрешение этого вопроса даст возможность без труда ответить и на то, что такое государство, как явление социальное, и на то, каковы его цели и задачи. Происхождением государства следовало бы, значит, заняться прежде всего, памятуя, что все остальное приложится. Но дело в том, что изыскания буржуазных ученых в этой области столь шатки и малоосновательны, выводы, к коим они приходят, столь малопоучи-

---

[1]) Нет сомнения, что статья эта, столь существенная и важная по смыслу своему, построена с внешней стороны неудовлетворительно. Она отличается тяжеловесностью стиля и, что гораздо хуже, старым словоупотреблением. Редактировавшие текст Конституции отдавали себе, конечно, полный отчет в неспособности Конституции установить диктатуру. Но... мы говорим и всегда, повидимому, будем говорить «солнце восходит», очень хорошо зная, что солнце неподвижно.

тельны, что ими, действительно, никак нельзя обосновать ни существа государства, ни задач его. Мало того, приходится еще иногда завершать научную эквилибристику учением об обосновании или об оправдании государства. Тщетный труд! Ничего не зная о происхождении государства, нельзя знать что-нибудь о существе его. А если так, то всегда будет вставать неразрешимый вопрос, зачем оно существует и, главное, почему оно существует.

Правильное определение государства не должно ограничиться указанием на чисто внешние, хотя бы и необходимые, черты государства, каковы территория, население и власть. Оно должно исходить из познания действительного внутреннего существа государства, как общественного явления. А такое познание дается, прежде всего и главным образом, изучением происхождения государства.

46. Необходимые черты государства. Несомненно, что основой государства служат, в первую очередь, люди. Люди образуют единую спаянную организацию — государство — вследствие общности территории. То обстоятельство, что они населяют некоторую часть земного шара, отделенную известной линией — границей, рубежом — от других соседних частей, уже создает известную общность интересов. Таким образом, соединение людей по земельному — территориальному — признаку, а не по какому либо другому (напр., на основании кровного родства или тесной дружбы), есть первый отличительный внешний признак государства. Далее. Тот порядок, который установился в том или ином государстве, нуждается в постоянной охране. Потребностям охраны удовлетворяет особая, отличная от всего населения, вооруженная сила. Эта вооруженная сила, — регулярная армия и полиция в различных видах — хотя берется от народа, но рядом искусственных мероприятий отрывается от него и, в случае нужды, противопоставляется ему. Для содержания этой силы с неизбежно сопутствующими ей придатками (тюрьмы) нужны значительные средства. Эти средства берутся с того же населения путем принудительного обложения. Налог — источник жизни для государства. Правительство и налог — одно и то же [53]. Войска и подати суть вторая и третья отличительные внешние черты той организации, которая зовется государством. Эти три черты делают государство, без них нет государства.

47. Всегда ли существовало государство? Зная, чем отличается государство от всякого иного общественного образования, можно задаться вопросом, как и когда возникло оно. Государство далеко не извечно. Человеческое общество существует не менее 200.000 лет, государству же не более 3.000 лет. Предшествующей ему формой общежития был родовой строй, основанный на чисто личных отношениях, на кровной связи. [1]) Несколько родов образовывали братство, несколько братств — племя.

48. Родовой (до-государственный) строй. Общественный уклад родового строя крайне прост и несложен. „Нет ни солдат, ни жандармов, ни полицейских, нет дворянства, царей, наместников, губернаторов, нет ни судей, ни темниц, ни процессов“ [54]. Род — мужчины и женщины — избирает старшину и военачальника, которых вправе сменить во всякое время. Военачальник распоряжался только на войне. Власть старшины не опиралась ни на какие принудительные меры и средства, тем не менее он пользовался огромным авторитетом

---

[1]) Действительной или воображаемой.

и всеобщим уважением. В каждом роде собирался совет, сходка всех взрослых членов рода без различия пола. Этот совет — верховная власть рода.

Простота и стройность этой общественной организации питалась простотой и согласованностью экономических отношений. Труд, по необходимости, был общим. Этого требовали разные условия: отсутствие совершенных орудий труда, бедность опыта и знаний, враждебные, непонятные первобытному человеку силы природы, опасность со стороны хищных зверей. Что производится и употребляется сообща — дом, огород, лодка — то составляет и общую собственность.

Родовое хозяйство носит коммунистический характер.

49. Падение первобытного коммунизма. Образование классов. Однако, дальнейшее развитие производства требовало разрушения первобытного коммунизма. Производительность труда непрерывно росла. Вместе с тем росло общественное разделение труда, которое до того времени наблюдалось лишь между мужчиной и женщиной. *Было три великих разделения труда*: сначала от земледельца отделился пастух-скотовод, потом ремесленник; возникает и развивается правильный обмен продуктами производства, — между потребителем и производителем вырастает посредник-купец. Повышение производительности труда и рост разделения труда сопровождается нарождением и развитием частной собственности. Как следствие первого общественного разделения труда явилось рабство: первое расчленение на классы. Следствием второго разделения труда было появление имущих и неимущих — второе деление на классы. И наконец, продуктом этого классового общества, непосредственным произведением его нездоровой атмосферы является новый класс, который, ничего не производя, распоряжается всем производством: это — купцы.

50. Зарождение классовой розни. Интересы рабов и господ, богатых и бедных, продающих и покупающих противоположны. В новом классовом обществе прежнее единство превратилось в противоречие, во вражду и антагонизм. Вместе с тем торговля, новые способы приобретения, обмен участками привели к подвижности и изменчивости местного населения. Члены родов перемешались друг с другом и с чужеземцами. Общественные отношения непрерывно усложнялись. Управлять, законодательствовать, судить становилось все затруднительнее.

51. Вырождение родового строя. Необходимость государственной власти. Могло ли сохраниться родовое устройство?

„Родовой союз родился из такой общественной формы, которая не знала никаких внутренних противоречий, и сам он не был приспособлен к господству над этими противоречиями“ [55]. Новому, раздираемому несогласиями, обществу как бы предоставлялось на выбор: либо непрерывная открытая „война всех против всех“, либо нарождение особой власти, которая подавила бы эту открытую борьбу, допуская ее лишь в экономической области. Так явилось государство.

Но уже раньше органы родового быта выродились. Народный военноначальник стал постоянным чиновником. Благодаря учащению грабительских войн, усиливается власть и значение его и других военачальников. Каста воинов становится экономической необходимостью, ибо некогда земледельцу или ремесленнику заниматься военным делом. Он предпочитает снабжать средствами особый класс людей, давая им возможность предаваться военному ремеслу без ущерба для их хозяйства. То же происходит и с общественным управлением,

законодательством, судом. Иногда эти дела берут на себя те же воины, иногда особая каста — жрецы. А с неминуемым ростом их общественного значения росла их власть, и „органы родового быта из исполнителей народной воли обращаются в самостоятельные органы притеснения и господства“ [56].

52. Государство — средство эксплоатации. Но вот возникает государство. Так как оно рождается среди классовой борьбы, то власть, конечно, сосредоточивается в руках сильного экономически класса. Долженствовавшая, казалось, быть надклассовой, созданная для примирения классовых противоречий, государственная власть оказывается сама прекрасным орудием эксплоатации, от пользования которым господствующий класс не имеет оснований отказаться. „Рабство есть первая, древнему миру свойственная, форма эксплоатации. Ей соответствует крепостничество средних веков и рабочий класс нового времени“. Поэтому древнее государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов; феодальное государство — организацией землевладельцев для подчинения крепостных крестьян; современное — орудие насилия капиталистов над рабочими.

53. Насильническая сущность государств: а) древний мир. Характер государства, его действительная роль и назначение выступают с наглядной явственностью в моменты переживаемой им опасности. Античное государство было основано на рабстве, античное хозяйство питалось рабским трудом. И в те времена, когда экономические основы Греции и Рима не были еще изжиты, трудно было под блестящей культурной внешностью античного государства открыть его насильническую и эксплоататорскую сущность. Но уже в I веке «до Р. Х.» экономический перелом обозначается довольно ясно; рабское хозяйство приходит в упадок, античный государственный порядок близится к своему концу. С этим-то переломом и совпадает огромное восстание порабощенного класса, пытающегося раньше времени разрушить свою тюрьму — государство. В течение двух лет — с 73 по 71 год — весь почти бассейн Средиземного моря находился в неслыханном кипении. Полчища рабов под предводительством бывшего разбойника наносили одно поражение за другим испытанным римским легионам. Эти два года — время смертельной опасности древнего классового государства. И в борьбе за свое существование государство это встало перед нами во весь свой рост. Спартак был уничтожен. Рим уцелел. Но рабовладельческая сущность древнего мира, классовый характер античного государства, как орудия эксплоатации, как огромной машины угнетения и подавления, сказались с очевидной ясностью.

54. б) Средневековье. Такие же моменты классовой опасности, позволяющие распознать действительные цели и смысл государства, переживал и феодальный мир. Уже четырнадцатый век знал два крестьянских движения на чисто-экономической основе: во Франции — жакерии, в Англии — восстание Уота Тэйлора. В шестнадцатом же веке гусситы в Богемии, анабаптисты в Германии, Швейцарии и Нидерландах шли не только против феодальных баронов и помещиков, а и против государства и государственной церкви. И крепостническое государство, видевшее себя на краю гибели, защищалось с той свирепостью, которой блещут только классовые войны. И князья, и епископы, и рыцарская конница действовали так рьяно, с таким одушевлением, кары, которые обрушивались на восставших, были столь объективно несоразмерны с их преступлением, пытки и мучения, которым подвергали крестьян, и виновных и невиновных, отличались такой изощренностью, как будто государство в этой борьбе против эксплоатируемого класса иной целью и не задавалось, как только подчеркнуть явственнее свою эксплоататорскую сущность, крепостничество, как жизненную основу своего существования.

55. в) Новое время. Для нового времени таким пробным камнем современного государства может послужить хотя бы борьба его с Парижской Коммуной. Коммуна объявила себя и была действительно живым отрицанием буржуазного государства. Она уничтожила конскрипцию и постоянную армию, она сделала ненужным чиновничество, и этими двумя мерами она подсекала в корне государственную налоговую систему. Коммуна уже не была государством. И буржуазное государство прекрасно поняло, что на карту поставлено его бытие, как определенной классовой организации. Борьба пошла

не на живот, а на смерть. И в этой межклассовой войне, перед ужасами которой потускнели эксцессы только-что кончившейся между-государственной войны, французское государство — типичное буржуазное государство [57] — показало свое настоящее лицо, лишившееся всех «надклассовых» личин. Капиталист схватился за свое государство не как за «организм свободы», не как за «воплощение нравственной идеи», а как за организацию насилия, за воплощение и средство классовой эксплоатации. И жестокая машина, освобожденная от всех покровов, которыми окутывают ее в обычное мирное время, заработала на виду бесстыдно и открыто, не заботясь о том, что она выдает сокровенные тайны своего устройства: в минуты классовой опасности не до надклассовых прикрас!

56. Но из того, что мы знаем о происхождении государства, уже не трудно вывести определение его и, вместе с тем, указать **его настоящее историческое место.** Первое уже отчасти сделано выше. При этом, характеристика государства с внешних, более или менее формальных точек зрения нас здесь мало интересует. Оставив в стороне вопрос о населении, территории и власти, как о составных элементах государства, а также о характере государственной власти — последнее особенно интересует государствоведов — мы ограничимся указанием на существо государства.

57. Государство есть отношение между людьми. Совершенно верно, что государство не есть „какой-либо материальный предмет: оно есть общественное явление“ [58], отношение между людьми. Но какое явление и какое отношение? На это ответ вытекает из изложенного. Так как оно явилось на известной ступени развития общества, то оно есть неизбежный продукт этого общества. Не прихоть человеческая, не ошибка и случай создали государство: оно возникло, как экономическая необходимость. В известный момент общество увидело себя распавшимся на непримиримые классы; оно увидело, что жить и развиваться дальше оно сможет, лишь поставив над собой особую властную организацию в качестве регулятора. Такой особой организацией, выделившейся из общества, и явилось государство с его постоянной армией, чиновничеством и налоговой системой.

В этом смысле *государство есть общественное явление.*

В то же время оно есть отношение между людьми. Выделившись из общества и ставши над ним, государство, однако, не стало выше общества. Напротив, оно приняло самое непосредственное участие в той классовой борьбе, из которой возникло, став на сторону сильнейшего. Оно призвано было быть беспристрастным судьей, а оказалось само и заинтересованной стороной и исполнителем своего же решения. Да иначе и быть не могло. Как и всякое общественное явление, *оно могло быть лишь отражением того, что происходит в области производства.* А в области производства мы видим неустанную борьбу собственников с несобственниками: здесь экономически-сильные присваивают себе продукт чужого труда, труда экономически-слабых. Государство „в целом есть только отражение в сложной форме экономических потребностей классов, господствующих над производством“ [59]. Следовательно, государство не есть отношение плодотворного сотрудничества, равновесия, гармонии, — оно есть *отношение власти, с одной стороны, и подчинения с другой,* отношение господства и рабства [60].

58. От Аристотеля до наших дней. Буржуазных определений государства — великое множество. Привести их здесь нет ни надобности, ни возможности. Замечательным, однако, является то, что через все эти определения, как ни различаются они друг от

друга и по форме и по содержанию, красной нитью проходит трогательная любовь к государству. Еще Аристотель слишком 2.000 лет тому назад объявил величайшим благодетелем человечества того, кто первый придумал государство. А в наше время ученый профессор Collège de France, Изуле, в одной из глав своего сочинения «Современное государство» с совершенно серьезным видом свидетельствует, что если у нас есть душа, то этим мы обязаны государству. Не удивительно, что буржуазный ученый стремится польстить государству, от которого он получает, если не душу, то во всяком случае присвоенное содержание; удивительно, что в этом стремлении он с разбегу становится чуть-чуть не историческим материалистом!

59. **Государство в германской философии.** В деле превознесения государства и культивирования какого-то «суеверного почтения к государству и ко всему более или менее связанному с государством»[61] особенную роль сыграла, как отмечает Энгельс, германская философия. Это Гегель облек мистически-философским туманом полицейское государство Германии. Правое крыло гегельянцев не преминуло увидеть в нем «высшую материальную форму личности»[62]. С тех пор огромная литература посвящена глубокомысленному изучению благодетельных свойств государства, провозглашенного логической категорией.

60. **Лассаль и его последователи.** Все эти теоретические упражнения были бы довольно безобидны, если бы не сопровождались двумя нежелательными последствиями. С одной стороны идеология эта, не лишенная известной доли обаятельности, оказала свое немаловажное влияние на государственные концепции социалистов. С легкой руки Лассаля в государстве увидели «единство личностей в одном нравственном целом, единство, умножающее в миллионы раз силы всех отдельных личностей, входящих в это единение, бесконечно увеличивающее индивидуальные силы каждой из них»[53]. Сообразно с этим целью государства сочли «развитие свободы, развитие рода человеческого в направлении к свободе»[64]. В частности, лассальянцы внушали рабочим вредную веру, что добиться лучшего будущего они смогут скорее и легче всего с помощью и при содействии того самого государства, которое сейчас выступает в роли эксплоататора и угнетателя.

61. **Анархизм против государства.** С другой стороны, отчасти те же неумеренные и приторные восхваления вызвали резкий отпор со стороны анархистов: ведь уже философия Штирнера должна быть отнесена к крайнему крылу молодого гегельянства. Но многочисленные и талантливые теоретики анархизма перегнули палку в другую сторону. Государство в их красочном и увлекательном изложении приняло черты зловещие, фантастические и туманные, менявшиеся в зависимости от темперамента и стилистического или ораторского дара того или другого автора. Далеко не все удостаивают даже признать государство исторической необходимостью. Многие недалеки от признания его случайной фантасмагорией, какой-то роковой игрой враждебных сил, умственным туманом, в который нечаянно оступилось человечество и из которого оно вынырнет, как только вздумается».

62. **Требуют ли анархисты разрушения государства?** Тщетно было бы, вообще, искать у анархистов сколько-нибудь ясной концепции государства. Здесь у них царит более или менее художественный беспорядок. По свидетельству Эльцбахера, анархизм, в сущности, не отрицает ни права, ни правового принуждения, — по крайней мере, ни у Прудона, ни у Бакунина, ни у Кропоткина, ни у Тукэра ничего этого нет. Неверно тоже будто Бакунин и Кропоткин не желают государства ни в какой форме: «Говорят, что анархизм требует разрушения государства, хочет смести его с лица земли, не хочет государства ни в какой форме, не желает никаких правительств. Если это правильно, в таком случае учения Бакунина и Кропоткина и все другие учения, признаваемые за анархистские, которые только предвидят устранение государства, а не требуют его, нужно счесть неанархистскими»[65]. Выходит, что весь спор с анархистами основан на легком недоразумении, на непонимании их учений. На самом же деле «все, как у нас» в благонамеренной и скромной доктрине анархизма.

63. **Неясность и незаконченность воззрений Бакунина.** Вряд ли, однако, все, как у нас. Нет сомнения, что бакунинские, например, взгляды на государство отличались чрезвычайной туманностью и электричностью. Бакунин не раз отмечал, что государство исторически необходимо. Но оно у него «исторически родилось во всех странах, как плод брачного союза насилия, грабежа и опустошения, одним словом, войны и завоевания» и притом «вместе с богами, последовательно рожденными теологической фантазией наций»[66]. Здесь все требует расшифровки и еще ненаписанных комментариев,

в особенности — рождение государства вместе с богами и нацией[1]). В другом сочинении государство характеризуется у него одновременно, как кладбище всех проявлений жизни, алтарь заклания свободы и абстракция, пожирающая жизнь[67]. Нельзя не признать, что точность и ясность мышления здесь явно закалаются на алтаре бойкой и хлесткой фразы, где и находят себе вполне конкретное кладбище.

64. Анархистские определения государства. Так или иначе, государство выступает в виде какого-то апокалиптического зверя. Оно совсем не «высшая материальная форма личности», а «самое вопиющее, самое полное отрицание человечества»[69], и это относится, конечно, ко всякому государству, даже и пролетарскому. «Государство — это шайка разбойников на работе». «Государство — самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно, и эта ложь медленно выползает из его пасти: я — государство, я — народ»[70].

65. Каковы же задачи пролетариата по отношению к этому чудовищу? Так как в самой сущности государства — «препятствие для социальной революции, самое серьезное препятствие для развития общества на началах равенства и свободы»[71], то первым делом восставшего пролетариата должно быть упразднение государства. Это — необходимое и достаточное средство для возникновения свободных союзов, действительно вызванных естественными потребностями и действительно удовлетворяющих им. «Разрушьте государство, — и на его развалинах вырастет федеративное общество; это будет общество единое и неделимое, вполне свободное и истинно солидарное в силу своей свободы»[72].

66. Борьба Маркса и Энгельса с верой в буржуазное государство. Опыт Коммуны. С этими двумя прискорбными последствиями приходилось бороться марксизму. На доказывание истин простых и очевидных потрачено было много сил и времени. Немецкие социал-демократы времени Готской программы (1875 — 1890 г.г.) излюбленным лозунгом своим выставляли «свободное народное государство». В сущности, это — то самое «народное трудовое государство», которое усиленно рекомендовалось А. Менгером в начале XX столетия и которое он предполагал возможным «ввести» не только «мирным», нереволюционным путем, но даже с соблюдением полной преемственной связи с «традиционными понятиями о праве и государстве»[73]. Уже в 1875 году Энгельс в письме к Августу Бебелю по поводу проекта Готской программы прямо указывает на опыт Парижской Коммуны, после которого следует бросить праздные разговоры о свободном народном государстве: ведь Коммуна — этот первый опыт пролетарского захвата власти — уже не была государством в собственном смысле. Разве не доказано этим на деле, помимо и независимо от всяких теоретических построений, что путь преобразования общества на социалистических началах лежит не через какие бы то ни было модификации буржуазного государства, а через разрушение его и замену чем-то принципиально иным?

67. «Критика Гостсќй программы». «Анти-Дюринг». В том же самом году Маркс в своей критике той же программы резко подчеркивает, что «несмотря на свою демократическую трескотню, программа вся насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство»[74]. А два года спустя, в 1877 году, Энгельс в «Анти-Дюринге» строго и точно резюмирует несостоятельность этой «государственной» точки зрения. Государство всегда было, должно быть по природе своей и будет орудием подавления слабого экономически класса, — может ли быть речь о «свободном государстве»? Но «как скоро ни один общественный класс не будет находиться в угнетении... не будет никакой надобности в такой репрессивной силе, как государство»[75], — какой же смысл в словах о «народном государстве»?

68. Предисловие к «Гражданской войне во Франции». «Последним же словом марксизма»[76], направленным против суеверной веры в государство, оказалось предисловие Энгельса от 18 марта 1891 г. к марксовой «Гражданской войне во Франции». Вновь и вновь подчеркивается характеристика буржуазного государства, сделанная в «Анти-Дюринге» и еще раньше в «Коммунистическом Манифесте»: современное государство представляет лишь организацию, созданную буржуазным обществом с целью

---

[1]) Впрочем, у Эльцбахера это место читается так: Государство — создание религии. Оно рождено во всех странах бракосочетанием насилия, разбоя, грабежа, коротко говоря, войны и покорения, с богами, которых постепенно создала религиозная фантазия народов[68]. И в таком виде мысль нисколько не выигрывает в ясности.

защищать все формальные условия капиталистического способа производства против посягательства как рабочих, так и отдельных капиталистов; оно даже и с формальной стороны является по существу капиталистической машиной, государством капиталистов, идеальным представителем всех общих интересов капитализма [77]. «Современная государственная власть — это только Комитет, заведующий общими делами всего класса буржуазии» [78]. И демократическое государство — такая же машина насилия, как и любая военная аристократия. Поэтому рабочему классу так же незачем ждать чего-нибудь реального от демократической республики, как и от самодержавной монархии. «И в лучшем случае государство есть зло, которое пролетариат, одержавший победу в борьбе за классовое господство, получит себе в наследство» [79].

69. Маркс в „Vorwärts'e“. Не лишним представляется отметить, что взгляд на государство, как на зло, Маркс принял уже в 1844 году, еще в пору своего знаменитого «линяния». В этом году в парижском журнале «Vorwärts» он видит в самой сущности государства зло. Государство, если оно хочет уничтожить пауперизм, должно уничтожить самого себя, ибо зло в нем самом [80].

70. Победа идей Маркса. В конце концов с верой в государство удалось в общем покончить. Мираж «свободного народного государства» был развеян, и это доказала уже в 1891 году Эрфуртская программа, не упоминающая больше о государстве. В этом отношении программа знаменовала окончательную победу идей Маркса.

Но одновременно с борьбой против социалистических почитателей государства шла борьба против анархических упразднителей его. Об этом ниже [1]).

---

[1]) Глава VI, § 98 и сл.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Уничтожение государства, как конечная цель пролетариата.

71. Классы — основа государства. Итак, государство возникло как результат появления частной собственности и деления на классы. Во все времена оно было орудием эксплоатации в руках господствующего класса. Следовательно, уничтожить классы значит уничтожить государство, сделать его ненужным и невозможным. К этому и стремится пролетариат в наше время, об этом он заявляет в своей Конституции.

Но как же он это сделает, и почему именно он призван сделать это?

72. Понимание сущности государства есть продукт капиталистических отношений. Да, этого не мог бы сделать ни один порабощенный класс прежних времен, даже если бы он понял действительное существо государства и преисполнился бы желанием разрушить свою тюрьму. Но даже и понимания этого не могло явиться в прежние до-капиталистические времена. Для того, чтобы такое открытие было сделано, нужно было возникновение особенных производственных отношений — капиталистических, нужна была реальная почва в экономике.

73. Противоречия капитализма. Перепроизводство. Экономический уклад нашего времени обладает весьма существенными особенностями, свойственными ему одному. Из них главная — противоречие между производительными силами общества и способами производства. Это значит, что средства производства в современном мире достигли огромной силы и с каждым днем все расширяются и не могут не расширяться. А между тем продукты производства, те горы товаров, которые выбрасываются безостановочно на рынок, общество не в состоянии потребить. Почему? Да потому, что продукты эти принадлежат тем, кому принадлежат земли, фабрики, заводы и мастерские, т.-е. небольшому, сравнительно, кругу людей. Эти продукты можно приобрести только за деньги, деньги же, опять-таки, не у общества находятся, не у тех рабочих, которые вырабатывали товар на фабриках и заводах, и даже не у так называемой интеллигенции — директоров, инженеров, врачей, учителей и т. п., — а у этих самых собственников орудий производства. Но производство не может остановиться. Капиталист во избежание убытков и разорения должен производить, должен поддерживать и даже расширять свое дело, а сбывать товар некому. С первого взгляда может показаться, что общество просто-напросто произвело больше, чем ему нужно; но ничуть не бывало: в деревнях и городах от непосильной работы и голодного истощения вымирают целые семьи, люди сходят с ума и кончают насильственно жизнь от голода, холода и отчаяния,

а рядом рынки и магазины ломятся от товаров, и капиталисты рвут на себе волосы: продавать некому.

74. Общественный характер производства. Происходит же это от того, что орудия производства находятся в частной собственности капиталистов. Теперь нет того, что было раньше — в средние, например, века, — когда каждый производил для самого себя из своего же, обыкновенно, материала. В наше время огромные массы людей сосредоточиваются в крупных производственных организациях под наблюдением и руководством капиталистов, а еще чаще — их приказчиков. Уже не самопрялка действует, не ручной ткацкий станок, не простой кузнечный молот, а прядильные машины, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо крошечных мастерских, где работали сами на себя один, двое, трое, и только разве случайный излишек несли на рынок, — теперь колоссальные фабрики, требующие тысячи рук и производящие исключительно на сбыт. То работал один человек у своего станка для своих нужд — то было, следовательно, личное, индивидуальное производство. Теперь работают на одном месте тысячи людей, так что к каждому продукту каждый так или иначе прикладывает руку и никто, в конце концов, не может сказать: это сделал я, это мой продукт. Производство, значит, стало общественным.

75. Но оно общественным является не только по форме своей, а и по внутреннему значению. В наше время весь культурный мир есть один цельный хозяйственный организм. Пар и электричество сокрушили все границы между отдельными странами. Все части этого организма тесно друг с другом связаны и друг от друга зависят. Тут — сырье одного рода, там — другого рода, здесь — нужда в таких-то продуктах, там — в иных. Таким образом, производство затрагивает общественные интересы, интересы всего человечества. Мы говорим: оно сделалось функцией общественной.

76. Индивидуальный характер присвоения. А между тем, продукт этого общественного труда принадлежит не всему обществу, а капиталисту. Он присваивает себе предмет общей собственности. И так как производство направляет частный человек — предприниматель, — то он сообразуется только со своим интересом, а не с нуждами и потребностями всего общества. А ведь его интерес один: п р и б ы л ь! И этот интерес велит ему производить как можно больше и продавать как можно дороже, но так как это интерес каждого капиталиста, то отсюда бешеная гонка, конкуренция, перепроизводство одних ценностей, недопроизводство других, разорение предпринимателей, бедствия потребителей и рабочих. Нет планомерного руководства, нет точно рассчитанной схемы, по которой производилось бы только то, что нужно, и в таком количестве, в каком нужно.

77. Неустранимость анархии производства. Опыт показал, что попытки такой планомерной организации в рамках капитализма, т.-е. при сохранении частной собственности на орудия производства, ни к чему не приводят. Борьба между отдельными капиталистами или их союзами должна продолжаться [1]).

---

[1]) Союзы капиталистов — все эти ринги, картели и тресты, в особенности тресты, — нисколько не ослабляют конкуренцию, они только систематизируют ее, сообщают ей более организованный, а следовательно, более суровый и непримиримый характер. Не только между отдельными трестами, — внутри самого треста отношения основаны исключительно на соображениях силы, и только силы. В этом смысле чрезвычайно знаменательна характеристика треста, исходящая из такого хорошо осве-

Современный капитализм принял монополистический характер: это значит, что каждый капиталист — единичный или коллективный — вынужден стремиться во что бы то ни стало выжить противника и самому захватить его место. И соревнование это приводит все к более и более грандиозным столкновениям, в которых участвует уже весь мир, потому что весь мир втянут в капиталистическое хозяйство. Эти столкновения ослабляют обе стороны, — и тогда потеха начинается сначала.

«Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран. Вместе с тем отнюдь не уничтожилась ни анархия капиталистического производства вообще, ни конкуренция капиталистических производителей. Эти явления не только остались, но и углубились, воспроизводясь в рамках мирового хозяйства» [81].

78. **Но если бы даже и удалось достигнуть такой организации производства, все-таки обществу не было бы лучше, а, пожалуй, хуже.** Ибо пока средства производства остаются в частной собственности, — продукты тоже принадлежат отдельным лицам, а тогда погоня за прибылью остается во всей силе. Прибыль же создается неоплаченным трудом рабочего. Капиталист продолжал бы преследовать одну цель — нажиться, и эксплоатация народных масс нисколько бы не уменьшилась. Напротив, она выиграла бы в систематичности. То сдирали шкуру с населения каждый вразброд и мешая друг другу, а то сдирали бы согласованно, дружно, без оторопи, поделивши заранее, что и где кому драть, и уж драли бы на-чисто. Легче ли было бы от этого рабочему люду?

79. **Что пользы от вмешательства буржуазного государства?** И если бы даже государство выступило на сцену и, продолжая оставаться капиталистическим государством, взяло бы в свои руки все производство, оно сделало бы это, конечно, в интересах капиталистов — господствующего класса, — а не всего общества. В царской России, например, винокурение и продажа вина были целиком в руках государства: оно монополизировало эту отрасль производства. Но так как это было государство помещиков и капиталистов, то рабочим и крестьянам „монополька“ приносила такой же вред, если не больший, что и старые кабаки. То же и с почтой и с железными дорогами. Только государство трудящихся, пролетариат, организованный в господствующий класс, может совсем отменить плату за почтовую корреспонденцию, за железнодорожные перевозки, или же временно, до отмены, держать эту плату на таком сравнительно низком уровне, что и почта и железные дороги будут действительно обслуживать народные массы. Выработку же спирта рабоче-крестьянское государство и совсем прекратит, щадя рабочие силы, щадя полезный материал и не имея нужды наживаться на спаивании населения.

Таковы в самых общих чертах особенности капиталистического производства. Оно целиком состоит из противоречий. Отражением же этих противо-

---

домленного источника, каким является миллиардер Гульд. Это, по его словам, группа непримиримых врагов, которые «собрались в одной тесной комнате, ярко осветили ее, держат друг друга за руки, и только поэтому не убивают один другого. Но каждый из них зорко ждет момента, когда можно будет напасть врасплох на временного и невольного союзника, обезоружить, уничтожить его, и каждому друг, рядом с ним, кажется опаснее врага за стеною» (Приведено у М. Горького: «Статьи 1905 — 16 г.г.». Изд-во «Парус», стр. 20).

речий служит современная классовая борьба: антагонизм между пролетариатом и буржуазией.

80. Пролетариат. Так как капитал создается прибылью, а прибыль предприниматель выжимает из рабочего, то ясно, что буржуазия не может существовать без наемного труда. Эксплоатация наемного труда — один из главных жизненных интересов буржуазии. Во времена до-капиталистические наемный труд наблюдался лишь в виде исключения. Теперь он — общее правило, рычаг всего производства, он превратился в единственное занятие рабочего. Постепенно у рабочего были отняты все средства производства. У него не осталось ничего, кроме рабочей силы, которую он и продает предпринимателю. Но армия пролетариев — людей, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу, — неудержимо растет, в то время как класс капиталистов численно убывает. Порабощенный класс, как и производство нашего времени, имеет истинно общественный характер: он рекрутируется из всех слоев общества. И разорившийся, не выдержавший конкуренции, предприниматель, и проторговавшийся купец, и обедневший крестьянин, и опустившийся интеллигент — все они делаются пролетариями.

81. Его экономические интересы. Интересы этого класса прямо противоположны интересам буржуазии. Пролетарии лишены собственности; нет такого рода собственности, на котором основывалось бы благополучие пролетариата, как класса; они, следовательно, вынуждены хотеть уничтожения частной собственности на орудия производства. Лишенные собственности, они и не заинтересованы в эксплоатации чужого труда; напротив, пока труд не станет делом всеобщим, до тех пор не исчезнут пролетарии, как класс. И более кого бы то ни было страдают они от анархии производства; их интерес, следовательно, велит им стремиться к упразднению свободной хозяйственной деятельности и к замене ее планомерной организацией производства и распределения.

82. Его экономические задачи. Но первая и непосредственная задача пролетариата — обобществление орудий производства. Сделать это он должен не только потому, что того требует его классовый интерес, что для него нет другого средства выбиться из униженного положения, но и потому, что этого требует интерес всего общества. В наше время уже достигнута та ступень, на которой способ производства восстает против способа обмена. Производительных сил избыток: орудия, припасы, рабочие руки — все это требует использования, но не может быть использовано, пока не превратится в капитал. И вот, так как отдельные капиталисты не в состоянии совладать с этими общественными производительными силами, то само государство принуждено все чаще и чаще вмешиваться: оно берет в свою собственность сначала крупные средства сообщения — почту, телеграф, железные дороги, а потом и средства производства, наиболее ему нужные: орудийные и оружейные заводы.

83. Исчезновение государства, как следствие новых производственных отношений. Таким образом, подобно тому, как социализм зреет в недрах капиталистического общества, так и пути осуществления социализма тоже заранее указываются еще при капитализме: надо превратить средства производства сперва в государственную собственность. Конечно, для этого пролетариат должен предварительно взять государственную власть. Но если уничтожена частная собственность на орудия производства, исчезает всякая основа для разделения общества на эксплоататоров и эксплоатируемых, исчезает деление на классы,

и гаснет классовый антагонизм. Что же станется тогда с государством? Не ясно ли, что и оно должно исчезнуть? Ведь само по себе оно не имеет никакого значения, и само по себе оно никому не нужно. Оно явилось в процессе классовой борьбы, как хорошее средство подавления классовых противников, когда же некого и незачем будет подавлять, — государство растает, развалится, исчезнет постепенно и незаметно. Ко времени исчезновения государства и орудия производства перейдут окончательно в общественную собственность, в распоряжение всего трудящегося общества. Они находятся в руках государства лишь в течение того переходного периода, пока пролетариат — господствующий класс — применит свою власть для организации производства по новому, для подавления остатков враждебного класса и привлечения на свою сторону промежуточных классов. Конец этой работы будет и концом государства.

84. Сущность задачи в следующем: признать, что современные производительные силы имеют действительно общественный характер, и что поэтому производство, присвоение и обмен должны тоже иметь общественный характер. Это и значит овладеть силами природы, которые с этого момента перестанут действовать слепо и разрушительно, а будут подчинены разумной воле и руководству человека.

85. Падение власти над людьми. Тогда исчезнет власть товаров над товаропроизводителями, и сам человек перестанет быть товаром, т.-е. вещью. Тогда и управление людьми перестанет быть не только нужным, но и возможным, а это и означает конец политической власти, замену власти над людьми властью над вещами.

Это и означает замену государства учетно-счетно-контрольной организацией, назначение которой: руководить только социалистическим хозяйством, социалистическим производством и распределением.

«Роль правящих неизбежно должна уменьшаться с каждым днем и, наконец, ограничиться областью контроля и надзора», — говорит Дюги, — но не потому, что «все экономические и социальные функции понемногу распределятся между различными классами» [82], как думает этот наивный человек, берущий на прокат социалистические теории с тем, чтобы выхолостить их социалистическую сущность, а потому, что самые классы исчезнут, или, вернее, в связи и параллельно с их исчезновением.

86. Переходный период. Но между капиталистическим государством и социалистическим обществом лежит переходный период, период полугосударства. Это время наполняется и политической и хозяйственной работой. Политический аппарат государства, аппарат власти, подавления и устрашения, направлен против вчерашних эксплоататоров, еще сохраняющих силу сопротивления; хозяйственный аппарат организует и увеличивает производительные силы страны; все, вообще, усилия государства направляются на привлечение к управлению широких пролетарских масс. Научить каждую кухарку управлять государством! [83]. Этим путем воспитывается новое поколение, которое возмужает уже в новых условиях и сможет спокойно отказаться от подавления, принуждения, устрашения. Но к тому моменту, когда созреет эта возможность отказа, государства уже не будет.

87. Моральное банкротство правящих классов. Этическое гниение. Итак, пролетариат должен завоевать государственную власть. В наше время для этого готовы все экономические предпосылки, а следовательно, и мотивы морального свойства. Уже Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» отмечал политическое и умствен-

ное банкротство буржуазии [84]. Действительно, класс, потерявший экономический суверенитет, переставший быть кормильцем и поильцем общества, еще долго может сохранять политическую власть: его поддерживает сила инерции, благоприобретенные воля и навык к власти, бессознательное доверие и уважение масс, привыкших видеть в нем хозяина. Но неуклонно совершается, однако, в нем процесс этического гниения, который подтверждается наблюдателями с самых различных точек зрения и который есть не что иное, как отражение его экономического падения. «...Капитализм заходит в тупик и во внутреннем моральном отношении... Капитализм быстрыми шагами идет к своему идейному кризису», — говорит И. А. Покровский [85]. Касаясь, между прочим, внутренних движущих сил революции, Л. И. Петражицкий делает мимоходом характеристику господствующего класса, не договаривая, правда, до конца свою мысль и сопровождая ее разными оговорками, характерными для буржуазного ученого: революция «обыкновенно ускоряется и облегчается тем, что пользующиеся существующим правовым строем, извлекающие из него материальную пользу (напр., из рабства, как это было до соответственной американской революции, из феодальных привилегий, как это было до Французской революции) [1]) или поддерживающие его по каким-либо иным расчетам и соображениям без этической санкции со стороны интуитивно-правовой совести, без веры в святость и справедливость своего дела или даже вопреки противоположным указаниям своей интуитивно-правовой совести, — подвергаются неизбежному этическому отравлению и упадку; происходит этическое гниение соответствующих верхних слоев общества и государственного механизма, появляются и распространяются компрометирующие злоупотребления, замечается недостаток честных и выдающихся, действующих с верой и энтузиазмом, людей и т. д.» [86].

88. **Конфликт личных и общенародных интересов.** Вспоминая слова Фихте, что чем выше сословие, тем больше в нем безнравственности, Лассаль объясняет это явление постоянным конфликтом между нравственным долгом и личным интересом, который переживает высшее сословие и в котором верх берет именно личный эгоистический интерес: «Развитие народов, дух истории с давних пор приводит ко все большему и большему уничтожению привилегий, гарантирующих высшим сословиям их положение, как высших, господствующих сословий. Поэтому желание сохранить это положение или личный интерес побуждают каждого члена этих сословий стать в принципиально-враждебное отношение к развитию народа, к распространению просвещения и науки, к успехам культуры, ко всем веяниям и победам исторической жизни... Это противоречие между личным интересом высших сословий и культурным развитием нации и составляет причину глубокой и неизбежной безнравственности высших сословий. Стоит только представить себе, в какие условия ежедневно ставит их такое существование, чтобы понять необходимость глубокого нравственного падения их... Это вечная жизнь, говорю я, как во вражской стране, и врагом этим является свой же собственный народ, и нужно еще постоянно хитрить и скрывать, что ты смотришь и относишься к нему, как к врагу... Присоедините сюда необходимость или делать все это против голоса собственной совести и собственного разума, или заглушить в себе навсегда этот голос, чтобы он больше не смущал, или, наконец, никогда не знать его, никогда не знать ничего лучшего, кроме религии своекорыстия. Такая жизнь... целиком губит в нас все нравственные начала в одной всепоглощающей жажде своекорыстия и наслаждений» [87].

89. **Цинизм и лицемерие.** Тот же конфликт видит Каутский, когда он говорит: «чем дальше, однако, унаследованные моральные положения сохраняют свою силу при наличности экономического развития и возникновения новых общественных форм, которые требуют новых нравственных норм, тем больше становится противоречие между господствующей моралью общества и жизнью и стремлениями его членов...». В результате «в гибнущих классах, в зависимости от занимаемой ими исторической позиции, развивается либо цинизм, либо лицемерие. Но одновременно в этих классах, как мы видели, легко исчезает сила социальных инстинктов вследствие усиления обособлен-

---

[1]) ...из прибавочной ценности, как это происходит сейчас в буржуазном мире, — можем мы добавить. Петражицкий осторожен и вежлив — о присутствующих он галантно умалчивает, но нарисованная им в последующих строчках картина говорит сама за себя. И отнесена она должна быть не только за счет южно-американских плантаторов, феодального общества или русского полицейско-помещичьего государства, но и за счет буржуазного классового государства.

ности интересов, а также возможности выставлять вместо себя в решительной борьбе наемников и избегать необходимости ставить на карту свою собственную жизнь. Все это порождает в консервативных господствующих классах то явление, которое принято обозначать именем нравственного упадка» [88].

90. Апатия и эгоизм. «В то же время», — говорит Каутский уже непосредственно по поводу близкого завоевания пролетариатом политической власти, — «в рядах противников (т.-е. противников пролетариата), благодаря сознанию, что в их среде господствует испорченность и бездарность, сеется малодушие и апатия. Они не верят больше в свое дело и в своих вождей, которые как раз теперь, когда затруднительность положения становится изо дня в день все значительнее, все более обнаруживают свое бессилие и свое полное ничтожество». «Их интерес к крупным вопросам угасает и храбрость их не возбуждается больше...». «У государственных деятелей и идеологов класса и государства, которым не приходится больше бороться за великие дела, — у этих людей бескорыстный интерес к общим заданиям класса и общества вытесняется интересом к своей собственной личности» [89].

Нельзя сомневаться в правильности наблюдений, исходящих из столь различных источников и выражающихся, однако, в словах почти тождественных.

91. Это иллюстрируется текущей действительностью. И действительно, примеров такой исключительной и вместе с тем вполне естественной испорченности довольно у нас на глазах. Жалкое метание изувеченной русской буржуазии между немецким вахмистром, английским торгашом, французским ростовщиком и польским авантюристом, открытая беспринципность антантовской буржуазии, готовой облобызать кого угодно, лишь бы этот кто угодно спас ее от большевистской опасности — все это достаточно яркие иллюстрации.

Увы, ничего не помогает. Все эти яростные усилия направляются против самой буржуазии. И в наивном огорчении, в полной растерянности ее же собственный психолог констатирует, что какой-то «вихрь безумия ослепляет ныне буржуазию, ибо она без устали потрясает самые солидные основы общества, ее защищающего... Она теряет сознание своего превосходства, своего могущества и своего достоинства» [90].

92. Капиталисты излишни. Но особенно важно, что в связи и параллельно с моральным и умственным вырождением буржуазных собственников совершается неуклонное отстранение их не только от верхов государственного аппарата, от «высокой политики», но и от руководства промышленностью. И там и тут собственника заступает и заслоняет его приказчик. Личность капиталиста играет все меньшую и меньшую роль [91].

Существование класса капиталистов становится все более ненужным, его господство все менее прочным. Вернейший признак его неминуемой близкой смерти — пропасть, которая все резче отделяет его от классов противоположных. Маркс говорил, что господство класса тем прочнее и опаснее, чем более он способен принимать в свою среду выдающихся людей из угнетенных классов [92]. В наше время правящая буржуазия обособлена на высокой и тесной скале, с которой можно свалиться, но на которую невозможно взобраться. Это видят все. «Нашему теперешнему обществу грозит опасность все более и более уподобиться лестнице, в которой сверху и снизу много ступенек, а средние ступени прогрессивно исчезают» [93].

93. Двусторонний кризис буржуазной государственности. В конце концов оба стоящие друг против друга класса — и класс правящий по названию, но уже отстраненный от фактической власти, и класс не правящий еще юридически, но уже действительный «король политического порядка» [94] — оба они охватываются своеобразной политической индиферентностью. Формы своей государственной власти буржуазия уже не уважает и не ценит ни во что. Она изверилась во все политические режимы, уже не способна не только найти, но и искать новые конституционные формы, и устами какого-нибудь Клемансо признается, что не может больше управлять. Где найти в наш век политического скепсиса такие конституционные учреждения, которые способны поднять энтузиазм? — меланхолически вопрошает буржуазный ученый [95]. И рабочему классу этот политический упадок духа передается, но передается не совсем так, как бы это хотелось буржуазным идеологам: он тоже ставит крест над государственностью, но только над государственностью буржуазной. Чуждый бержуазного бессилия, полный новых возможностей и нового духа, он подходит к политической власти с тем, чтобы сообщить ей совершенно новое содержание и принципиально иные цели.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Особенности пролетарского государства, как организации временной.

94. Пролетарское государство — последнее государство. Из сказанного в предыдущей главе следует, что задачи пролетариата по отношению к государству резко отличаются от задач буржуазии да и всякого, вообще, другого класса. Буржуазия, господство которой основывается на собственности, на классовом разделении общества, нуждается, конечно, в государстве, как в постоянно действующем орудии угнетения. Она склонна, поэтому, считать государство вечным, ибо ей приятно тешить себя мыслью, что царствию ее не будет конца. Мы же, напротив, утверждаем в своей конституции, что господство пролетариата временно, и что государство его — организация переходного периода, за которым последует безгосударственное состояние.

95. Основная цель. Понятно, что пролетарское государство, одна из целей которого — стремление к собственному уничтожению, существенно отличается от государства буржуазного. Это прежде всего господство организованного большинства над меньшинством. Экономические основы этого меньшинства — частная собственность, наемный труд, вольная хозяйственная деятельность — с каждым днем ослабевают, меньшинство это должно, следовательно, неуклонно таять

Во-вторых, государство это чуждо желания кого бы то ни было угнетать и порабощать. Гусударственная машина и в руках пролетариата остается машиной насилия и укрощения, но самый смысл насилия, очевидно, меняется. Воспользоваться своей властью для вмешательства в буржуазные имущественные отношения, наладить социалистическое хозяйство, уничтожить основы классовой эксплоатации, решительно и систематически пресекая всякое сопротивление в этом деле, осуществить в результате действительно всеобщий интерес, интерес всего общества — вот смысл этого насилия. Нужно ли доказывать нравственную разницу между насилием, которое предпринимает бандит, грабящий путника на большой дороге, и насилием, цель которого — лишить бандита возможности грабить, сделать самое существование бандита невозможным. Первое — насилие, применяемое буржуазным государством, второе — пролетарским.

Вот, что означают слова ст. 9 о подавлении буржуазии и уничтожении эксплоатации человека человеком.

96. Государство против государства. Сокрушение буржуазной машины. Очевидно, что пролетариат, завладевая государством с тем, чтобы в конечном счете упразднить его, как бы направляет государство против государства же. Нет ли в этом противоречия? Можно ли в данном случае клин клином вышибать?

Ведь вот, верхогляды из буржуазных ученых, которые слышали звон о том, что марксисты «хотят» уничтожить государство путем завоевания пролетариатом государственной власти, утверждают с ходульной высоты своей ложной и лживой науки, что в этом великая несообразность. «Марксу и Энгельсу представлялось, что политической властью можно овладеть на краткий срок, воспользоваться ею для нанесения смертельного удара старому строю и затем сдать ее за ненадобностью в музей. Но в этом представлении заключается, с точки зрения науки права, величайшая неясность мысли»[96]. Профессору права кажется, что он проник, наконец, в построения Маркса и Энгельса. Но ничего, в действительности, не зная и не понимая, не дав себе даже труда добросовестно овладеть темой, он неясность своей собственной убогой мысли приписывает Марксу и Энгельсу. На самом деле, и Маркс, и Энгельс, особенно после опыта Коммуны, представляли себе дело совсем иначе, хотя, конечно, исходили никак не из мнимой науки права.

Конечно, нельзя клин клином вышибать. Завладеть буржуазным государством и просто повернуть эту громоздкую машину,

> «эту исполнительную власть, с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона. Этот ужасный организм — паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры...»[97],—

так, чтобы она служила своей собственной гибели, пролетариат не может. *Государство его должно быть полугосударством.* Оно должно быть уже пригодно к постепенному отмиранию, оно должно быть ручным зверем пролетариата, тем серым волком из народной сказки, который служит, пока в нем есть нужда, и безропотно удаляется по миновании надобности. На такую роль буржуазная государственная машина никак не подходит, приручить этого зверя нет никакой надежды, —в решительную минуту он ощетинится и выкажет свою неукротимую „необщежительную“ природу. Пролетариат первым революционным делом *разбивает, ломает старое государство.* Для этого, конечно, нет надобности крушить и дробить с маху, — достаточно вынуть два-три винтика, попортить два-три рычажка, — и обессиленный зверь сдается на милость победителя.

97. Что нужно сломать? Именно такими винтиками-рычажками являются армия, чиновничество. Именно с помощью армии и чиновничества или, вернее, в лице армии и чиновничества государство всегда было машиной для угнетения. В государстве древнего типа армия заботливо охранялась от проникновения в нее рабов, в государстве средневековом роль постоянной армии играла рыцарская конница — сила, опять-таки, чуждая порабощенным народным массам и всегда готовая служить против них. Когда же короли научились пользоваться наемниками из среды самого народа, то и эти наемники превращались в специалистов военного дела, привязанных к своему вождю. Он увлекал их победами, жизнью, полной рискованных приключений и славы, возможностью награбить и разбогатеть, во всяком случае, пожить весело. Оторванные от народа, эти солдаты (от слова Sold — жалованье, значит — получающие плату) легко научились смотреть на него с презрением и ненавистью. Буржуазное же государство не имеет уже нужды заманивать отдельных добровольцев из народа деньгами и обещанием развеселой жизни. Теперь машина настолько сильна, настолько могущественна, что может просто принудить граждан выделять каждый год потребное число рекрутов, которые будут служить не за совесть, а за страх. В строю молодого крестьянина ждет отупляющая муштровка, жесто-

кая палочная дисциплина, мучительные и унижающие наказания. Он оказывается бесправной вещью в руках офицера. А чистота командного состава блюдется строго. Туда не проникнуть ни крестьянину, ни рабочему. Таким образом, и современную армию ничего не стоит направить против народа, на карательные экспедиции, на расстрел забастовщиков.

Разрушение царской армии, т.-е. государства, начала буржуазная революция. Пролетариат только овладел этим движением, и благодаря ему старая армия не наделала, рассыпаясь, непоправимых бед.

Всякий рабочий, всякий крестьянин знает, что такое же дело угнетения, надувательства и издевательства вершило и чиновничество — вторая главная сила государства. Февральская революция этой силы не затронула, но октябрьская — рабоче-крестьянская — сбила и чиновничество с позиции, покончила со старой бюрократией, и если и правда то, что создалась бюрократия новая, то, все-таки, она уже по одному тому лучше старой, что находится на службе у народа и ему непосредственно подотчетна. А главное, Советская система сама по себе — отличный противовес и самой плохой бюрократии. Но об этом, как и о других существенных особенностях Советского государства, скажем в своем месте.

98. Анархистские требования отмены государства. Лишь выяснив себе задачи революционного пролетариата по отношению к буржуазному государству, можно сознательно разобраться в старом споре с анархистами по поводу пресловутой отмены государства, как организации авторитарной, вообще. Как упоминалось выше [1]), требования анархистов сводились и сводятся к немедленному упразднению государства, лишь только революционные массы одержат верх: отменить государство «с сегодня на завтра», как с иронией формулировал эту политическую программу Энгельс.

99. Постановка вопроса. В вопросе этом — как во всяком, впрочем, — самое важное — его постановка. Правильная же постановка дана Лениным в его книге «Государство и революция». Обычная дискуссионная формула: «мы-де признаем государство, а анархисты нет!», в которую долженствует вылиться вся, якобы, суть разногласий, по справедливости характеризуется Лениным, как мещанство и пошлость. Спор такой формулой не разрешается, не исчерпывается и даже не определяется. И та и другая сторона сходятся на необходимости конечной гибели государства, и в этом отношении марксисты так же мало «признают» его, как и анархисты. Но какое именно государство погибнет и погибнет, не оставив преемников? Какое именно, чье государство будет «отменено», если и не декретом, то ходом событий, которые посильнее, конечно, декретов?

100. Энгельс об отмирании пролетарского государства. На оба эти вопроса давно даны исчерпывающие ответы. К ним только почему-то мало прислушивались. Рядом рассуждений, сила которых ничем пока не ослаблена, и правильность которых никем пока не опровергнута, Маркс и Энгельс доказали, что пролетариату нужно государство революционной и преходящей формы для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии. И в «Анти-Дюринге», и в «Происхождении семьи», и в предисловии 18 марта 1891 г. писал Энгельс об известном периоде «засыпания» или «отмирания» государства после перехода власти в руки пролетариата, власти, которой он воспользуется для экспроприации производства, «для ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а, следовательно, и классовое господство». «Пролетариат овладевает государственной властью и превращает средства производства сперва в государственную собственность. Но тем самым он прекращает свое существование, как пролетариата, уничтожает различия классов и их антагонизм, а также само государство, как государство». (Цитируется из «Развития социализма от утопии к науке» по прекрасному переводу В. И. Засулич) [98]. Здесь именно только слово «овладевает» (в подлиннике «ergreift») выражает действие однократное, мгновенного характера. Слова же «превращает» и «уничтожает» (в подлиннике один термин дважды: «hebt» [99]) характеризуют ряд последовательных фактов, длительное

---

[1]) §§ 61 и сл.

состояние властвования. С несравненной же определенностью выразился Энгельс в предисловии к «Гражданской войне во Франции». Учитывая опыт Коммуны и исходя из анализа Коммуны Марксом, он констатирует, что «рабочий класс, достигнув власти, не может пользоваться для своих целей [1]) старой государственной машиной» [100].

101. Маркс о разбитии буржуазного государства. И это только подтверждение и дальнейшее развитие указаний Маркса, сделанных и в «18 Брюмера», и в «Гражданской войне» [101] и подчеркнутых им же в 1871 году в письме к Кугельману: разбить, сломать старую бюрократическую военную машину. Все революции только совершенствовали ее, народная ее сломает. На ее место нужно поставить нечто органически-иное, и этим нечто была Коммуна — не форма угнетения по существу, как все прежние правительства, а «весьма растяжимая государственная форма» [102].

102. Выводы. Таким образом, государственная машина буржуазии, конечно, должна быть и будет уничтожена и даже, если угодно, «с сегодня на завтра», — это зависит от успешности революционной атаки, мешать этому кто же захотел бы? Но та государственная форма, которая станет на ее место, не подвергнется ни мгновенному насильственному уничтожению, ни отмене: она сама растает, когда для этого придет время. Она не будет в тягость пролетариату, она не превратится в паразитический нарост на его трудовом теле, — за это ручается массовый характер этого государства большинства, его типические черты «полугосударства» (отсутствие постоянной в буржуазном смысле армии, сменяемость, выборность, подотчетность народу всех чиновников, вознаграждаемых как средний рабочий). А что оно отомрет безболезненно и мирно, об этом заранее свидетельствует его уже сейчас видная Марксу растяжимость.

103. Возражения одних анархистов теряют силу... При такой постановке проблемы никто не может пожаловаться на неясность. Теряют, прежде всего, всякий смысл ламентации хотя бы Кропоткина, вроде следующей: «...нам все еще продолжают повторять, что завоевания государственной власти народом будет достаточно для совершения социальной революции. Нас хотят уверить, несмотря на все неудачи, что старая машина, старый организм, медленно выработавшийся в течение хода истории с целью убивать свободу, порабощать личность, подыскивать для притеснения законное основание, отуманивать человеческие умы, постепенно приучая их к рабству мысли, — каким-то чудом вдруг окажется пригодным для новой роли: вдруг явится и орудием и рамками, в которых создастся новая жизнь, водворятся свобода и равенство на экономическом основании, наступят пробуждение общества и завоевание им лучшего будущего!» [103]. Двери раскрыты, и незачем в них ломиться: никто не хочет использовать старую машину, и менее кого бы то ни было ждут марксисты «чудес» от этой машины, да еще «вдруг».

104. Возражения других отпадают... Но больше того: из спора немедленно должны выпасть те анархисты, которые, как Прудон, чуждаются насильственного уничтожения государства, будучи вообще одержимы страхом перед революцией. Ведь они верят в силу идей, которые постепенно завоюют человечество для будущего федералистского строя! Нет особенных оснований длить спор с какими-нибудь индивидуалистами, вроде Тэкера или Маккая: они тоже отрицают насильственный переворот, но все же надеются на переворот и притом мгновенный. Что-ж! Их можно утешить тем соображением, что историк будущих времен все-таки сумеет положить грань между безгосударственным обществом и государством переходного типа; оглядываясь назад, он авторитетно укажет водораздел между ними, назовет какой-нибудь последний официальный акт умирающего государства, и этот момент можно будет, пожалуй, назвать и переворотом, и даже мгновенным. Чем бы дитя ни тешилось...

105. Третьим необходимо кой-чему поучиться. Останутся, следовательно, одни бакунисты. Эти будут, так сказать, посолиднее. Они ждут гибели государства от катастрофического и насильственного переворота, который, — есть все основания думать,— вызовет обильное кровопролитие. В этой кровавой революции и должно сгинуть бесследно государство.

Но дело-то в том, что с ними, вообще, спора быть не может, так как нет общего языка. Как упомянуто выше (§ 61 и сл.), их представления о возникновении государства далеки от ясности. Надо не смутно догадываться, а точно знать, что государство не явилось, как «бог из кулисы», что не извне навязано оно обществу, а

---

1) Очевидно, для сказанного превращения и уничтожения.

возникло на известной ступени развития экономических и семейных отношений, — тогда будет ясно, что уничтожить его сразу, еще до изжития народивших его предпосылок, нельзя. Следовательно, доказывать им приходится не конец государства, а его начало. Но это уже переносит спор из одной плоскости в другую.

Впрочем они, как сказано, ждут бесповоротной гибели государства от своего рода кровавого потопа. Быть может размеры этого потопа будут таковы, что уж ни одного анархического ковчега не пощадит он? В этом случае государство, конечно, будет уничтожено сразу и окончательно. Но только в этом случае...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Государственная власть и диктатура.

106. Вопрос о власти в буржуазной науке. Временное пролетарское государство, как и всякое государство, есть машина насилия. На языке государственного права это значит: организация властная. Если прежние государствоведы и юристы-философы пытались определять государство, как „соединение людей под законами права" (Кант) или „организм свободы" (Иеринг), то новейшие не могут не видеть, что государство есть, главным образом и в первую очередь, — отношение властвования и подчинения: душа государства — власть, это наиболее существенный его признак, и известный французский юрист Дюги выдвигает этот признак на самый первый план [104].

Если это столь важная черта государства, то юристы, понятно хотят выяснить ее существо. Закипает длинный и бесплодный спор: что такое государственная власть. По мнению одних, это — воля государства, как особой личности; по словам других — воля, но не государства, а людей, входящих в состав государства; по заверениям третьих — сила, основывающаяся на том, что одни люди чувствуют себя зависимыми от других; по воззрению четвертых — просто сила, факт обладания наибольшей силой.

107. Путаница понятий. При этом юристы в своих исследованиях обращаются с понятием власти в высшей степени неряшливо. Они, напр., сплошь да рядом смешивают власть политическую (государственную; политический — значит государственный [105]) с властью вообще, с тем, что в общежитии известно под названием влияния: власть (влияние) сильного характера над слабым, высоко развитого интеллекта над ограниченным, хитрого человека над простодушным, любимого над любящим. Именно на этом смешении и основывается идущее от немецкого ученого Бирлинга и распространенное в русской, напр., науке (Коркунов, Лазаревский) мнение, что источник власти — в сознании не активной стороны — самих властвующих, а пассивной — подвластных. Отчасти это же смешение понятий, отчасти характерное для буржуазного юриста стремление представить государственную власть в виде неизбежного элемента всякого человеческого общества — заставляют Дюги, вопреки всем данным генетической социологии, утверждать, что «не существует по природе никакой разницы между властью начальника орды и властью современного правительства, слагающегося из главы государства, министров, палат» [106]. Немудрено, что в конце концов «проблема государственной власти кажется безнадежно темной, и нужно сделать какое-то геройское усилие, чтобы распутать туго завязанный узел содержащихся в ней контроверз» [107].

108. Действительное содержание государственной власти. Все это, конечно, пустое словопрение. Надо знать, что государство есть организация господствующего класса. Основное дело государства — защищать и расширять условия эксплоатации подчиненных классов. То, что государство предпринимает для выполнения этой задачи, и есть проявление государственной власти, и те органы, чрез которые действует государство, суть органы государственной власти

Это — армия, полиция, суд, тюрьмы. Значит, *государственная власть есть прежде всего, насилие.* Господствующий класс не просто властвует: властвуя, он угнетает и подавляет. Поэтому и не годятся такие определения, как „воля“, „сила“: они не исчерпывают предмета. Не всякая воля непременно давит, не всякая сила непременно насилует, между тем как государственная власть есть орудие только угнетения 108.

109. Что она защищает? Во все времена существования государства делом политической власти было защищать интерес господствующих классов. Мы знаем содержание экономического интереса буржуазии. Не ясно ли, к чему сводится деятельность органов власти в буржуазном государстве? Пусть попытаются рабочие экспроприировать фабрику, — они узнают, что *на страже буржуазной собственности стоит власть.* Пусть рабочий, которого голод вынудил подписать явно-грабительский контракт с работодателем, попробует не выполнить его, — пред ним встанет угроза штрафа, неустойки, и он узнает, что *эксплоатацию наемного труда защищает власть.* Пусть рабочие посягнут на новые машины, лишающие их заработка, делающие их ненужными, пусть они попробуют восстать против тех или иных технических усовершенствований, позволяющих предпринимателю сократить рабочие кадры, — они узнают, что *на страже нестесняемой хозяйственной деятельности стоит власть.* Во всех этих случаях они, если зайдут достаточно далеко, последовательно познакомятся с полицией, судом, тюрьмой, а то и с армией.

110. Отношение власти к интересам подчиненных классов. Никогда и ни в каком случае не может государственная власть считаться с интересом подчиненных классов, и не считается с ним. Правда, бывали моменты, когда рабочий класс выигрывал ту или иную выгоду, отвоевывал ту или иную позицию, которой и пользовался исключительно в своих интересах. И тогда, при поверхностном взгляде на дело, могло, пожалуй, казаться, что государственная власть приняла беспристрастный, „надклассовый“ характер: ведь она допустила такую меру, которая противоречит интересам экономически-сильного класса! Но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что добрая воля государства тут не при чем: шла борьба между землевладельцами и промышленниками, и в этой борьбе рабочий класс, предлагая свой союз то одной стороне, то другой, — получал временный выигрыш. Следовательно, государственная власть только по видимости „уступала“ рабочим, только по видимости шла на встречу их интересу: в действительности она удовлетворяла притязания того из имущих классов, который одерживал верх и с которым на этот раз оказывались рабочие. И успех бывал, обыкновенно, более или менее кратковременным. Как только аграрии и промышленники находили почву для соглашения, тотчас же усилия власти направлялись на то, чтобы свести на-нет завоевания рабочего класса.

111. Отношение власти к интересам господствующих классов. Всегда в ее глазах только экономические потребности господствующего класса заслуживают внимания и удовлетворения [1]). Все противоречащее этим потребностям объявляется противным закону, нравственности, здравому смыслу, а то и просто

---

1) Очевидность этого факта не мешает, однако, самым беззастенчивым подтасовкам со стороны правящей буржуазии. Князь Бисмарк, великий мастер всех родов насилия, жестокий враг социал-демократии, боровшийся с ней исключительными законами, объявил 9 января 1882 года в рейхстаге: «Принимать в экономической борьбе сторону слабого — традиция той династии, которой я служу».

невозможным, утопичным. Рабовладелец искренно возмущался, если ему говорили, что раб его — такой же человек, как он, и потому так же, как и он, нуждается в личной свободе. И государственная власть попытки рабов освободиться почитала деянием противозаконным и карала за них по соответствующим статьям закона. Буржуа, которому нужен свободный рабочий, не владеющий средствами производства, нашел рабство безнравственным, бесчеловечным, — и власть похерила крепостное „право", объявив его бесправием. Тот же буржуа находит требование экспроприации орудий производства вредной, гибельной для общества бредней, — и власть спешит издать законы против социалистов, хватает рабочих вождей, душит рабочую прессу. В советском государстве интересы пролетариата требуют планомерной организации хозяйства, обобществления орудий труда, — власть борется с так называемой свободной торговлей, лишает гражданских прав эксплоататоров.

Политическая власть следит за тем, чтобы классовый интерес господствующего класса не просто властвовал бы, а безраздельно бы властвовал [109]. Она уничтожает его соперников, она подготовляет удобный момент для боя, в решительную минуту она пускает в ход вооруженную силу, она действует всеми средствами, зная, что классовый интерес все оправдает и освятит.

Ограничена ли эта политическая власть какими-нибудь законами? Конечно, нет. Ведь законы создает государство, т.-е. господствующий класс, и, создав, ставит их под охрану власти. Это значит, что власти предоставляется применение и истолкование законов. Таким образом, если бы и случилось, что правящий класс обмолвился законом, вредным для его интересов, он может его отменить, если же это почему-либо неудобно, он может его исказить, перетолковать, а то и просто обречь на бездействие. Законы классового государства, это — узда в руках всадника. Ограничивает ли всадника узда?

Обычное возражение, которое в таких случаях выдвигается, следующее: может быть — говорят — в государстве деспотическом это и так. Там правящие классы знают только свой интерес, и всякий другой просто задавливается. Но это неверно в применении к современному демократическому обществу. В современном конституционном государстве при всеобщем избирательном праве, при свободе слова, печати, союзов, собраний и т. д., нет безраздельного властвования одного какого-либо интереса. Пожалуй — скажут — интересы буржуазии первенствуют, но и интересы рабочих тоже уважаются законом, их защищают сами рабочие в своих союзах, за них ратуют депутаты-социалисты в парламентах, о них кричит рабочая пресса. При наличности всего этого как же можно говорить о безраздельном властвовании интереса?

Все эти возражения настолько ходки, что на них нужно остановиться подольше.

112. **Всеобщее избирательное право, как орудие властвования.** В самом деле, если бы буржуазия пожелала осуществлять свой интерес диктаторски, зачем бы она мирилась со всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом? «Почему во Франции и в Соединенных Штатах экономически-господствующая буржуазия терпит всеобщее голосование, способное, по меньшей мере, причинить ей большие хлопоты?» [110].

Но в том-то и дело, что только близоруким дурачкам или явно недобросовестным подголоскам буржуазии может казаться, что буржуазия мирится со всеобщим избирательным правом и «терпит» его. Она как-раз и не мирится с ним в действительности и не терпит его. Подробный анализ этого института не раз с ясностью показывал, что нигде в западных демократиях не существует всеобщего избирательного права в смысле такой системы голосования, которое давало бы трудящимся массам фактическую возможность выявить свое лицо. То, что в буржуазном государстве слывет под именем всеобщего избирательного права, есть на деле прекрасное орудие господства над массами, которым буржуазия с успехом пользуется.

113. Бессилие рабочих объединений. Но как же рабочие союзы? Уж их-то буржуазия могла бы просто запретить, закрыть, разгромить вооруженной силой? Но зачем, спрашивается, пошла бы буржуазия на такой шум и гром? В ее руках оружие, которое действует тише, вполне «правомерно», но нисколько не хуже. Это — предпринимательские союзы. Опыт показывает, что, соединяясь в союзы, капиталисты легче и успешнее справляются с потребителем и мелким конкуррентом, а попутно бьют и рабочих. По свидетельству умеренного и аккуратного Каутского, картели или тресты «очень легко приобретают такую силу, что бороться с ними не легко и рабочим союзам»[111].

114. Обоюдоострый характер кооперативов. Но что же кооперативы, которые приносят рабочим столько выгод? Ведь это уже кусочек социализма! Что же может быть ненавистнее для буржуазии? Однако, она их терпит. И на этот счет найдется любопытное рассуждение у того-же Каутского. Оказывается, что кооперативы не только не вредят крупной буржуазии, но, напротив, на ее же мельницу льют воду, так как направляются против мелкой буржуазии, с которой крупная сама находится в борьбе. Они-то и «отталкивают от пролетарского движения некоторые всего ближе стоящие к пролетариату слои мелкой буржуазии».[112].

115. Социалисты в парламентах. Как бы то ни было, — скажут, — а уж социалистов-то буржуазия не пускала бы в парламент, если бы утверждала свое безраздельное господство. Социалисты-депутаты много крови испортили господствующему классу, а меж тем он их терпит! И число социалистов в представительных учреждениях все увеличивается за счет буржуазных депутатов.

Вот об этом-то мог бы кое-что порассказать тот же Каутский. Именно, на примере Каутского и ему подобных всякий пролетарий может видеть, что в момент, когда кровным интересам буржуазии грозит серьезная опасность, происходит резкое распадение социалистов на терпимых, и очень даже терпимых буржуазией, и совсем ею нетерпимых. И тогда оказывается, что терпит буржуазия лишь тех социалистов, которые в трудную минуту защитят ее — более или менее бескорыстно — от ее классового врага, рабочего. Для подлинных же представителей рабочего класса у буржуазии нет другого оружия, кроме разгромов, пыток, виселиц, и этим оружием она пользуется во всю. П. Н. Милюков в своей «Истории второй русской революции» один из отделов назвал так: «Социалисты защищают буржуазную революцию от социалистической». Этот практик, а не краснобай, прекрасно оценил и осмыслил работу русских социал-соглашателей в период между февралем и октябрем 1917 г. Тов. Ленин в книжке «Пролетарская революция и ренегат Каутский» утверждает, что Круппы или Клемансо должны бы озолотить Каутского за его контр-революционную деятельность. А ведь Каутский не чета Керенскому. Что же сказать о прочих терпимых социалистах?

Они терпимы. И воистину храмом, чтобы не сказать домом, терпимости, стала их «мать-питательница» — II Интернационал!

Те, кто любят говорить про увеличение числа депутатов-социалистов в парламентах, не видят даже такого многознаменательного явления, как общепризнанное падение авторитета и силы законодательных учреждений. За последние десятилетия XIX века это стало совершившимся фактом. Сила, власть, руководство политической жизнью из парламентов ушли[1]). Депутатам-социалистам, проникшим, наконец, в, парламент, буржуазия великодушно предоставляет танцовать после бала.

Нет, никак нельзя видеть, будто буржуазия терпит социалистов.

Что же касается так называемых конституционных свобод, которыми тоже опровергают факт буржуазной диктатуры, то их анализ дается в своем месте.

116. Изнанка демократии. Современное буржуазное государство с самого своего возникновения присвоило себе название демократического. Но название это не должно бы никого обманывать. Правда, демократия означает много хороших вещей. Это, в первую очередь, — народовластие, принадлежность власти всему народу, т.-е., участие всех в управлении. Далее, это — равенство всех пред законом, право каждого свободного выражать свои мнения, право каждого не подвергаться ни наказанию ни, вообще, преследованию без гласного суда и т. д., и т. п. Но на самом деле все эти разнообразные права и сво-

---

[1]) См. главу IX.

боды только провозглашаются, в жизнь же никогда не проводятся. Самые простые наблюдения подтверждают это. Может ли участие в управлении быть всеобщим там, где три четверти мужского населения осуждены на тяжкую борьбу из-за куска хлеба? Где массы не имеют ни времени, ни средств научиться как следует грамоте, не то что осуществлять свои избирательные права? Может ли быть действительное равенство между нищим тружеником и сытым толстосумом? Тут равенство перед законом превращается в горчайшее узаконенное неравенство. Если даже нелицеприятный судья и готов будет судить по всей справедливости, сможет ли забитый бедняк доказать свою правоту? Ведь он не знает законов, не умеет объясниться и уж, конечно, не получит такого бойкого адвоката, какого наймет себе его состоятельный противник.

117. Что значит „буржуазная демократия"? Потому-то мы и называем эту демократию буржуазной, резко этим подчеркивая, что без экономического равенства не может быть чистой демократии (если бы только, вообще, возможна была „чистая" демократия!). Эта демократия — для господствующего класса, для имущих, для сильных. И так как демократия — участие в управлении, гражданская свобода, господство твердых, всем открытых законов — дело хорошее и выгодное, и так как его целиком себе забирает правящий класс, то этим и объясняется факт, повсеместно наблюдаемый: чем сильнее развита демократия, тем крепче подчиняют себе управление (и законодательную власть — парламенты, и исполнительную — министров) банкиры.

118. Демократия, диктатура, империализм. И в наше время, время широко развитых буржуазных демократий, финансовому капиталу и не нужно лучшей оболочки для своей диктатуры. Он властвует через купленное чиновничество, через союз правительства с биржей и властвует безраздельно. Он вооружает и двигает миллионные армии, он громоздит миллионы пудов трупного человеческого мяса. Он гнет свою особую, ему одному свойственную, политику. И имя ей: империализм. А „империализм есть самая проституированная и самая последняя форма той государственной власти, которая была создана зарождавшимся буржуазным обществом, как орудие его освобождения от феодализма, и которую буржуазия, когда она вполне развилась, превратила в орудие порабощения труда капиталу" [113].

119. Безраздельное господство капитала. Новейшее капиталистическое развитие закрыло и путь временных успехов пролетариата. Земельная рента и капиталистическая прибыль уже пережили период вражды. Благодаря отчасти акционерной форме предприятий, аграрий в качестве акционера крепко связался с промышленностью. С другой стороны происходит сращивание [114] банкового капитала с промышленным. В результате рента и прибыль обезличиваются, сближаются между собой под общей формой прибавочной стоимости, и интерес землевладельца, промышленника, финансиста становится единым. Государственная власть отбрасывает все прикрытия, демократия расплывается, как мираж, и все явственнее выступает господство цельного интереса, интереса объединенной собственности. Так как интерес этот становится все более противным интересам всего общества, так как противоположность между группой финансистов и всем трудящимся человечеством все более обостряется, то власть не может уже заботиться о разных прикрасах и вымыслах. Она знает, что массы уже разгадали ее тайну, что они уже увидели произвол на месте права, своекорыстие вместо справедливости, классовый обман в виде преподносившейся им

общечеловеческой истины. И зная это, она выступает, как открытое насилие. Опираясь на захваченные крепости, на штыки и пушки, на армии наемников-специалистов, обслуживающих ее за золото, она действует явным, голым насилием, железной рукой подавляя всякое сопротивление. Это диктатура собственности.

120. Начало диктатуре положено давно. Самый аппарат буржуазной государственной власти устроен таким образом, что в критические моменты он с легкостью овладевает показной демократией и всецело служит диктаторской сущности этой власти. В конце XVIII и начале XIX столетий великие исторические события, разыгравшиеся во Франции, отразились, по свидетельству буржуазного исследователя, весьма своеобразно на системе правления в Англии: они «придали этой системе в ее последней фазе резко выраженный характер классового господства»! Свободомыслящий Питт, обнаруживавший чрезвычайную склонность ко всякого рода демократическим реформам, «этот самый Питт превратился в черствого и неумолимого диктатора во внутренней политике» [115]. Правительственную политику великий адвокат того времени Эрскин характеризовал, как «неожиданную грозу», разразившуюся над обществом «без всякого серьезного основания» [116]. Конечно, он ошибался: основание было, и достаточно серьезное. Но он не понимал его, как не понимал тот несчастный, осужденный за противопарламентскую агитацию, который безуспешно восклицал на суде: «Неужели же то, что считалось патриотическим в 1782 году, будет считаться преступным в 1793 году?» [117]. А что сталось с пресловутыми противоречиями внутри правящего класса, мешающими ему, якобы, осуществить диктатуру? «С настоящим энтузиазмом объединились все группы и фракции господствующего класса для борьбы с французскими идеями во всех областях политической жизни» [118].

121. Рост государственной власти за вторую половину XIX века. С тех пор прошло много лет. И государственный аппарат не стоял на месте, он прогрессировал, он неуклонно совершенствовался в этой примерно-демократической и архи-конституционной Англии все в сторону наилучшего осуществления нарастающей экономической диктатуры финансовой олигархии. В 1867 году Бэджгот [119], в 1885 году Мэн [120], в 1906 году Лоу [121] — все англичане и все отнюдь не социалисты — резко констатируют последовательно растущую силу исполнительной власти, силу и власть слуг государства. Мэн, не обинуясь, говорит, что приближаются времена якобинской диктатуры...

122. Расцвет буржуазной диктатуры. И времена эти настали. Еще и не начался штурм крепостей капитала, еще одурманенный пролетариат хранил благонамеренное спокойствие и свято соблюдал все законы и заповеди «гражданского мира», а уж диктаторская, насильническая и террористическая сущность буржуазной государственной власти встала в свою натуральную величину. Отдельные диктаторы в отдельных странах рабски творили и творят волю капитала при общепризнанном ничтожестве почти или вовсе упраздненных представительных учреждений. Неважно, как персонально называется тот или иной временщик: его личность имеет мало значения. Клемансо или Пуанкарэ, Макдональд или Керзон, Пилсудский или Муссолини — всех их ведет в их политике провиденциально заранее данная историческая линия: через величайшее напряжение насильнической машины — к ее взрыву, развалу и гибели.

123. Политическая власть, открыто оберегающая безраздельное господство экономически сильного класса, не ограниченная никакими законами, действующая решительно и сурово, насилием подавляющая всякое сопротивление, есть диктатура.

АВА ВОСЬМАЯ.

Диктатура в Советском государстве.

124. Диктатура и гражданская война. И в Советском государстве, как и во всяком другом, политическая власть призвана охранять интерес господствующего класса — пролетариата. Выше мы выяснили историческую необходимость власти пролетариата, — рабочих и беднейших крестьян. Остается показать, что власть эта не может быть ни чем иным, как диктатурой.

Но это следует уже из одного того, что диктатуре буржуазии, еще властвующей в других странах, мы ничего, кроме диктатуры же, противопоставить не можем. Пролетарское государство родилось и живет в атмосфере *гражданской войны.* Буржуазия не побеждена еще не только на Западе, но и в самой России. Свергенная русская *буржуазия еще сильна* своими международными связями, своим техническим, военным и общим образованием, своим навыком в управлении и волей к власти, сильна деньгами и имуществом, оставшимся в ее руках, сильна тем самым, что мы не можем обойтись без услуг и руководства буржуазных специалистов, сильна нашей слабостью, сильна всеми остатками еще не изжитого капиталистического строя.

125. Диктатура большинства. Конечно, трудящиеся массы Республики составляют большинство. Зачем же, казалось бы, диктатура, т. е. голое и суровое насилие, этому большинству? Но надо различать между большинством количественным и качественным. Класс, который веками давили и угнетали, не может сразу развернуть свои силы так, чтобы ему уже не страшны были никакие враги и чтоб он мог позволить себе роскошь добродушия. Несомненно, сила на нашей стороне. Но эту силу надо организовать, надо внушить ей уверенность в самой себе, надо поставить ее на верный путь. Как молодое дерево, имеющее все права на жизнь и процветание, ее нужно, однако, охранять и оберегать от губительных внешних влияний, пока она не раскинет корни широко и глубоко и не оденется толстою корою.

126. Диктатура пролетариата выдвинута была самой революционной жизнью и ею же с каждым днем укреплялась. В первые времена октябрьского переворота говорилось, главным образом, о передаче всей власти Советам. Но о чисто классовом характере Советов, о том, что в них безусловно нет места представителям буржуазии, совсем не упоминалось [1]). И только дальней-

[1]) Даже «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», принятая уже в разгаре гражданской войны, выражалась на этот счет далеко не категорично и далеко не безусловно: «III Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти»... (IV, 7). Слова «полагает» и «теперь» подчеркивают, нам кажется, еще недостаточную твердость позиции в вопросе о лишении буржуазии избирательных прав.

шее развитие революции подтвердило старое наблюдение, что *побежденный класс в течение ряда лет сохраняет надежду на восстановление,* делает отчаянные попытки в этом направлении и в этой борьбе обретает даже новые, хоть и последние силы и новых, хоть и последних союзников[122]. Мелкая буржуазия и интеллигенция отнеслись к гибели буржуазного строя частью с ужасом, частью с недоверием. Эти промежуточные классы, постоянно колеблющиеся и нерешительные, тоже надо было стальной рукой схватить и заставить итти с пролетариями. Для того, чтобы добить буржуазию, разбить открытых противников, устрашить тайных и самому пролетариату раскрыть глаза на его собственные возможности, нужна была *власть беспощадная, быстрая в своих решениях, неуклонная и безжалостная на деле.* Нужна была диктатура.

127. **Буржуазный ученый о революционной диктатуре.** И не мудрено: ведь после революции «ослабевшая монархия совершенно устраняется, и тогда возникают все громадные затруднения молодой республики, которой приходится бороться и с приверженцами прежнего порядка, и с общественной анархией, и с внутренними раздорами партий, и с повсюду возбужденными честолюбиями, и, наконец, с неопытностью людей и незрелостью учреждений. С такою задачей справиться слишком трудно; потребность порядка приводит или к реакции, или к диктатуре. В обоих случаях свобода значительно стесняется, если не уничтожается совершенно. Такой поворот не есть признак народного легкомыслия; это неизбежный закон, результат естественного хода вещей. Но диктатура, возникшая из недр революции, служит, вместе с тем, и средством упрочить перемену. Революции, которые не умели выставить из себя власти, способной сдерживать анархические стремления и восстановить порядок, остаются бесплодными, тогда как приобретения, закрепленные диктатурой, становятся достоянием народа даже при последующих реакциях».

Откуда эта длинная цитата? Этот солидный и спокойный голос, веско рисующий неизбежность и необходимость революционной диктатуры? Измените два-три слова, — и можно подумать, что перед нами выдержка из Маркса или Энгельса. Нет, так писал умереннейший либерал, буржуазный общественный деятель (московский городской голова), выдающийся ученый, профессор права, Б. Н. Чичерин[123]. Конечно, буржуазия в свое время отличалась способностью трезво оценивать положение. Она имела чудесных знатоков политики и права, которые блестяще обосновывали закономерность буржуазных диктатур. Но тем труднее ей примириться с диктатурой пролетарской.

128. Эта практическая неизбежность диктатуры пролетариата прекрасно была осознана Марксом и Энгельсом, *и они-то и выработали теорию пролетарской диктатуры,* как формы государства переходного периода.

129. **«Словечко» Каутского.** В своей брошюре «Диктатура Пролетариата», выпущенной в 1918 году, Каутский утверждает, что мнение о необходимости и правильности пролетарской диктатуры основывается на одном «словечке» Маркса. Действительно, Маркс в 1875 году в «Критике Готской программы» сказал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата[124]. Истолковывая это «словечко», Каутский настаивает, что Маркс имел здесь в виду не форму правления, а «состояние, которое по необходимости должно наступить там, где пролетариат завоевал политическую власть». Тов. Ленин в книжке «Пролетарская революция и ренегат Каутский» дает достойную отповедь Каутскому, к которой прибавлять, конечно, нечего[125], и которая не помешала, правда, Каутскому в 1920 году повторить свои благоглупости с тем отличием, что речь он ведет уже не о «словечке» Маркса, а о целом «слове»[126]. Здесь уместно, все же, отметить, что нынешний Каутский — реформист и соглашатель — самым чудовищным образом противоречит Каутскому вчерашнего дня — революционеру-марксисту и рабочему вождю. Ибо в книжке «Путь к власти», написанной в 1909 году, читаем у Каутского следующие строки: «...они (т.-е. Маркс и Энгельс) выковали понятие д и к т а т у р ы п р о л е т а р и а т а (курсив подлинника), которую Энгельс в 1891 году, незадолго до своей смерти, упорно отстаи-

вал, — понятие о политическом единовластии (курсив наш) пролетариата, как единственной форме, в которой он может осуществлять государственную власть» [127]. Здесь Каутский, которому не было еще нужды искажать Маркса и Энгельса, подчеркивает, во-первых, что понятие пролетарской диктатуры выковано (какое чудесное слово!) ими, а не заключается в одном случайном словечке, во-вторых, что речь у них шла именно о форме государственной власти, т.-е. государства, а никак не о форме правления и уж, во всяком случае, не о состоянии общества.

130. Диктатура в „Коммунистическом манифесте". Понятие пролетарской диктатуры действительно выковано Марксом и Энгельсом. Уже „Коммунистический манифест" говорит о грядущем „насильственном низвержении" буржуазии и „установлении господства пролетариата" [128]. Там же говорится, что, „завоевавши демократию", „возвысившись до положения господствующего класса", пролетариат воспользуется своей политической властью для „деспотического вмешательства" в буржуазные имущественные отношения [129]. Кому неизвестны эти строки? И можно ли под насильственным установлением господства, под завоеванием демократии, под деспотическим вмешательством в экономическую жизнь разуметь что-либо иное, кроме диктатуры пролетариата, — политической власти, железной власти, насилием завоеванной и насилием поддерживаемой?

131. Диктатура в „Борьбе классов во Франции". Далее, уже в статьях, печатавшихся в „Новой Рейнской Газете" и касавшихся французских событий 1848 — 1851 годов, Маркс говорит о „смелом революционном лозунге: диктатура рабочего класса!", который восставший пролетариат выкидывает на своем знамени [130], о „классовой диктатуре пролетариата, как необходимом переходном пункте к уничтожению классовых различий вообще..." [131] [1]).

132. Как выковывалось Марксом понятие диктатуры. Поворотный „пункт". Ту же мысль в той же формулировке встречаем мы в приведенных выше словах из „Критики Готской программы". Маркс — автор „Коммунистического манифеста" — еще не находит настоящего термина для характеристики власти пролетариата, овладевшего государством. Ему ясно только, что действия пролетариата в этом случае насильственны и деспотичны. Но спустя несколько лет, — после опыта французских событий и исчерпывающего анализа классовой борьбы, двигавшей эти события, — слово найдено: диктатура. Тираническое насилие, государственное самодержавие, политические шаги, быть может, несостоятельные с экономической точки зрения, но бьющие дальше цели и, во всяком случае, неизбежные — вот содержание диктатуры пролетариата, как политической категории. Ясен и смысл пролетарской диктатуры: это поворотный „пункт", необходимое средство уничтожения классовых различий. Своекорыстие диктаторствующей буржуазии остается только своекорыстием: ее самовластие диктуется мрачным классовым эгоизмом, инстинктом самосохранения класса, построенного на рабстве и эксплоатации и держащегося лицемерием и ложью. Своекорыстие же диктаторствующего пролетариата перерастает классовые рамки, оно питается универсальными, общечеловеческими потребностями, ибо пролетариат — единственный класс, который должен и может поставить себе задачу уничтожения себя самого, как класса: „тогда выступает, наконец, во всей своей

---

[1]) Ленин в «Революции и государстве» (Ленинград, 1918, стр. 24) бегло замечает, что диктатурой пролетариата, так термином, Маркс и Энгельс стали пользоваться лишь после Парижской Коммуны. Как видим, замечание это в отношении Маркса неправильно.

полноте и со всею ясностью великая проблема девятнадцатого столетия — уничтожение пролетариата“ [132].

133. „Переходный период“ и его содержание. А двадцать пять лет спустя, мысль Маркса, работавшая все в том же направлении и воспитанная новым и последним практическим опытом — Парижской Коммуной, — достигает еще большей ясности. „Переходный пункт“ — это недостаточно характерно. Это может навести на мысль, будто пролетариату достаточно провозгласить свою власть, чтобы классовые различия быстро и сами собой начали тускнеть, расплываться, исчезать. Нет. Коммуна показала, что буржуазное общество не может без тяжких мук родить из своих недр коммунистическое, что пролетариат не может просто овладеть капиталистической государственной машиной и пустить ее по социалистическим рельсам. Этот переходный пункт разрастается и удлиняется в целый период, период непрестанной и последовательной ломки, коренных изменений и превращений чисто экономического характера. Движение непрерывное, беспокойное, постоянно оглядывающееся, постоянно критикующее само себя, возвращающееся вспять и снова идущее вперед, движение революционное — вот удел и содержание этого периода. Так революционным путем превращается капиталистическое общество в коммунистическое. Отражением же этого превращения в политике, отражением экономической диктатуры пролетариата является его политическая диктатура. „Государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата“. Политический переходный период, следовательно, совершенно необходим.

134. Назначение пролетарской диктатуры. И в этот период полным ходом будет пущена машина насилия — государство. Диктаторствующая буржуазия пользовалась этой машиной для доставления торжества своему классовому интересу, т.-е. для подавления и угнетения трудящихся, диктаторствующий же пролетариат переладит ее таким образом, чтобы она служила, с одной стороны, для подавления меньшинства, уничтожения вчерашних эксплоататоров, еще сохранивших жизненные силы, с другой — для организации и политического воспитания масс, вчерашних рабов, еще не верящих в свои силы, еще не сознающих своих собственных возможностей, — кратко: *для преодоления буржуазной демократии* и завоевания демократии пролетарской. Диктатура буржуазии носила отрицательный по преимуществу характер, ее функции чисто-охранительные, ее задача отвратительно-элементарна: подавлять рабочее большинство. И в соответствии с раз навсегда данным назначением своим, эта диктатура может принимать устойчивые, неподвижные, сонные формы. Диктатура пролетариата — само созидание, само творчество. В начале поприща ее насильнический размах огромен и угрожающ. Только и только борьба с врагом, нападающим из каждой щели, пользующимся каждой ошибкой, не отдающим без боя ни одной пяди земли, наносящим тяжкие удары даже при бегстве и отступлении своем; потом, с течением времени, все слабее и слабее деспотический нажим, все уже и уже амплитуда насилия, и все больше и шире организаторские и воспитательные функции, пока, наконец, „наивная народная толща“ освещена насквозь и во всех направлениях. Когда демократизм достиг высшей точки своего развития, стал демократизмом для народа, для всех, — тогда преодолена и не нужна демократия. Умирает государство, порастает забвением политическая власть.

В этом смысле диктатура пролетариата революционна.

135. Энгельс и опыт коммуны. Окончательно ставит все точки над i Энгельс. Указывая на Парижскую Коммуну, он говорит филистерам, „испытывающим спасительный ужас при словах „диктатура пролетариата“: „хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата“ [133]. Этим указанием на мягкое, героическое и самоотверженное поведение пролетариата, захватившего власть, Энгельс хотел как будто успокоить милостивых государей, дрожавших от страха перед призраком кровавой диктатуры. Но тот же Энгельс склонен был „порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась своим авторитетом“ [134]. Вполне естественным нашел бы он, если бы Коммуна еще решительнее оперлась на „ружья, штыки и пушки“ и позаботилась бы об утверждении своего господства на „страхе, который внушает реакционерам ее оружие“ [135].

136. Диктатура, как способ, определяемый целью. Насилие — непременный спутник диктатуры. Размеры же и характер этого насилия не могут быть определены заранее: это зависит от конкретных условий времени, места, обстоятельств. Это хорошо сознавал Энгельс как в 1873 году, когда писал свои статьи против анархистов, так и двадцать лет спустя, в 1893 году, когда в письме к Зорге говорил: „По моему, в каждой стране лучшая тактика это та, которая скорее и вернее всего приводит к цели“ [136]. Понимал это и Каутский, писавший в 1906 году: „Конечно, нельзя указать шаблонные формы, которые должна принимать классовая борьба пролетариата в каждой отдельной стране“ [137]. Что же такое гражданская война и диктатура пролетариата, как не заостренная „до отказу“ классовая борьба? [1]) Знал это и Плеханов, утверждая, что социал-демократия отнюдь „не должна отказаться от диктатуры пролетариата“. Ибо, „когда люди твердо решили во что бы то ни стало достигнуть данной цели, выбор средств зависит не от них самих, а от обстоятельств. И именно потому, что социал-демократия не в состоянии предвидеть все те обстоятельства, при которых рабочему классу придется завоевать свое господство, она не может принципиально отказываться от насильственного способа действий“ [138].

137. Отказался ли Энгельс от революционного насилия? Знаменитые слова Энгельса о „румяных щеках и крепких мускулах“, нагуливаемых социал-демократией на „законности“, написанные в 1895 году [139] и выставляемые оппортунистами, как свидетельство отречения Энгельса от революционного насилия, в действительности совсем не имеют того значения, которое им приписывают. Положение партии в Германии было в ту пору таково, что Энгельс не мог высказаться открыто и избегал всего, что могло бы послужить правительству козырем против социалистов. Зато в письме к Каутскому от 1 апреля 1895 года он энергично протестует против „позорного впечатления“, будто он — „поклащистый поклонник законности“ [140]. Несомненно, в области применения насилия Советская Республика оставила далеко позади себя Парижскую Коммуну. Но Коммуна была гораздо счастливее в смысле внутренних условий, ибо цвет буржуазии успел бежать в Версаль за „пределы досягаемости“ пролетариата, нашей же буржуазии пути бегства, по крайней мере вначале,

---

[1]) Ср. Каутский «Представительное Правление», Спб., 1905, стр. 6. «Когда пролетариат достигнет политической власти, то в своих мероприятиях и установлениях он станет руководствоваться фактическими отношениями, какие он застанет в момент своей победы и с которыми он будет сообразоваться; он станет поступать сообразно своим потребностям, средствам и пониманию»...

были отрезаны, и защищалась и защищается она с энергией прижатого к стене зверя. И русский пролетариат не жантильничает с убийцами и предателями. Он широко пользуется против них своими ружьями и штыками, своим „революционным авторитетом“.

138. Диктатура и демократия в Советской России. В Советской России диктатура пролетариата, больше чем где бы то ни было, есть не уничтожение демократии, как говорят враги пролетариата, а завоевание ее для широких трудовых масс. Совершенно верно, что пролетариат урезывает, ограничивает, даже сводит на нет буржуазную демократию, т.-е. демократию для имущих. Но необходимость этого может быть доказана простым соображением: интересы имущих классов противоположны интересам трудящихся; мы живем во времена обостренной классовой борьбы, а „всякая классовая борьба есть борьба политическая“. Можно ли рассчитывать, что имущие классы не станут пользоваться своей сохранившейся демократией, как средством политической борьбы, во вред интересам рабочих, т.-е. во вред демократии пролетарской? Конечно, нет. Значит, сохранение буржуазной демократии прямо противоречило бы основной цели пролетариата: расширению демократии, распространению ее на народные массы, на всех. Остается, следовательно, одно из двух: либо признать за буржуазной демократией право на жизнь и в этом случае никогда не достигнуть демократии для масс, либо же согласиться, что *борьба за пролетарскую демократию заключает в себе борьбу против всех препятствий на пути к ней,*— и в этом случае объявить беспощадную войну демократии буржуазной, как одному из таких препятствий.

139. Что говорят в защиту буржуазной демократии. И вообще, с марксистской точки зрения на общество, как на арену классовой борьбы между имущими и неимущими, тут никаких недоразумений и колебаний быть не может. 1. Не-марксист скажет: демократия означает равенство. Марксист скажет: буржуазная демократия означает равенство в среде имущих для имущих, — *равенства между эксплоататорами и эксплоатируемыми не существует.* 2. Не-марксист скажет: демократия, это — охрана прав меньшинства. Марксист возразит: нет меньшинства и большинства, есть эксплоататоры и эксплоатируемые, — можно ли серьезно говорить об охране прав эксплоататоров, вчерашних эксплоататоров, — сегодняшних контр-революционеров? 3. Не-марксист воскликнет: но есть, наконец, просто люди, есть человеческие права, которые требуют уважения! Да, возразим мы, каждый фабрикант, помещик, купец, ростовщик, взятый вне своей фабрики, имения, лавки, банка, оторванный от своей хозяйственной сферы, от своего классового интереса, есть просто человек, но ведь таким он в классовом обществе никогда не бывает! Где то положение, где те обстоятельства, при которых буржуа перестает быть буржуа, а становится просто человеком? Разве классовая борьба не проникла во все поры общественной жизни, разве она не накладывает на все своего отпечатка? Мы же именно хотим, упразднив классы, сделать бывшего члена класса просто человеком и вернуть ему его человеческие права.

Но дело в том, что даже и не-марксисты, если только они не совсем невежественны и не совсем недобросовестны, не станут утверждать, что демократия означает равенство и защиту меньшинства [1]).

---

[1]) Выдающийся буржуазный идеолог Ад. Пренс открыто и категорически утверждает, что демократия вовсе не есть равенство («De l'esprit du gouvernement démo-

140. Общая воля. Хвастливое утверждение буржуазии, что власть демократического государства основывается на «общей воле», вряд ли заслуживает здесь внимания: неправильность и несоответствие его действительности очевидны (см. глава IX, §§ 173 и сл). Общая воля в классовом обществе, конечно, фикция и притом — одна из грубейших фикций. Известно, на каком прозрачном софизме пытался утвердить Руссо реальность этой фикции [2]), но, тем не менее, в самой идее общей воли скрыто крупное зерно истины, если воспринять эту идею не догматически и абстрактно, как Руссо, а диалектически. Действительно, поскольку интересы промышленного пролетариата совпадают в конечном счете с интересами общечеловеческими, постольку его воля совпадает с волей общей. Выявить эту волю общую буржуазная демократия по существу неспособна, ибо она — эта демократия — живет разделением общества на классы. Пролетариат же, будучи только классом, частью общества, как и буржуазия, стремится, однако, к водворению бесклассового состояния, а потому пролетарская демократия основывается, действительно, на общей воле, и рано или поздно в с е д е й с т в и я п р о л е т а р и а т а н е и з б е ж н о п о л у ч а т с а н к ц и ю о б щ е й в о л и о с в о б о ж д е н н о г о ч е л о в е ч е с т в а.

141. Пролетариат или крестьянство? Как подчеркивает статья девятая Конституции, в нашем советском государстве установилась диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства, т.-е. диктатура

---

cratique». Brux. 1905. P. 98). Ср. А. К. Топорков, «Идеалы современной демократии», М. 1918, стр. 44: «Скоро увидели, что идея равенства в своей юридической и политической формулировке далеко недостаточна, она является пустой и неисполнимой». Можно учредить самую полную демократию, «можно уничтожить сословный суд, ввести всеобщую воинскую повинность, можно уничтожить изъятия из законов, утвердить равное голосование на выборах, и тем не менее все эти равенства окажутся призрачными»... Что же касается защиты меньшинства, которую, будто бы, обеспечивает буржуазная демократия, то здесь достаточно громко и явственно говорит язык фактов и цифр: в пандемократической Америке «за последний месяц арестовано 5.000 коммунистов» (из речи тов. Зиновьева на 2 конгрессе III Интернационала. См. «Вестник» № 5). С тех пор прошло три года, и пример Америки получил самое широкое распространение: процессы и казни коммунистов (действительных и подозреваемых) такой широкой волной пошли по буржуазной Европе, что уже не может быть сомнения в том, что буржуазная демократия прекрасно защищает меньшинство, но только меньшинство собственническое.

[2]) Он различает волю общую и волю всех. Воля всех, это — механическое соединение отдельных воль, руководимых отдельными, партикулярными интересами. Воля же общая имеет в виду общее благо, а не индивидуальные интересы. И вот, когда в народном собрании голосуется закон, голосующих спрашивают не о том, одобряют ли они предложение или отвергают его, а о том, согласно ли оно с общей волей. Каждый, подавая голос, выражает по этому поводу свое мнение, и результат голосования выявляет общую волю. Если я остался в меньшинстве, то это значит только, что я ошибся и за общую волю принимал не то, что общей волей было. (Jean Jacques Rousseau «Du contrat social», publié par G. Beaulawon. Paris. 1914, livre 4-me, ch. II, p. 291 — 2, а также I. 2-me, III, IV).—Юристы и социологи давно отчаялись построить что-нибудь на этой проблематической общей воле. Новейшие идеологи буржуазии значительно отступают от своего предшественника XVIII столетия: рассуждение Руссо Эсмен называет парадоксом (см проф. А. Эсмен «Общие основы конституц. права». Спб. 1893, стр. 128), а Ориу пытается разложить народную волю на волю общую — все население, и волю командующую — правящая часть нации (M. Haurion, Principes de droit public, P. 1910). В добрый час! Еще несколько шагов по этому пути, — и от пресловутой общей воли останется одно конфузное воспоминание: «...общая воля Руссо остается химерой, или, если угодно, мечтой, не осуществимой на грешной земле с ее личным и классовым эгоизмом, с ее страстями и ненавистями» (С. А. Котляревский. — Власть и право, — М. 1915, стр. 255). «Ведь общая, единая, как говорят юристы, воля (Gesammtwille) является простой фантасмагорией: никакой подобной воли не существует». (Людв. Гумплович — «Общее учение о государстве». Спб. 1910. Стр. 20).

огромного большинства населения в интересах этого большинства. В связи с этим может, однако, возникнуть вопрос, нуждающийся в рассмотрении, — вопрос о чистоте пролетарской диктатуры у нас.

Иными словами, можно ли говорить о диктатуре пролетариата в стране, где большинство трудящегося населения — крестьяне-земледельцы, и не скрывается ли в Советской России под диктатурой пролетариата диктатура мелкобуржуазного крестьянства?

142. Буржуазный характер до-октябрьских революций. Но вопрос этот тесно связан с вопросом о характере нашей революции вообще. В самом деле, пока городской пролетариат выступает в революции совместно со всем крестьянством, до тех пор революция носит буржуазный характер, так как крестьянин в массе своей—мелкий производитель, держащийся товарного производства. Такою и была неудавшаяся революция 1905 года. Такою же оставалась и февральская революция 1917 года: *пролетариат присоединил к себе все крестьянство в целом* и, частью при поддержке, частью при нейтралитете городской буржуазии, разрушил полицейско-чиновничью монархию и помещичье землевладение [141].

143. Пролетарская революция в октябре 1917 года. Если бы революция наша на этом остановилась, как того страстно хотелось буржуазии и правым социалистическим партиям, не могло бы быть речи о диктатуре пролетариата. Но в дальнейшем соотношение сил изменилось, и изменилось коренным образом. С момента октябрьского переворота началось классовое расслоение в деревне. Среди массы крестьян — мелких производителей — эксплоататоров, пользующихся наемным трудом для извлечения прибыли, не могло быть более $^1/_5$ общего числа. Из трудового же крестьянства значительная масса принадлежала к разряду беднейших. Это был продукт векового угнетения, завершившегося разорительной четырехлетней войной. В общем же и целом мелкий трудовой крестьянский производитель никак не враждебен социализму, он неизбежно колеблется между буржуазией и пролетариатом, как показала вся новейшая история Европы [142]. И вот, революционному авангарду — пролетариату — оставалось и здесь действовать по той же неписанной диспозиции: *в союзе со всем полупролетариатом* (в городе и деревне), со всеми трудящимися и эксплоатируемыми, частью при поддержке, частью при нейтралитете среднего трудового зажиточного крестьянства, он ниспровергнул буржуазию, овладел буржуазно-демократическим государством и направился против капитализма вообще, „в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов“ [143].

Так развивалась наша революция, и так из буржуазно-демократической превратилась она в пролетарско-социалистическую сначала в городе, а потом и в деревне.

144. В соответствии с этим, и правительственные мероприятия Советской власти в области земельной носили социалистический характер. Одним из первых же декретов от 26 октября 1917 года (ст. стиля) частная собственность на землю отменялась навсегда, и это подтверждено было в январе 1918 года „Декларацией прав трудящегося и эксплоатируемого народа“ (ст. 3-а). Она же подчеркнула, что „леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием“ (ст. 3-б). А „Основной закон о социализации земли“ 6/19 февраля 1918 года передал распо-

ряжение землей и всем частновладельческим имуществом Советам под наблюдением федеральной Советской власти.

145. Пролетариат — вождь и учитель. Теперь спрашивается: кто же играл и играет руководящую роль в развитии социалистической революции? Не пролетариат ли? Но дальше. С тех пор прошли годы ожесточенной борьбы. Основное значение земельной реформы в том, что она, упразднив класс помещиков и уничтожив частную собственность на землю, покончила с теми особенностями землепользования, которые обусловливали упадок нашего сельского хозяйства в прошлом. Естественным последствием этого было коренное поравнение в деревне. Как только крестьянство переварило землю, в нем сейчас же обнаружилась массовая тяга к новым, наиболее выгодным земельным порядкам. И кто же, как не пролетариат, организованный в государство, поможет ему покончить с традиционным трехпольем, с принудительным севооборотом, с принудительной общиной и прочими остатками крепостного хозяйства? Кто докажет крестьянину, что на уравнительном землепользовании и национализации земли нельзя остановиться, и воспользуется и тем и другим для легкого и гибкого перехода к социализму в земледелии? [144]. Кто уже оказал крестьянству огромную помощь в деле снабжения его инвентарем и кто доставит крестьянам, у которых не хватает орудий для мелкого производства, земледельческие машины для коллективной обработки земли? Это может сделать только пролетариат.

«Именно теперь, кстати сказать, наступило время вновь, но на новый лад, усиленно заняться тем же, что в 1917 — 1920 г.г. называлось коллективными хозяйствами... так как именно в них — основное ядро будущей перестройки общественных отношений в деревне» [145].

146. Отношение к кулаку. Кулачество — эксплоататорская часть деревенского населения — представляло из себя великую угрозу для социалистической будущности земледелия. Это тот слой, который больше всех собирался взять от революции, чтобы потом составить почву для широкого расцвета капитализма в России. Это он основал бы „среднее буржуазно-фермерское хозяйство с наемным трудом, улучшенными способами обработки земли и с наличием здесь же рядом огромного слоя полу-пролетарского крестьянства". И что же? „Кулак вступил в революцию, окрыленный самыми розовыми надеждами и предчувствиями, а вышел из нее общипанным даже на ту часть своей собственности, которой он располагал до революции" [146]. Кто же, как не пролетариат, сумел спаять пролетарские и полу-пролетарские слои деревни, обезвредить середняка и нанести кулачеству ряд сокрушительных ударов?

Стоит лишь раскрыть глаза пошире, ознакомиться с ходом революционного движения и присмотреться к существующему положению, чтобы увидеть на всем искусную и твердую руку пролетариата, неуклонно ведущего за собой трудовые деревенские массы.

Это и есть диктатура пролетариата.

В наши дни опасные стороны новой экономической политики сказались в деревне, между прочим, в нарождении нового кулака. Сила этого кулака в том, что он хороший хозяин, но и только. Благодаря диктатуре пролетариата, за деревенской буржуазией не стоит ни поп, ни урядник, ни волостной писарь. Обрушивая на кулачество главное бремя налогов, отказывая ему во всякой экономической поддержке и закрывая ему все пути к политическому влиянию, диктатура пролетариата обеспечивает основной середняцкой массе все средства

преодоления кулачества на почве коренных, неотъемлемых завоеваний революции. Островки хороших кулацких хозяйств захлестнуть сплошным морем хорошего трудового середняцкого хозяйства—вот задача новой экономической политики, строго отличаемой от „нэпа“. Но это осуществимо лишь при диктатуре пролетариата.

147. Отношение к середняку. Да, рабочий класс играет трудную и сложную роль. Но такой всегда была роль класса-предводителя, гегемона. „Гегемонию пролетариата надо уметь понимать. В 1891 году она сводилась к образованию союза борьбы за освобождение рабочего класса; в 1903 году она сводилась к созданию организации профессиональных революционеров; в 1907 году она сводилась к тому, чтобы во время контр-революции сохранить большевистский центр; в 1917 г. она сводилась к восстанию; в 1918—1919 г.г. она сводилась к тому, чтобы организовать Красную армию и уметь воевать. В 1920—1921 г.г. гегемония пролетариата заключалась в том, чтобы прежде всего улучшить положение крестьянина и войти в контакт с ним, понять, что от сельского хозяйства пойдет восстановление“ [147]. Что требуется понять? Ту истину, что „увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы“ [148]. К чему приводит это понимание? К уступкам зажиточному деревенскому слою, к соглашению с середняком. Но роняют ли эти соглашения диктатуру пролетариата в общем и целом? Нисколько. Оппортунистической, т.-е. соглашательской, половинчатой, политика рабочего класса становится тогда, когда „уступки делаются господствующему классу, которому они облегчают возможность оставаться у власти“ [149]. Но ведь в Советской России у власти пролетариат. *Где же тот господствующий класс, с которым он вступает в соглашения?* А чтоб удержать власть, надо быть не только сильным, но и мудрым. Властвовать не значит только гнуть, ломать и крушить; это значит еще: воспитывать, развивать, выращивать. Никаких уступок, последовательная война насилием, подавление, угроза, смерть эксплоататорам! Товарищеская помощь, деловой пример, убеждение и руководство — отсталым рабочим и крестьянам!

148. Старый спор буржуазии и пролетариата из-за крестьянина. Такой и только такой должна быть политика господствующего пролетариата в старом вопросе, приобретающем особенную остроту и важность в наши дни: *буржуазия ли потащит крестьянство назад к капитализму, или пролетариат поведет его вперед к социализму?* „В последнем счете судьба нашей республики зависит от того, пойдет ли крестьянская масса за рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст „нэпманам“, т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими“ [150]. И при современном решении этого старого вопроса надо твердо помнить о неустойчивом, постоянно меняющемся классовом положении крестьянства: в одни исторические моменты крестьянство революционно,— и пролетариату остается лишь умело использовать его тяжелые боевые отряды; в другие—революционный огонь ослабевает тактика рабочего по отношению к крестьянину соответственно меняется. Крестьянство, правда, никогда не может быть и не бывает авангардом революции, но зато оно всегда — огромный резервуар, вместилище революционных сил, из которых мы можем черпать для своей революции [151].

Внушить земледельцу, что «только падение капитала может поднять крестьян; только анти-капиталистическое пролетарское правительство может покончить с его экономической нищетой, с его общественной деградацией... Красная Республика — это диктатура его союзников» [152].

149. Волков бояться — в лес не ходить. Возможны ли на этом пути ошибки? А где тот путь, на котором невозможны они? Но пролетариям нечего особенно бояться ошибок: в то время, как буржуазия с каждым новым поражением становится одной надеждой беднее, пролетариат с каждой новой ошибкой становится одним опытом богаче, — сказал Маркс. „Эти ошибки входят в инвентарь партии и составляют опыт рабочего класса“ [153].

150. Кому властвовать? Если бы даже у пролетариата не было того, что называется волей к власти (а воля эта теперь есть и нарастает с каждым днем), то все-таки он, и только он, должен был бы стоять у власти. Буржуазия подлинная может сейчас властвовать лишь помощью военной, генеральской диктатуры, но генеральской диктатуры не желает даже полу-кулацкая Сибирь. «Мелкая буржуазия, интеллигенция и пр. не могут быть властью — это азбука для марксиста» [154]. Ни один слой крестьянства не в состоянии играть самостоятельную роль. «При таком положении не может быть иного выхода, как диктатура пролетариата» [155].

151. Течения внутри пролетариата. При определении ближайших задач пролетарской диктатуры, нужно принимать во внимание не одного деревенского середняка. Необходимо считаться вообще с классовым строением нашего общества или, вернее, с остатками капиталистических классов. Центральное место занимает авангард пролетариата—организованное ядро городских и сельских рабочих и беднейших крестьян. *Они объединены в партии,* — *наиболее сознательный и крепкий слой,* — *в профессиональных союзах и в Советах.* Это передовой отряд пролетариата, его, так сказать, командный состав, не в смысле начальствования и верховенства, а в смысле высоты классового самосознания: это он способен устоять против самых страшных ударов контр-революции и чутьем находить путь победы в свалке гражданской войны. Вокруг него наслаиваются менее активные группы пролетариата, та „*серёдка на половинке*“, которая и сочувствует, и колеблется, и увлекается мыслью о социалистическом будущем, и пугается трудностей революционных войн. Но важно отметить, что „в ходе развития нет грани между авангардом и этим очень обширным слоем“ [156]: передовые отряды все растут, так как уровень масс неуклонно повышается. Шкурник-эгоист приобщается к обще-классовому интересу, и хоть и остается бездеятельным, но обезвреживается, уже не мешает. Равнодушные, безразличные перерастают в сочувствующих, а этот слой от чувств переходит к делу и втягивается в боевой активный авангард.

152. Остатки буржуазных классов. Рядом с этой пролетарской массой стоит техническая интеллигенция, получившая у нас собирательное имя „спецов“. С ней граничат те, кто до революции составлял интеллигентскую аристократию: это предприниматели, дельцы, „гении“ промышленного и финансового мира — директора фабрик и банков, заправилы компаний, строители дворцов и путей сообщения, талантливые администраторы всех областей. Наконец, еще правее расположились бывшие паразитические слои (помещики, денежные мешки, всех родов спекулянты, рантье, жившие на доход с капитала).

153. Отношение пролетариата к самому себе. И вот, сообразно с этими группировками, пролетарская диктатура призвана действовать по трем, или вернее — по двум основным направлениям. В общем и целом она есть организованное государственное принуждение. По отношению к рабочему

классу, к правящему пролетариату она выступает как *самопринуждение и самодисциплина.* Понятно, что чем революционнее и сознательнее та или иная группа, тем менее чувствуется принуждение, и, обратно, в наиболее отсталых группах нажим ощущается наиболее болезненно, хотя в действительности государственный пресс нажимает равномерно, не разбирая, кто под ним.

154. Все эти разговоры шептунов о «диктатуре над пролетариатом», все вопли лицемерных «друзей демократии» об «аракчеевщине» и т. п., — все это основывается на замазывании, и притом, в большинстве случаев, сознательном, умышленном замазывании действительного существа Советской Республики. Не видят или не хотят видеть, что никогда еще ни одно государство не ставило перед широкими массами таких колоссальных задач, таких великих перспектив! Никогда и нигде не делалось так много в области народного воспитания, просвещения, оздоровления! И никогда ни одно государство не возбуждало одновременно столько ненависти и непримиримой вражды, — с одной стороны, восхищения и участия, — с другой. Но ведь все это потому, что речь идет о государстве трудящихся, о государстве, где господствующим, правящим классом выступают рабочие и крестьяне, и то, что делают эти рабочие и крестьяне, они делают только для себя, исходя из своих нужд и потребностей. Самая умная, самая просвещенная и умеренная буржуазия в самом демократическом государстве, делая что-нибудь для подчиненных классов, действует во имя своего интереса, исходит из своих потребностей. Если она строит школы для народа, то потому, что ей нужен грамотный рабочий, если заботится о жилищных условиях, о больницах и амбулаториях для народа, о дешевых столовых, то потому, что ей нужны здоровые и сильные новобранцы и выносливые рабочие. Ей нужно эксплоатировать массы с наибольшей выгодой, и все — от детских яслей до парламента — превращается в прямое или косвенное орудие эксплоатации. И каждый дар буржуазии пролетариату сопровождается векселем, по которому она требует расплаты с шейлоковской точностью и неумолимостью.

155. Диктатура над собой и для себя. В Советском государстве пролетариат становится, наконец, господином самого себя, хозяином своих судеб. Он вышел на волю из-под своекорыстной опеки буржуазии. Но разве именно эта воля, понимаемая не по-рабски, не по-лодырски, а по-рабочему, по-пролетарски, не означает начала жестоких усилий, гигантской борьбы? Поистине, «дело великого поту»! Быть самому себе господином, значит — взять самого себя в ежовые рукавицы. Батрак, работавший раньше на барина, он работает теперь на самого себя. Не значит ли это, что по-иному надо засучить рукава и по-иному взмахнуть топором? Быть хозяином своей судьбы, значит направить ее по-своему, организовать свою жизнь, подчинить ее строгому плану, все предусмотреть и предупредить, обуздать и дисциплинировать самый случай. Но ведь это и есть самопринуждение, самодисциплина. Да, с такой точки зрения, единственно правильной, пролетариат диктаторствует прежде всего над самим собою, и в понятии диктатуры пролетариата неизбежно заключается дактатура над пролетаритом. «Рабочим», — сказал Маркс, — «придется пережить пятнадцать, двадцать, пятьдесят лет гражданских войн и битв народов не только чтобы изменить строй, но чтобы изменить и себя самих и сделать способными к политическому господству» [157].

156. **Отношение к интеллигентским спецам.** По отношению к буржуазной интеллигенции пролетарская диктатура действует как принуждение чисто внешнее, как нажим со стороны. Пролетариату она необходима, так как она в большой степени вобрала в себя знания, опыт и технические навыки капиталистического периода. Эту силу он может использовать для своих нужд. Успешность же и плодотворность принуждения в этой группе находится в прямой зависимости от успешности самопринуждения в среде пролетариата. Почему же так?

Дело в том, что буржуазная интеллигенция, как класс промежуточный, не имеет самостоятельного экономического интереса. Одним крылом она тесно примыкает к пролетариату, другим — к собственнической буржуазии, а своей

почвы нет. Октябрьская Революция сокрушила и смыла часть подпорок, на которых держалась интеллигенция — именно владеющую и властвующую буржуазию. Интеллигенция пошатнулась и одной ногой осталась висеть в воздухе. Такое легкомысленное положение она занимала, однако, довольно долго. Довольно долго помахивала она свободной ногой то в сторону Колчака, то в сторону Деникина, ожидая, что кто-нибудь подведет под нее обрушившиеся подпорки, и можно будет опять стать прочно. Но надежды не оправдались, и болтавшуюся ногу пришлось постепенно подтягивать налево. Теперь она обеими ногами стоит в гуще пролетариата, захлестнутая массами уже со всех сторон.

157. Большая и лучшая часть ее с отвращением смотрит на ту жидкую, эфемерную и пошлую „нэповскую“ буржуазию, которая народилась у нас после 21 года, с которой у нее нет старинных связей и мало общих вкусов. *Она одинока, бедная интеллигенция*, и волей-неволей она должна прислониться к пролетариату. И если нет еще возможности вполне орабочить спецов, уничтожить интеллигенцию как класс, то можно и должно влиять на нее повседневным примером, выпрямлять ее хромающее сознание, создавать в ней убеждение, что, так или иначе, ее собственное благополучие связано с процветанием пролетариата и его государства. Но для этого нужно, *чтобы та пролетарская толща, внутрь которой попали спецы, была сама на высоте самоорганизации, самопринуждения и самодисциплины.* Уже сейчас с определенностью видно, что „там, где есть рабочая масса, там и больший процент людей, работающих для Советской власти не за страх, *а за совесть*“ [158]. По мере же того, как буржуазно-интеллигентская масса будет, с одной стороны, все теснее захлестываться пролетариатом, с другой — все больше разжижаться струями новой рабоче-крестьянской интеллигенции, процент этот неуклонно будет повышаться.

Вот замечательное предвидение Энгельса о роли техников (по-нашему: спецов) в пролетарском государстве и об отношении к ним пролетарской власти: «...я предвижу, что мы будем в состоянии через 8 — 10 лет навербовать собственных молодых техников, медиков, юристов, учителей, а также передать крупные имения в управление от имени нации своим же членам партии. В таком случае наше вступление во власть будет протекать гладко. Но если мы, благодаря войне, преждевременно станем у власти, то техники будут нашими специальными противниками и будут обманывать и предавать нас, где только смогут. Нам придется применять террор, и нас все-таки обманут»... [159].

158. **Отношение к буржуазным паразитам.** Что же касается третьего элемента — буржуа-паразитов, не участвовавших в производстве, — то они не имеют самостоятельного значения, и пролетарская диктатура не придерживается по отношению к ним какой-либо особой тактики. Для существования их не имеется ни смысла, ни возможности. Поэтому часть из них, наиболее вредная или даже просто бесполезная, задохнется в атмосфере Советского государства, другая — жизнеспособная в новых условиях — всосется и переработается другими группами.

Во всяком случае, ни необходимость соглашений с середняком, ни нужда в услугах интеллигента, ничто не отнимает у советской власти ее рабочего характера и у диктатуры — пролетарского.

159. **Пролетариат и его партия.** И диктатура пролетариата нисколько не теряет своей классовой чистоты от того, что руководящая роль во всех областях государственной жизни принадлежат коммунистической партии. Не

распространяясь здесь о роли и значении Р. К. П., отметим то возражение, которое иногда слышится со стороны: в Советской Республике осуществляется, дескать, диктатура не рабочего класса, а коммунистической партии. В такой формулировке, наиболее часто встречающейся, возражение это не имеет, в сущности, никакого смысла. Можно ли противополагать рабочему классу партию, которая в подавляющем *большинстве* состоит из рабочих и крестьян [1])?

Если бы Российская Коммунистическая Партия состояла из интеллигентов— профессоров, адвокатов, журналистов („академиков", как партийных интеллигентов называют в германских социал-демократических кругах),— тогда можно было бы делать существенное различие между рабочим классом и его руководителями. Но ведь этого нет. Уже после чистки 1922 года, по возможности удалившей из партии все случайное и наносное, свыше 70 процентов партийной армии составляли рабочие и крестьяне [161], ленинский же 200.000-ный призыв дал вполне определенный перевес рабочим над выходцами из всех других классов, и диктатура партии устанавливается сама собой, именно как следствие диктатуры пролетариата. Таким образом, *диктатура партии есть признак и выражение диктатуры рабочего класса* [162].

160. Тех же, кто возражает и против такого положения, против того, чтобы рабочий класс осуществлял диктатуру через свою рабочую партию, т.-е. через своих лучших членов, можно спросить: *Какие же существуют иные пути проведения диктатуры? Их пока нет.* Когда политический уровень масс достигнет такой высоты, что все трудящиеся, или подавляющее большинство их, сознают свой классовый интерес и смогут принять участие в управлении государством — это будут уже последние дни государства, последние дни диктатуры, а следовательно — и всяких политических партий. К этому мы идем.

А пока то, что мы имеем, есть, конечно, диктатура пролетариата.

161. Соблазны власти. Ну, чтож,—говорят противники пролетарской власти, — тем хуже. Диктатура, террор, насилие — всем этим нельзя пользоваться безнаказанно. Это старое, ржавое оружие буржуазии, которым пролетариат, быть может, поразит своих неприятелей, но и самого себя ранит на смерть. Что хорошего, если в рабочем классе разовьется вкус к насилию, жажда владычества? Пролетарская канцелярия, пролетарский участок, пролетарская казарма все же остаются канцелярией, участком и казармой, которые дадут, в конце-концов, новых закостенелых бурбонов — чиновных, полицейских и военных. Мы подождем, мы подождем и увидим рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, как пролетариат, отравленный ядом власти, выродится, растеряет свою честную простоту, прямую, суровую доблесть, а тогда мы возьмем его голыми руками.

162. Как предохранить себя от этой опасности? Не будем обманывать ни самих себя, ни других: известная опасность с этой стороны, действительно, грозит нам, но и преувеличивать эту опасность значило бы ныть и каркать по-пусту. Пролетарии — это, прежде всего, люди труда. И власть они берут не как дорвавшиеся, наконец, к теплым местечкам хищники и лодыри,

---

[1]) Противопоставление возможно, но лишь в таком смысле, в каком сделал это Пауль Леви в своей речи на заседании 2 конгресса Коммунистического Интернационала: партия и класс «относятся друг к другу, как субъективное сознание к объективной массе, или же как скорлупа и ядро, которые вместе образуют плод» [160].

а как рабочие, весь смысл жизни которых есть производительный труд. Нет! Без упоения и без торжества идут они в канцелярии, а как на тяжелую повинность, отрывающую их от главного дела. Пролетарии, как говорил еще Лассаль, не могут спрятаться ни за какое исключительное условие, на котором можно основать привилегированность: ни дворянства, ни землевладения, ни владения капиталом. Поэтому „четвертое сословие... [1]) тождественно со всем человеческим родом“ [163]. „Каждый другой класс, — говорит Каутский — может при известных условиях сделаться привилегированным, — с рабочим классом этого не может случиться“ [164]. Но для этого *пролетариат и должен властвовать, как класс,* всей массой своей налегая на государственный руль, не доверяя его ни на минуту в бесконтрольное управление отдельных лиц, как бы высоко ни стояли они по своему уму, опыту, знаниям и преданности. Те, которых он выделяет из своей среды для государственного строительства, должны постоянно чувствовать вокруг себя и над собой бдительный контроль народных масс, все шире и шире втягиваемых в управление, в политику. И массы каждый час должны напоминать им, что государство пролетариата и его диктатура — временны и что *чем дольше тянется период пролетарской государственности, тем не лучше, а хуже.*

При соблюдении этих условий яд власти нам не страшен. Для исполнения же их у нас есть вполне соответствующий аппарат: Советы.

---

[1]) Термин «сословие» как будто противоречит смыслу фразы. Но самый термин применен, конечно, неправильно. (См. К. Маркс, «Нищета философии». Спб., 1906, стр. 142, примечание Ф. Энгельса).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Представительное правление в буржуазном государстве.

163. Статья первая Конституции определяет: „Россия объявляется *Республикой Советов* Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам“ (I,[1]). Статья девятая присовокупляет, что диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства устанавливается „в виде мощной *Всероссийской Советской власти*“.

Советы суть органы пролетарской диктатуры в России. Поэтому нужно рассмотреть ближе, что, собственно, разумеется под словами „Республика Советов“ и что являются собой самые Советы.

Советская Республика есть совершенно новый вид государства. Этот вид возникал в процессе революции постепенно и с трудом; возникнув, он с каждым днем подтверждает свою жизнеспособность: пролетарское государство может быть только республикой и притом Советской. Но чтобы понять это, необходимо сравнить этот тип государства с другими.

164. Монархии и республики. И на практике и в науке удобнее всего рассматривать политическую жизнь государств с двух сторон: по форме правления и по государственному устройству. По форме правления государства распадаются на два основных разряда: монархии и республики. В первых глава государства — монарх, который свою власть, наследственную в его роде, основывает не только на „божьей воле“ или „божьей милости“, но и на „воле народа“. Короли бельгийский и итальянский даже свои манифесты и торжественные объявления начинают так: „Мы, божьей милостью и волею народа“... Господствующий класс в монархии, будь то родовитая знать или буржуазия, старается внушать подчиненным классам, что государь есть олицетворение надклассовой власти, власти общенациональной, всенародной, справедливой и беспристрастной. Но в действительности, все, кроме так называемого простого народа, хорошо знают, что *государь есть просто первый помещик или первый капиталист.*

В республике же единственным источником власти называют народ. Тут уже нет „помазанника божия“, и господствующий класс — обыкновенно промышленная буржуазия — старается уверить подчиненные классы, что все должностные лица, начиная с президента и кончая мелким чиновником, черпают свои полномочия в народе, в его воле. И в этом отношении правящим классам как в монархии, так и в республике поддакивает наука. Ученые люди в монархии всячески доказывают, что монарх властвует потому, что это угодно

высшим силам, и до тех пор, пока это им угодно [1]), а на известном расстоянии от этой монархии, в соседней стране, в республике, такие же ученые господа поучают, что президент правит потому, что того хочет народ, и до тех пор, пока того хочет народ. Конечно, и то и другое ложь. Но ложь первая уже почти всякому „простолюдину“ ясна, тогда как ложь вторая еще владеет многими умами.

165. Абсолютизм. По государственному устройству можно различать: 1. Абсолютизм. 2. Парламентаризм. 3. Народоправство. В абсолютных или самодержавных монархиях государь — не только глава государства, но и единственный источник власти. Так, впрочем, бывает лишь по букве закона или, как принято выражаться, юридически. На деле же неограниченных монархов никогда и нигде не было: всегда самодержавного деспота окружает группа людей — придворная клика, камарилья, — которая отражает интересы известной части населения, и с этой группой монарх не только считается, но и очень часто служит простым орудием в ее руках. Немецкие дворяне говорили: если король творит нашу волю, то пусть он называется хоть и самодержцем [2]). Тем не менее, нигде в законе это ограничение власти монарха не закреплено.

166. Конституционное государство. При парламентаризме руководящая роль приписывается законодательному учреждению („парламент“ в Англии и во Франции, „конгресс“ — в Америке). Это учреждение состоит обыкновенно из двух частей, называемых палатами — верхняя и нижняя (сенат и палата депутатов во Франции, Америке, Италии, палата лордов и палата общин — в Англии). Оно избирается. Избирается всем, якобы, населением, но, в действительности, только более или менее незначительной частью населения. Верхние палаты, кроме того, в монархиях замещаются и по назначению монарха.

Монархии, в которых источником власти, кроме монарха, считается еще парламент, называют, обыкновенно, монархиями конституционными. Существенный признак конституционного государства: необходимость согласия народных представителей на издание закона.

167. Дуализм и парламентаризм. Среди конституционных государств принято различать два типа: страны, где законодательная власть — парламент — преобладает над исполнительной — правительством с монархом или президентом во главе, — называют собственно парламентарными государствами; там же, где корона или президент сильнее парламента и министры перед ним не ответственны, налицо дуалистический строй. Дуализм [3]) вовсе не является, как думают некоторые, переходным этапом на пути от самодержавия к парламентаризму [165]. Не надо забывать, что борьба идет не столько между короной и парламентом, сколько между министерством и парламентом. И Англия и Франция, бывшие до конца 90-х годов XIX столетия парламентарными странами, в конце XIX ст. и начале XX-го дали в ряде случаев зрелище решительного перевеса кабинета министров над палатами. В то же время С.-А. С. Ш., где власть президента весьма обширна, где министры (называемые секретарями) ответственны только перед ним, где конгресс давно превратился в весьма неуважаемое собрание болтунов и интриганов, сильно приближаются к дуалистическому типу. Таким образом, парламентарными и дуалистическими могут быть не только монархии, но и республики [166].

---

[1]) И в новейшее время идея божественности верховной власти далеко не умерла в буржуазных умах. Пример — дореволюционная Германия: там при Вильгельме II «империализм резко выступил в тесном единении с искусственно-раздутой идеей божественного происхождения власти» (К. Фроме, «Монархия или республика». — Изд. Библ. Просв., стр. 135).

[2]) Und der König absolut, wenn er unseren Willen thut.

[3]) Этот термин введен, повидимому, Гнейстом.

168. Непосредственная республика. Народоправство мыслимо в тех случаях, когда народ принадлежащую ему верховную власть осуществляет не через президента или представительное учреждение, а сам непосредственно. В условиях капиталистического строя с его классами и партиями, централизацией и бюрократией, такая республика, вообще, невозможна. Если она и держится, то лишь в крошечном уголке Европы, в деревенских пастушеско-земледельческих областях Швейцарии. Здесь в четырех кантонах (так называются самоуправляющиеся части Швейцарской союзной республики) [1]) все мужчины, достигшие 20-летнего возраста, являются в определенное время в определенное место на народное собрание, где решают законодательные, административные и судебные дела и избирают некоторых должностных лиц на время до следующего народного собрания [2]).

Таким образом, по своему государственному устройству монархии могут быть самодержавными и представительными (конституционными), республики — представительными и непосредственными.

169. Народ в представительном государстве. В настоящее время самодержавных монархий не существует. Непосредственных республик, как целостных независимых государств, тоже нет. Остаются конституционные монархии и представительные республики. С какой стороны нам интереснее всего рассмотреть их? Конечно, со стороны участия так называемого народа в законодательстве и управлении. Всякое государство в наше время так или иначе опирается на народ. Народ, нация в той или иной форме признается верховным, конечным владыкой — „сувереном“.

Принцип народного суверенитета, будучи раз выдвинут Великой Революцией, приобрел в дальнейшем огромное значение. Он, как отмечает Эсмен, «мало-по-малу обошел весь мир». «Своей силой он обязан тому, что представляет собой идею простую, отвечающую также коренящимся в глубине человеческой души инстинктам справедливости и равенства. В сущности, он сводится к следующему положению: суверенитет у данного народа принадлежит всей нации, взятой как целое, и не может принадлежать кому-либо, кроме нее» [167]. «Нации, взятой как целое». Сила идеи, конечно, не в ней самой и не в «инстинктах справедливости и равенства», а в экономическом значении того класса, который сумел отождествить себя с нацией и свой частичный интерес выставить интересом целого.

В Американской республике—Северо-Американских Соединенных Штатах — федеральная, т.-е. союзная конституция была издана в 1787 году от имени „Народа Соединенных Штатов“. Отдельные конституции швейцарских кантонов определенно говорят о том, что суверенитет — верховная власть — принадлежит народу. Бельгийская конституция 1831 г., как и греческая 1864 г., объявляет, что все власти исходят от народа [168]. В Англии, в случае прекращения династии — царствующего дома — нового короля может призвать лишь народное представительство [169]. То же по конституциям Бельгии, Голландии, Испании, Сербии и Греции [170]. Одним словом, везде господствующее меньшинство прикрывает свою власть именем народа. Властвовать одним именем бога, как это делалось раньше, стало невозможно уже с тех пор, как великий буржуазный мыслитель Руссо разъяснил, что если всякая власть от бога, то от него же

---

[1]) Ури, Унтервальден, Аппенцель и Глярус.

[2]) И здесь это, впрочем, простой пережиток прошлого, от которого другие кантоны уже освободились. (См. С. А. Котляревский, Власть и право, М. 1915, стр. 249).

и всякая болячка, а его младший современник в Германии, Фихте, объявил, что бог допускает власть государя так, как он вообще допускает козни дьявола. Поэтому, командующий класс счел более удобным властвовать от имени народа, и священное право королей было перенесено на народ.

170. Распыление народа на отдельных личностей. При чем народ этот есть, по учению буржуазии, собрание равноправных единиц, личностей, „равноценных индивидов". Эти равноценные индивиды [1]) могут, дескать, отличаться друг от друга по своему имуществу, или образованию, или развитию, но как люди, как „человеки", они все равны, и каждый зависит только от самого себя, своих способностей, своего труда и своей удачи. Иного учения и не могла выставить буржуазия, когда вышла на историческое поприще в качестве господствующего класса. Рынок, базар, торжище — вот то место, где формируется общественное сознание буржуазии, где создается ее идеология. *Торговое место — настоящая родина свободного индивида.* На рынке все равны. Здесь не признаются ни кровные связи, ни дружеские скрепы, ни происхождение, ни общественное положение. Здесь сталкиваются чужие, равные и свободные люди, стоящие друг перед другом в холодном и жадном расчете: дорого продать — дешево купить. Промышленный капитализм молодой буржуазии основался на вольной хозяйственной деятельности, на соревновании, на свободной конкуренции. Человек был извлечен из рамок сословия, из тисков цеха, из многочисленных крепких союзов, которые обезличивали его, лишали индивидуальности. Натуральное хозяйство с его неподвижными формами рассыпалось и из него-то и вышли эти массы сознательных и самостоятельных единиц, борющихся за эгоистическое счастье и личный успех.

171. Индивиды — основа буржуазного государства. И все государство буржуазии, как и ее хозяйство, целиком построилось на индивиде. К разумному, сознательному индивиду, к личности, сознающей свой долг перед обществом, воззвала буржуазия, когда ей для защиты ее экономических потребностей понадобилась вооруженная сила. Эту вооруженную силу дают не отдельные союзы — города, местности, сословия — а народ, уравненные индивиды, без различия происхождения, религии, национальности, состояния. Но чтобы властвовать, буржуазии нужно и чиновничество. Сложная и громоздкая система капиталистического хозяйства, полного внутренних противоречий, потребовала мудреного и запутанного государственного аппарата. Новые должности требовали самодеятельности и инициативы, для руководства администрацией и законодательством нужна была творческая личность, огромные средства централизованного государства могли быть использованы и направлены лишь с помощью массы специальных и общих знаний, индивидуального опыта и индивидуального почина — для всего этого понадобился непрерывный приток человеческих сил, непрекращающаяся помощь самого населения, распыленного на отдельных самодовлеющих индивидов. С их помощью властвует экономически-сильное меньшинство.

172. Необходимость представительства. Хозяйственные нужды буржуазии породили идею народных прав и народного верховенства вместе с понятием личности. Те же экономические условия произвели на свет и народное представительство. Буржуазное государство стремится более или менее к централи-

---

[1]) Латинское слово «индивидуум» можно перевести «неделимое».

зации, к сосредоточению законодательства и управления в одном месте; буржуазная бюрократия хочет управлять страной так, чтобы почин отдельных областей в наиболее важных государственных вопросах урезать, — инициатива в этих вопросах должна исходить из центра. Вместе с тем, капиталистическое развитие характеризуется образованием больших государств: буржуазное государство стремится расширить свои пределы за счет ближайших соседей или приобретает колонии в отдельных малокультурных странах. При этих двух условиях непосредственное народное управление в большинстве случаев неосуществимо: граждан какой-нибудь Франции или Америки нельзя от времени до времени собирать в одно место, где они сами все вместе решали бы дела законодательства, управления и суда; раздробить же эту Францию или Америку на ряд маленьких общин и собранию граждан каждой такой общины предоставить право разрешать вопросы не только местного характера, но и касающиеся всего государства, всех общин, — тоже нельзя: это значило бы уничтожить современное государство крупного капитализма с его растущей централизацией и концентрацией производства. Так как, следовательно, непосредственное народное законодательство недостижимо в буржуазном государстве, а народ все более вовлекается в систему капиталистической хозяйственной деятельности, в экономическое соперничество свободных индивидов, и признается главным хозяином своих судеб, то остается прибегнуть к представительству, как к единственному средству познать волю народа, знаменитую общую волю.

Представительство — наиболее распространенная форма участия народа в государственном управлении. Она состоит, как сказано выше, в том, что население страны непосредственно из своей среды избирает депутатов — народных представителей. Каждый из них считается представителем всей страны, всего общества, выразителем общих интересов целого. Они организуются в постоянные учреждения, известные под общим названием парламентов, через которые народ призван осуществлять свое право управлять собою.

173. Народная воля и народное представительство. Руссо. Однако, признав представительную систему и распространив ее по всему культурному миру, буржуазия тем самым признала, что подлинную народную волю она в своих государственных учреждениях не в состоянии выявить. В признании и применении представительства заключается *основной подлог буржуазии*, обман, жертвой которого падают народные массы. Правящее меньшинство вовлекает эти массы в невыгодную сделку.

Ибо тот, кто слишком полтора века назад воздвиг теорию народного верховенства, народного суверенитета, и провозгласил, что выражением этого суверенитета служит общая воля народа, был рьяным противником представительства.

«Верховная власть» — настаивал Руссо — «не может быть представлена по той же причине, по которой она не может быть отчуждена. Ее существо скрыто в общей воле, а воля не допускает представительства: она либо та же самая, либо другая, середины нет. Депутаты народа, поэтому, не его представители и не могут ими быть. Они только его приказчики: они ничего не могут решать окончательно. Ни один закон, неодобренный самим народом, не имеет значения. Это даже и не закон. Английский народ воображает себя свободным, — он сильно ошибается: он таков лишь во время выборов членов парламента; как только они избраны, он — раб, он — ничто. За короткое время своей свободы он делает из нее такое употребление, что заслуживает ее потери» [171].

174. Кража народного верховенства: а) Монтескье. Тем не менее, все эти справедливые протесты и предупреждения остались втуне. Суверенитет народа и его волю буржуазия приняла беспрекословно, почуяв в них чудесную вывеску, ширму, за которой можно будет обделывать необходимые делишки. Способы же выражения этого суверенитета и этой воли она усвоила те, которые рекомендовал другой ее идеолог, оказавшийся более практичным и менее прямолинейным. За несколько лет до „Общественного договора“ (1762) появилось произведение Монтескье „Дух законов“ (1748). Признавая верховное право народа управлять самим собою, Монтескье подчеркивал, однако, его неспособность делать это ни в больших, ни в малых государствах и настойчиво выдвигал систему представительства.

«В виду того, что в государстве свободном всякий человек, за которым признается свободная душа, должен управлять собою сам, законодательная власть должна бы принадлежать всему народу. Но так как в больших государствах это невозможно, а в малых связано с большими неудобствами, то необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, что он не может делать сам»[172].

175. б) Сийэс. Когда же буржуазия Великой Революцией была приведена к политической власти, то первым по времени хитрым фальсификатором, отражавшим затаенные нужды и стремления нового господствующего класса, выступил священник Сийэс, „отец теории народного представительства“. Этот духовный отец в знаменитой речи, произнесенной 7 сентября 1789 года в Учредительном Собрании, благородно заявляет, „что нельзя отказать в звании гражданина и в гражданских правах этой толпе без образования, которая всецело поглощается вынужденной работой...“, но это отнюдь не знаменует необходимости призвать к власти эту невежественную толпу непосредственно: „...граждане могут доверяться некоторым из своей среды; не отчуждая своих прав, они поручают другим осуществлять их; ради общей пользы они назначают представителей, гораздо более, чем они сами, способных знать общий интерес и сообразно с этим истолковать их собственную волю“.

А в самом конце XIX ст. большой мастер этих дел, профессор права Эсмен, уже во всеоружии опыта и науки, воскрешает аргументацию аббата Сийэса: непосредственная демократия (по Сийэсу «истинная демократия»!) уже потому неприемлема, что огромное большинство граждан, будучи вполне способно выбирать представителей сообразно с их известными убеждениями и направлять, таким образом, законодательство и управление, неспособно производить оценку законов или законопроектов, которые были бы подвергаемы его рассмотрению. Ему недостает для этого, как указывал Сийэс, двух необходимых условий: образования, чтобы понимать эти проекты, и досуга, чтобы их изучать»[173]. Подчиняться же законам, изданным командующим классом, массы — стадо баранов, — могут, и не зная их и не понимая. Таков неизбежный вывод.

176. Таким образом, верховенство народа и его воля остались пустым звуком. Разве могу я поручить другому осуществить мое право управлять собою? Это так же странно, как если бы я поручил кому-нибудь осуществление моего права дышать воздухом. Воля не допускает представительства. „Руссо совершенно прав, — говорит Еллинек, — нельзя желать за другого, столь же мало, прибавим мы от себя, как нельзя за другого есть или пить“[174]. Но в течение всего XIX ст. все эти тонкости оставались, конечно, скрытыми для народных масс. Заворожив трудящееся большинство блестящей и великодушной формулой народного самодержавия, *правящее меньшинство захватило в позорный плен народную волю.* Предвидение Руссо оправдалось:

народ стал рабом. Массам сказали, что законодательное собрание представляет их собственную, высокую и священную волю. Но в то же самое время уже Сийэс объявил Национальному Собранию, что это оно *создает* народную волю. Представители народа должны были, по действительному замыслу буржуазии, отыскивать, находить народную волю личными стараниями за свой риск и страх.

177. Как подделывалась народная воля. Шаг был сделан, и тогда за первой и главной передержкой пошел ряд других: народные представители стали не избираться, а подбираться разнообразными хитрыми способами. Буржуазии нужно было обеспечить себе таких народных представителей, которые бы послушно искали и успешно находили потребную ей — буржуазии — народную волю. А это делается путем многозначительных и многоразличных ухищрений избирательного механизма. Для этого и провозглашено было, что „мы все одинаковые люди, но не одинаковые члены общества“, и что, „у кого нет собственности, тот не гражданин“ [1]). Уже эти откровенные заявления повели к таким ограничениям избирательного права, что Робеспьер по справедливости усовещивал зарвавшуюся буржуазию, говоря ей: сам Руссо не мог бы ни избирать, ни быть избранным, живи он в наше время. В искусстве этих ухищрений, подлогов и передержек буржуазия с тех пор сделала великие успехи: даже всеобщее избирательное право сумела она превратить в орудие порабощения масс!

178. Общественное мнение, как источник народной воли. Допустим, все же, что это правильно и хорошо. Зачем слепо придерживаться невыполнимой теории? Руссо был утопист. Общая воля не обнаруживается так, как он думал. Она и не передается, т.-е. не представляется.

Что же делать! Народу этого сказать нельзя, его полезно держать в приятном заблуждении. А тем временем нужно поручить народным представителям угадывать волю народа. И если они угадывают верно, то и задача решена. А для угадывания есть отличный путь, говорит буржуазия, это — общественное мнение. Именно общественное мнение и подсовывается депутатам парламента в качестве той кофейной гущи или бобов, на которых так удобно гадать. Общественное мнение — это думы, чувства и речи народа. От Мирабо до Эсмена оно единогласно признается источником общей воли, „івувереном законодателей“. Стоит только депутату причаститься тайн из этого источника, и уж он вдохновится свыше и почует общую волю.

179. Как оно создается. Однако, общественное мнение, если присмотреться к делу, обладает такими чертами, которые сводят на-нет его благодетельную роль. Ведь в буржуазном обществе твердо действует то самое обстоятельство, которое, по Сийэсу, мешает водвориться непосредственному народному правлению: массы не имеют ни способности, ни досуга вырабатывать собственные самостоятельные взгляды на вещи. Поэтому огромное большинство

---

[1]) «Все могут пользоваться выгодами общества, но только содействующие общественному устройству суть как бы настоящие акционеры общественного предприятия. Они одни суть подлинные активные граждане, подлинные члены общества». (Доклад Сийэса в конституционной комиссии национального собрания 20 июля 1789 г.). — «Страна, управляемая собственниками, живет в социальном строе; страна, в которой управляют не имеющие собственности, находится в естественном состоянии». (Доклад Буасси д'Англа в конвенте 5 мессидора III года).

граждан механически усваивает те мнения и выводы, которые вокруг высказываются чаще и громче. Кто же громче и назойливее всех подает голос? Конечно, профессиональные политики, искушенные дельцы, ловкие журналисты, ученые профессора, опытные и неутомимые ораторы, те же депутаты парламентов, вообще — люди денег и власти, по указке которых выступают и наука, и пресса, и парламенты. Общественное мнение создается. Но создается оно *не на фабриках и заводах, не в мастерских, не в крестьянской избе, не в местах скопления трудовых масс*, а в кабинетах дельцов, в редакциях газет, в глухих и тесных кружках правящего класса. Оттуда оно выносится на улицу, распространяется миллионами листков, провозглашается с ораторских трибун и ученых кафедр, снабжается рекламой авторитетов, и погуляв и покружившись, попадает в парламент в качестве „гласа народа", народной воли, общей воли!

180. Кем и как общественное мнение осуществляется. В образовании общественного мнения трудовой народ не участвует вовсе. Но даже и имущие классы — средняя и мелкая буржуазия, рядовая интеллигенция — в массе своей повторяют лишь то, что им вдалбливается вожаками, так называемыми руководителями общественного мнения. Но если бы даже допустить, что в общественном мнении сказываются действительные желания народа, то ведь народ никогда „не в состоянии указать, каким способом и в какой форме должны быть исполнены эти желания"[175]. Так что проведение в жизнь этих желаний во всяком случае лежало бы на командующих классах или даже лицах, а уж они-то всегда нашли бы полную возможность изыскать такие средства и приемы достижения поставленной народом цели, которые исказили бы самую цель. Суть вовсе не та, что общественное мнение непрочно, неустойчиво, неясно, неполно, как думают буржуазные исследователи, решающиеся сказать правду об этом деле[176], а, та во-первых, что источник его не в массах, а в незваных руководителях масс, и та, во-вторых, что осуществление его заданий, во всяком случае, — в руках этих же руководителей.

181. Что такое общественное мнение? Джемс Брайс — автор, по мнению которого в Сев.-Америк. Соед. Штатах существует настоящее народовластие. «Едва ли можно указать более точное практическое применение принципа, что народу принадлежит верховная власть. Эта власть принадлежит в С. Ш. всей совокупности граждан почти так же непосредственно, как она принадлежала народным сходкам в Афинах или в Сиракузах»[177]. Нет, следовательно, основания заподазривать этого почтенного буржуа в предубеждении к буржуазному строю и в тенденциозном извращении фактов. Однако, не без сочувствия цитирует он Роберта Пиля, говорившего о той «густой смеси безрассудства, слабодушия, предрассудков, дурных чувств, хороших чувств, упорства и газетных заметок, которая называется общественным мнением»[178]. В самом деле, «лишь небольшая часть убеждений, с которыми заурядный гражданин приближается к избирательной урне, выработана им самим... При внимательном анализе этих воззрений окажется, что они состоят из двух или трех предрассудков, из двух или трех предубеждений в пользу какого-нибудь вождя или какой-нибудь фракции политической партии, из двух или трех фраз, которые повторяются без предварительной проверки». И если это не вполне верно по отношению к людям, специально занимающимся политикой, то не менее применимо «к людям, занимающимся торговлей и различными профессиями, чем к рабочим классам, потому что ни те, ни другие не имеют достаточно свободного времени, ни достаточных познаний для того, чтобы вырабатывать самостоятельные убеждения»[179]. В результате, по словам Брайса, девятнадцать человек из двадцати не создают, а только воспринимают и распространяют общественное мнение. Но и относительно, так называемых, органов общественного мнения он придерживается достаточно нелюбезного взгляда: стоит лишь отметить его сравнения прессы

с дворовой собакой и с флюгером[180]. Органы общественного мнения чрезвычайно многочисленны, и каждый из них выдает свои собственные мнения за мнения народа. Подобно всем другим ценным предметам, и общественное мнение подвергается различным подделкам»[181]. К кому прислушиваться в этом хоре оглушительных голосов? Немудрено, что парламент, которому предлагают руководствоваться общественным мнением, уподобляется царю Додону из «Золотого Петушка», решившемуся под влиянием бояр прибегнуть к гаданию. Но на чем гадать? «Гуща лучше!» — кричит одна партия. — «Боб вернее! На бобах оно виднее!» — перекрикивает другая. И парламент, махнув рукой на хаотическую гущу народных мнений, вверяется видным бобам крикунов и аферистов, делателей общественного мнения. За всеми напыщенными речами о народном верховенстве и народной воле, раздающимися в парламентах и вне их, скрывается то брезгливое мнение о народе, которое превосходно формулировал Бэджгот: в думы народа вникать бесполезно, ибо «он думает мало, но это малое — дурно»[182].

182. Не трудно видеть, что этот, в сущности, единственный источник народной воли—общественное мнение—никуда не годится. В представительных учреждениях народа *народная воля блистает отсутствием.* Прошел небольшой срок со времени распространения в Европе представительной системы, а уж Милль (в 1859 г.) принужден был с тихой грустью сознаться, что слова „самоуправление" или „народное самоуправление" остаются только словами. „Народная воля, кроме того, представляет собой в действительности только волю более многочисленной или более деятельной части народа, волю большинства, или волю таких людей, которым удается заставить признать себя за большинство"[183]. Понадобились, однако, еще пятьдесят лет, чтобы наиболее трезвые из буржуазных ученых оказались близки к сознанию, что *единой общей воли, вообще, не может быть в классовом обществе.* Простая азбучная истина, что „классы нельзя помирить, как нельзя помирить волков и овец", и что поэтому „общей овечье-волчьей воли быть не может"[184], становится ныне доступной и их пониманию[1]), и нас не это интересует. Важно видеть и знать, что если бы и существовала такая общая воля, то *не парламентам, не буржуазным представительным учреждениям воплощать ее.* Они не в состоянии и открыть ее. Для этого у них нет ни средств ни желания, главное — средств.

183. Лишение народа власти. И в тесном кругу буржуазных государствоведов поняли и это. Народу еще продолжают твердить, что он суверен, владыка, что его непререкаемая воля чудесным образом переселилась в парламент и там безвыходно обитает, но в ученых трактатах, недоступных „черни непросвещенной", говорят уже о представительстве не воли, а власти: „...воля не передается. Эсмен и не утверждает, что воля передается; он говорит о передаче власти, а не воли"[185]). Пятьдесят лет тому Бэджгот, один из лучших знатоков английского государственного права, заявил, что сущность народного правления заключается именно в присвоении выборными людьми верховной власти, действительной власти[186]). Но определеннее всех выразился другой англичанин, современник Бэджгота, лорд Брум (Brougham). По его мнению, весь смысл народного представительства — в лишении народа власти. Эта передача власти, это разлучение народа с властью, и есть главная *цель и назначение* представительных учреждений[187] [2]).

---

[1]) См. § 140, выноску.

[2]) Впрочем, Еллинек в своем курсе, написанном в 1900 г., признает подобного рода мнения ересью. По его свидетельству, господствующей в современной юридической литературе остается та конструкция, по которой «воля парламента есть непо-

184. Выводы. Это очень правдоподобно и очень важно. Итак, общей воли не существует. Если бы она существовала, парламенты все же бессильны были бы ее выявить. Народный суверенитет оказывается побасенкой для усыпления масс. Власть берут себе депутаты и распоряжаются ею по своему усмотрению. Народ продает свое верховенство. Но получает ли он за это хоть чечевичную похлебку? Что дают народу его представительные учреждения в обмен за власть, которую у него выманили? Чем являются на практике те учреждения, которые теоретически, как мы видели, не имеют никакого права на существование?

185. Парламентское правление. Для этого полезно ознакомиться хотя бы бегло с состоянием представительных учреждений в государствах парламентарных. Здесь, по общему правилу, законодательная власть — палата — возвышается над исполнительной — министрами, — таким образом, что законодательной власти обеспечивается, как будто, возможность постоянного контроля над исполнительной. Достигается же это, якобы, тем, что признается ответственность министров перед палатой. Если в палате одерживает верх течение, враждебное политике данного министерства („вотум недоверия"), последнее, по общему правилу, должно уйти в отставку, и составляется новое из парламентского большинства, т.-е. из представителей той *партии*, которая в данную минуту задает тон в парламенте. Казалось бы, что при таком устройстве палата, действительно, полновластна. Законодательство и контроль над управлением находятся, как будто, всецело в ее руках. Что же получается на деле?

Трудно перечислить все справедливые *упреки и обвинения, которые сыпятся на парламентское правление* со стороны буржуазных же ученых и политиков. Имеем ли мы дело с французской палатой депутатов, или с английской палатой общин, или с другим каким-нибудь парламентом, везде нарекания, в общем, одни и те же. Парламент не в состоянии ни законодательствовать, ни контролировать управление, ни, вообще, заниматься чем-нибудь путным.

186. Сложность задач современного государства. Современное государство с каждым днем становится все сложнее. Хозяйственная жизнь требует от него все большего вмешательства. Все новые области общественной жизни захватываются государством с целью подчинить их своему руководству и наблюдению. Уже Маркс более полувека назад, говоря о французском государстве, отметил его стремление все проникать собою, контролировать, регулировать, охранять и опекать [188]), делать предметом правительственной деятельност все „начиная с мостов, школьных зданий, коммунального имущества деревенских общин и кончая железными дорогами, национальными имуществами и университетами" [189]). С тех пор прошло много лет, и функции государства непрестанно

средственная народная воля». «...член палаты есть представитель всего народа. Это юридически означает не что иное, как только то, что он есть член коллегии, воля которой есть воля народа, что стало быть, воля его должна быть рассматриваема исключительно как один из элементов, образующих народную волю». (Еллинек, «Общ. уч. о гос.», стр. 386 — 388). Это не помешало тому же Еллинеку шесть лет спустя особо подчеркивать невозможность представления воли (см. выше, § .176). Впрочем, господа юристы делают тонкое различие между реальным положением дела и юридическими построениями...

росли с каждым годом. С одной стороны, расширялись те задачи, которые капиталистическое государство унаследовало от феодального, с другой — выросли новые из самого капиталистического способа производства. „Достаточно вспомнить все то, что в настоящее время входит в область политики только: банковая политика, колониальная политика, таможенная политика, железнодорожная политика, социальная политика, как охрана труда, страхование рабочих, попечение о бедных и т. д. и т. д.“ [190]). К этому надо присоединить исключительный рост с начала XX века государственных монополий, каковы табачная, соляная, винная, спичечная, и тогда будет ясно, что перечень, данный Марксом, следует продлить гораздо дальше.

187. Вот любопытный опыт такого перечня, заслуживающий того, чтобы его привести целиком. «Приходишь в замешательство, когда подумаешь о той массе интересов и людей, которые зависят от министров. Во Франции они располагают, прежде всего, суммой в три миллиарда, превышающей кадастровый доход всех земель. Кроме того, они контролируют бюджеты общин, департаментов и благотворительных заведений, которые достигают еще доброго миллиарда. Они содержат, регламентируют и надзирают за общественными школами всех родов и степеней и держат, таким образом, в своих руках образование, т.-е. будущность страны; они назначают епископов и одной рукой выдают жалованье служителям духовных дел, а другой — полуголым танцовщицам, упражняющим свою грацию в театре Оперы; они содержат институты, академии, обсерватории, лаборатории и поощряют литературу, искусство и науки; они определяют, сколько гектаров земли будет засеяно табаком, сколько каждый гектар будет иметь кустов и каждый куст сколько листьев, и с этой целью они назначают специальных инспекторов, обязанных считать все это; это одуряющее снадобье они продают в привиллегированных бюро, куда назначают бесчисленных агентов, рассеянных по всей стране; они пересылают письма, телеграммы и ценности, для чего требуется опять целый легион чиновников; они сооружают обыкновенные и железные дороги, роют каналы и гавани при помощи многочисленного штата инженеров; они эксплоатируют государственные леса, разводят леса на возвышенных местах и надзирают за лесами частных владельцев, содержа для этого целую администрацию; они заведуют фарфоровым производством в Севре и ковровым в Гобеленах; путем таможенных пошлин, акцизов и премий покровительствуемым ремеслам они определяют направление труда во всех отраслях производства, а для того, чтобы воспрепятствовать всякому продавать, покупать и производить, сообразуясь только с собственной выгодой, им нужны еще целые легионы чиновников; они выбирают директора центрального банка, который задает тон всему кредиту; они открывают библиотеки, архивы, консерватории, для которых нужны библиотекари, их помощники, кандидаты, комми, привратники и пр.; от них зависят и с их разрешения действуют менялы, аптекари, нотариусы, виноторговцы; они определяют, на каких условиях и по каким экзаменам можно сделаться адвокатом, доктором, профессором, учителем и инженером, береговым или заставным сторожем; они держат в своих руках весь суд, т.-е. основу, на которой покоится собственность, семья, общественная безопасность, словом — все социальное здание; они содержат тюрьмы, пенитенцинарные колонии, исправительные учреждения, для которых нужны опять целые баталионы должностных лиц, получающих жалованье от государства. Все ли я сказал? Нет. Но так как нельзя до бесконечности продолжать это, и без того весьма длинное перечисление, то я укажу еще только на армию и флот... Войдите в любую семью, и вы увидите, какое множество ее интересов зависит от решений публичных властей: отпуск или отставка ратника, экзамены, назначения, применение тарифа, открытие дороги, премии и всевозможные милости. Следовательно, то, что называется правительством, держит в своих руках настоящее или будущее большей части граждан» [191].

188. **Неспособность парламентов.** Перед такими многоразличными задачами как общего, так и чисто специального характера, парламент — толпа людей, набранных с бору да с сосенки, оторванных от жизни и от избирателей, — оказывается совершенно беспомощным. „Парламент обременен, —

говорил Гладстон [1]), — парламент почти подавлен" [192]. Он просто не в силах справиться с массой дел, подлежащих его ведению! В тех случаях, когда на палату найдет трудолюбивый стих, и она захочет выполнять свое назначение — законодательствовать, результаты ее трудов таковы, что лучше бы ей, по мнению буржуазных знатоков дела, бездействовать [193].

189. От деловой работы — к болтовне и интригам. Разочарованный, усталый, чувствуя невозможность овладеть гигантским государственным механизмом, парламент после первых же попыток в этом направлении ставит крест над деловой работой и переходит к своей родной стихии — к бесконечным разговорам, прениям, речам, парламентским скандалам, а иногда к парламентскому мордобою. А это, понятно, создает еще более твердую почву для того всеобщего недовольства, которое возбуждают на западе представительные учреждения. *Все зло, все неустроение буржуазного государства приписывается вине парламентов.* На них обрушиваются за то, что они, сами ничего не делая, мешают производительной работе министров, устраивая слишком частые смены правительства. Парламенты вносят смуту! [194]. Они повергают государство в анархию! Анархия, — говорит Шарль Бенуа, — вот зло современного государства. Анархия, которая чувствуется повсюду, глухая, всепроникающая, разлитая по улицам! [195]. Что-ж удивительного, что, „авторитет и сила парламентских учреждений *везде* падают? [196] [2]).

190. Парламент в Англии. Эта общепризнанная никчемность парламентских учреждений, не просто бесполезных, а приносящих определенный вред народам и государствам, не остается, конечно, без важных последствий. Ближайшее и важнейшее из них — это переход фактической власти и силы от депутатов и парламентов к совсем другим лицам и учреждениям. Раньше и резче, чем где бы то ни было, переход этот совершился в Англии, стране, которая всегда служила образцом парламентского правления и славилась своими примерными конституционными нравами, правами и обычаями. Как часто и теперь недобросовестными слугами буржуазии повторяется знаменитое изречение [3]) о всемогуществе британского парламента: парламент только одного не может — женщину в мужчину превратить!

На что уже солиден, сведущ и учен был М. М. Ковалевский, а и у него читаем следующие строки: «Таким образом, все более и более оправдывается суждение елизаветинского судьи Кока о всемогуществе английского парламента в его трехчленном составе: короля, лордов и общин. Из этих трех участников в осуществлении государственного самодержавия наиболее сильным некогда был король, затем лорды, в настоящее время общины» [197].

191. Потеря власти. Между тем, ряд ученых и государственных деятелей конца XIX и начала XX веков подчеркивают характерную перемену, уже происшедшую в Англии: палата „скорее походит на орган, регистрирующий декреты правительства, чем на законодательное собрание" [198]. Один из новейших исследователей дела, англичанин Лоу, утверждает, что если бы по какому-нибудь чуду палата исчезла, то ничего бы в сущности не изменилось [199].

---

1) Знаменитый английский министр XIX века.

2) Литература, посвященная кризису представительного правления вообще и парламентаризму в частности, — почти необозрима. Перечень имен и сочинений занял бы непомерно много места. Довольно полную сводку можно найти в работах, на которые сделана ссылка в тексте.

3) Приписываемое то Коку (XVII в.), то швейцарцу Делольму (конец XVIII в.).

Оказывается, что главная функция палаты — законодательство — прекратилась. *Она уже не законодательствует.* Она лишь рассматривает законопроекты, предлагаемые ей со стороны, при чем это рассмотрение — чистая проформа: сколько бы в палате ни разговаривали, на действительное течение государственных дел парламентские разговоры не оказывают никакого полезного влияния. Но этого мало. Такое существенное право палаты, как распоряжение народным достоянием, финансовый контроль, тоже упразднено. Обсуждение расходов, напр., на армию и флот превращено в „известную комедию"! [200]. Неудивительно! Где же „народным избранникам" справиться с кучей технических подробностей, из которых состоит бюджет, государственная роспись доходов и расходов?

192. В других странах дело обстоит не лучше, а хуже. В „великой демократической республике" Америки парламент превратился в скопище „невежественных политиканов" [201], не пользующихся ничем, кроме полного неуважения [202]. В другой не менее „великой" республике, во Франции, уже в наши дни делаются решительные шаги по отнятию у палаты власти, которой она по общему признанию, пользуется для смут и безобразий. В Италии сегодняшний вождь фашистской реакции с грубой, но живописной откровенностью, изобразил действительное положение вещей, когда в *парламентской* речи объявил о неспособности и несовременности парламента и провозгласил свою диктатуру.

193. Экономические перемены, обусловившие падение представительных учреждений. К кому же, в чьи же руки переходят власть и сила представительных учреждений? На это дают определенный ответ те же практические наблюдения. Здесь надо напомнить прежде всего, что развитие капиталистического хозяйства в пределах данной страны состоит в неуклонном переходе от свободной конкуренции, т.-е. анархии и дезорганизациии, к монополизму, т.-е. попыткам капиталистически организовать и систематизировать производство, сосредоточить его в руках немногих капиталистов, а беспутное соревнование индивидов — хозяйственных единиц — частью подавить, частью подчинить этим капиталистам и их объединениям. В то же время и рабочие союзы стремятся к организации труда, к собиранию и согласованию трудящихся единиц в их растущей борьбе с объединяющимся капиталом. Анархия производства не исчезает: она принимает *мировой характер.* Конкурируют уже не отдельные предприятия, более или менее крупные, а сталкиваются в смертельной схватке гигантские капиталистические машины огромных стран. *Руководство же в этой стадии капитализма берет на себя финансовый капитал.* Вступив уже в полосу неустанных боев за всемирное владычество и предвидя в будущем еще более колоссальные битвы, он торопится перестроить свою общественную организацию по-военному. Демократические учреждения, многолюдные, впечатлительные и переменчивые, ему не годятся. *Он хлопочет об открытой диктатуре отдельных выдающихся людей,* которые бы воплотили в себе всю коллективную силу, всю жадность, всю свирепость господствующего класса капиталистов. Одновременно с этим капиталистическая организация хозяйства и труда все решительнее сводит на нет былое значение индивида. Всякое дело — созидательное или разрушительное — есть дело масс. Массами держится производство, массовыми силами ведутся войны, — *массы требуют себе действительного участия в законодательстве и управлении и ищут таких государственных форм, которые на деле обеспечили бы им это*

участие. Под таким двусторонним натиском падают и разрушаются представительные учреждения: власть законодательных собраний сосредоточивается в руках министров, ставленников и орудий финансового капитала. Так „власть без фразы“ одерживает верх над „властью фразы“ [203].

Отражение этого процесса в сознании господствующего класса любопытно проследить на кризисе индивидуализма и нарождении нового учения о солидаризме, об общественной солидарности, основанной на тесной общности и зависимости интересов без различия личностей и классов.

194. Власть английских министров. Исполнительная власть всюду обнаруживает стремление подчинить себе законодательную. И это ей повсюду удается. Власть английского министра в наши дни достигает таких размеров, какими не отличалась власть иного самодержавного короля. Это само собою вытекает из сказанного выше: ведь палата беспомощна! Если она вздумает противиться администрации, та может просто оставить ее без своего руководства и этим повергнуть ее в самое горестное положение. Правда, палата может в иных случаях заставить уйти в отставку неугодное ей министерство. Но ведь и министерство может распустить палату до срока и обратиться таким путем непосредственно к суду избирателей. А на чьей стороне будет этот суд, — сомнений мало: в Англии глубоко вкоренилось чувство, „что палата общин есть учреждение, которое потеряло свой большой авторитет или репутацию, и если лучшее учреждение — кабинет — нарушает права худшего, то это очень мало огорчает страну“ [204]. В общем, нет уже не только парламентского управления, но нет и правления кабинета: есть управление через премьер-министра [205], окружившего себя пятью-шестью доверенными лицами. Это своеобразная директория с диктаторской властью [206].

195. Власть дельцов в американской республике. Так или иначе, хоть соблюдены приличия. Но о приличиях очень мало думают практичные и бесцеремонные американцы. В С.-А. С. Ш. конгресс поступился своей властью не в пользу президента и министров, которые и без того всегда располагали громадными правами, а в пользу совершенно нелегального учреждения, которого не знает конституция, которое носит веселое название коридора и которое, тем не менее, вполне серьезно и открыто управляет „великой заокеанской республикой“. Дело в том, что по установившемуся обычаю всякий законопроект, вносимый в палату, поступает на предварительное рассмотрение одного из комитетов, образуемых из членов палаты. Решение комитета палата утверждает [207]. Но понятно, какие крупные интересы сплошь да рядом затрагивает тот или иной „билль“: вносится, напр., законопроект об учреждении частного железнодорожного общества; или об обложении пошлиной производства и продажи спиртных напитков, — во всех таких случаях заинтересованному предпринимателю и всем другим, чей интерес затрагивается, важно заранее повлиять на решение комитета. Для этого-то „влияния“ и командируются в палату особые агенты — ходатаи, шарлатаны и проныры, задача которых надлежащим образом обрабатывать депутатов. Эти агенты приобретают огромные связи. В их руках перекрещиваются нити различных интересов. Они все знают, они все могут. Они-то и образуют своеобразную „третью палату“ (сенат, палата депутатов и они) или „коридор“, где происходит законодательная борьба и где решается судьба законопроектов.

196. Законодатели — товар, который продается. Брайс хорошо изучил этот институт. Но тщетно было бы искать у этого корректного исследователя таких шокирующих, не вполне отвечающих сути дела названий, как третья палата или коридор. Вообще, за этот деликатный вопрос он берется не иначе как кончиками пальцев и предпочитает отсылать к другим авторам. Так, когда нужно рассмотреть ближе те средства, которыми орудуют агенты («lobby»), он цитирует: «под словом «lobbying» не всегда подразумевается подкуп законодателей» [208]. Стоит отметить это «не всегда» и сопоставить его, кстати, хотя бы с такими строчками: «Внутри Вашингтона член палаты играет ничтожную роль... Уже тем, что он вступает в состав палаты, он возбуждает подозрение, что принадлежит к числу людей, падких на взятки...» [209]. Оценить нужно и такое скромное и мимолетное замечание Брайса: «Женщины, как слышно, принадлежат к числу самых деятельных и самых успешных ходатаев» [210].

Что же касается президента и министров, то они успешно делят государственную власть с жуликами из коридора и создают нечто вроде царского самодержавия, прикрытого конституционной шелухой [211].

197. Кто-же властвует на деле? Но и министры, и короли, и президенты не могли бы, разумеется, безнаказанно и беспрепятственно седлать и взнуздывать парламенты, если бы за исполнительными властями современного буржуазного государства не стояли могущественные организации, обеспечивающие им всемерную поддержку. Америка в этом отношении лишь наиболее яркий пример того, что совершается во всем буржуазном мире. Капиталистические объединения, крупные хозяйственные предприятия, желтые профессиональные союзы, политические партии—вот те центры, те „специальные парламенты“ [212], в которые переносятся и законодательство и управление [1]). А представители исполнительной власти — простые уполномоченные и доверенные этих организаций. Они простые проводники силы всех тех людей, кого Маркс, не различая ни национальностей, ни религий, называл „евреями биржи“.

---

[1]) Конечно, буржуазная наука не проходит мимо этого явления. И в своей геройской услужливости она спешит найти для него элегантное, успокаивающее название и таковое без труда находит: все это гнусное гешефтмахерство буржуазии за спиною народных масс изящно именуется «внепарламентским законодательством»! Нужно оценить всю стыдливую скромность такого, напр., замечания: «Нечего говорить, например, что и в подготовке современных торговых договоров до обсуждения их в парламенте весьма большое место занимает выяснение взглядов заинтересованных кругов и организаций, подобных торговым палатам, торговым и промышленным союзам и т. п.» (С. А. Котляревский. — «Правовое государство и внешняя политика». М. 1909, стр. 423).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Общая характеристика советской системы.

198. Слияние власти с массами в Советской Республике. Буржуазные государственные формы властвования представляют, как видим, испытанное орудие народного обмана. Помощью их паразитические классы держат в узде глаза и руки трудящихся. Если бы в Советском государстве хотела властвовать, как утверждают классовые враги пролетариата, кучка насильников наперекор трудящимся массам, то лучшей формы такого властвования,—такой олигархии,—как парламентаризм, незачем было бы и искать. Но именно потому, что здесь народ в своем подавляющем, рабочем большинстве действительно сам себе господин и хозяин—суверен,—он выбирает такую форму устройства своих государственных дел, которая совершенно исключает возможность узурпации—захвата власти—немногими, хотя бы эти немногие были во всех отношениях друзья народа. При этом неошибающееся чутье масс быстро находит тот путь, который намечается всем предыдущим развитием производственных отношений. Задача определенная и ближайшая: победить сопротивление имущих классов и слить с народом власть, которая была у него вырвана и поставлена над ним. А потом, по мере исчезновения граней между имущими и неимущими, владеющими и невладеющими, будет исчезать и разница между управляющими и управляемыми.

199. Советская республика—общее дело. Так что, если пролетарское государство именуется республикой, то это здесь уже не пустое, ничего не значащее слово. Ему возвращается его первоначальное содержание, забытое и искаженное: республика значит общее дело. Общенародным делом является государственное управление в СССР. Делом, в которое постепенно могут и должны быть втянуты трудящиеся граждане без различия своих основных профессий, навыков и специальностей. Но надо понимать, что путь такого приближения государственного аппарата к массам лежит через *крайнее упрощение этого аппарата.* Нужно свести его к простой счетно-учетной организации. Это превращение вполне подготовил капитализм, и если государственная машина буржуазии все-таки громоздка, сложна, скрипуча, то это потому, что властвующее меньшинство засоряет ее: ведь нужно угнетать и подавлять огромное трудящееся большинство! Когда же машина попадает в руки последнего, управление упрощается шаг за шагом, в зависимости от ослабления натиска бывших эксплоататоров, и становится постепенно общим делом. А в такое общее дело государство может быть превращено только через Советы.

200. Советы, как государственные органы. Советы — это национальная форма пролетарской диктатуры. Они зародились и развились в РСФСР на почве специфических—особенных—русских условий.

Уже революция 1905 года опиралась на Советы. Загнанная в подполье и придавленная реакцией, идея Советовластия продолжала, однако, так прочно жить в рабочей среде, что первым же шагом февральской революции было воссоздание Петербургского Совета Рабочих (и Солдатских) Депутатов. 27-го февраля 1917 года, когда Государственная Дума еще принимала (или вернее, уже принимала) меры к спасению «родины и династии» (что такое родина без династии?), резко тем самым отмежевываясь от революции, Петроградский Совет уже был созван и уже действовал, как правомочный держатель революционной государственной власти. Дальнейшая — до октября — история отношений Совета и Временного Комитета Государственной Думы, а потом — Совета и Временного Правительства представляет собой картину явной узурпации власти Временным Правительством, власти, которую революция вручила Совету и никому другому и от которой он боязливо отходил все дальше и дальше. Таким образом, октябрьский переворот, упразднявший Временное Правительство, которое свои суверенные права «преемственно» вело от Николая Романова через Михаила Романова, является скорее поворотом к законному прошлому, к источнику революционной власти, реставрацией народовластия. «Легальные» захватчики были свергнуты, Советы — законный хозяин — восстановлены в своих правах [213].

Но в наши дни все говорит уже за то, что этому русскому изобретению предстоит выйти за национальные границы и распространиться по всему революционному миру. *Где пролетариат восстает и строит свое государство, там это государство принимает непременно Советские формы* [1]). Это значит, что Советы — не просто средство политической и экономической организации рабочего класса, заступившее место профессиональных, например, союзов (федераций труда), которые бессильны бороться с современными капиталистическими объединениями. Нет. Это значит, что Советы, собирая и строя в боевой порядок силы рабочего класса, пока он еще не у власти, могут после победы над капиталистами везде превращаться в государственные организации, организации законодательствующие и управляющие.

201. Тем не менее, **они остаются вполне классовыми рабочими организациями**, такими же, как и профессиональные союзы. Разница между Советами и профессиональными союзами не в том, что Советы объединяют и рабочих и крестьян, а профессиональные союзы—только рабочих: как выяснено выше [2]),

---

[1]) Буржуазные правительства хорошо это знают. Потому-то и торопятся они в тех странах, где рабочее движение приближается к пролетарской революции, предупредить события и овладеть их формой, создавая заблаговременно суррогаты советов. С проектом такого суррогата — ублюдочной буржуазной подделки под совет — выступил в свое время Лабриола, итальянский министр труда: нужно, видите ли создать «рабочий парламент» пропорционально из предпринимателей и рабочих, который действовал бы в добром соседстве с существующим парламентом на правах такого же законодательного учреждения. («Известия В. Ц. И. К.» 29/X—1920 г.). Нет сомнения, что итальянские рабочие рано или поздно воспользуются этим проектом, но с маленькими поправками: рабочий парламент, но без Лабриолы, без предпринимателей и без «добрых соседей».

Тем временем новая германская конституция (1919 г.) поспешила облагодетельствовать германский рабочий класс учреждением «Рабочих Советов» отдельных предприятий, «Окружных Рабочих Советов» отдельных хозяйственных областей и «Общегосударственного Рабочего Совета» для всей Республики. Эти рабочие советы для осуществления «всех хозяйственных задач» осуждаются на противоестественное объединение с «представительными органами предпринимателей», образуя соответственно «Окружные Хозяйственные Советы» и «Общегосударственный Хозяйственный Совет». Этим-то последним и присваиваются законосовещательные функции и право законодательной инициативы (ст. 165. — Новейший перевод см.: проф. В Н. Дурденевский. Послевоенные конституции Запада. Вып. II 1924).

[2]) Глава восьмая, § 141 и следующие.

у нас существует диктатура *рабочего* класса. Эта диктатура осуществляется через Советы, втягивающие в дело и приобщающие к строительству коммунистического общества все более широкие слои крестьянства. Советы являются, поэтому, прежде всего и главным образом рабочими центрами. Разница и не в том, что Советы — организация политическая, а профессиональные союзы — экономическая. Такого противоположения не может быть, так как политика всегда есть выражение экономики, Советское же государство, цель которого — по-социалистически построить хозяйство, служит по преимуществу экономической силой. Разница между Советами и профессиональными союзами, вообще между Советами и иными рабочими образованиями, только в том, что Советы более широкая, всеобъемлющая форма рабочей организации [214]. И, как таковая, она свои силы и соки черпает из других рабочих клеточек, ей органически подчиненных, более специального назначения и с менее широкими задачами.

202. **Их разносторонность.** Будучи непосредственным созданием рабочего класса, не выдумкой, не нарочитым осуществлением „идеи“, а насущной потребностью, они обнаруживают удивительную способность и организовывать военные победы, и руководить хозяйственной деятельностью, и разрушать беспощадно пережитки старого, и творить новое, и регулировать массовые движения, и направлять работу отдельных работников. То, что именно эти *рабочие* организации берут *государственную* власть в пролетарском государстве, служит лучшим ручательством за то, что власть эта никогда не оторвется от масс: напротив, все теснее будет сближаться с ними, пока не растворится в массах совсем.

203. **Паразитический характер органов управления.** Что это, действительно, совершится и совершится безболезненно и, притом, именно через Советскую систему и с ее помощью, — об этом уже сейчас говорят некоторые наблюдения. Всякий аппарат государственного управления во всяком государстве имеет по необходимости паразитический характер: ни министерства, ни суды, ни армия, ни органы местного управления не производят новых ценностей, а живут за счет прибавочного продукта, создаваемого трудовым людом. Паразитическая сущность учреждений буржуазного государства усугубляется еще их основным назначением: угнетать, давить и гнуть рабочие массы. Паразит, не просто питающийся живыми соками хозяина, а разбухший до размеров самодовлеющей величины, при которой хозяин уже играет несамостоятельную, служебную роль. *Вошь командующая, вошь начальствующая* — вот современное капиталистическое государство.

204. И Советские органы в первое время, пока в разгаре гражданская война, принуждены становиться над производством. Но замечательно, что уже **сейчас эти органы неизбежно превращаются из непроизводительных в производственные.** Этого нельзя, конечно, сказать про органы военные или чисто административные, но это все-таки справедливо относительно большинства наших государственных учреждений. Таков Высший Совет Народного Хозяйства, таковы Народные Комиссариаты: путей сообщения, труда, продовольствия, внешней торговли, земледелия — все они обслуживают, главным образом, производство и распределение. Даже такой по существу непроизводящий организм, как армия, и тот на почве трудовой и массовой Советской Республики перерождается в производственный аппарат: наша Красная Армия при первой же возможности стремится из боевой разрушительной силы превратиться в рабочую и созидательную,

оставаясь, тем не менее, армией. Что же касается непосредственно Советов, их пленумов, их отделов, их исполнительных комитетов, то уже в начале 1920 года не один вдумчивый советский работник отмечал растущую перемену в их характере: „Исполкомы в начальный период становления Советской власти были преимущественно органами политическими и административными...“, но в настоящее время „*хозяйственная работа занимает все более важное место в работе исполкомов*“ [215]. Это может означать только то, что Советы уже теперь стремятся отделаться от функций начальнических, командующих и, оставаясь органами государственного управления, „свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров“ [216]. Но ведь это и есть переход от управления людьми к управлению вещами! Переход, рассчитанный у Энгельса на неопределенно долгое время. Если же переход этот намечается,— конечно, в самых общих и обрывистых очертаниях,— уже сейчас, в современных тяжких условиях, в стране разоренной и отсталой, то не значит ли это, что ближайший путь к социалистическому обществу лежит, вообще, через Советские государственные формы?

205. Советы — классовое представительство. Кто хотел бы охарактеризовать Советы в одной фразе, тот мог бы сказать так: это представительные учреждения, лишенные всех недостатков и пороков представительных учреждений. „Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии“ [217]. Такое необходимое представительство и дают Советы. Но они дают его в совсем иной обстановке и совсем иными способами, чем буржуазные парламенты. В самом деле, капиталистическое государство хотело перенять — вернее, делало вид, что хочет перенять — общенародную волю, т.-е. то, чего не существует. Эта затея была заранее обречена на крах. Советы ставят себе более скромную задачу: они имеют в виду не народ — туманную, неопределенную и разношерстную массу, а господствующий класс: пролетариат и неимущее крестьянство — и только. А здесь есть общая единая воля, потому что есть единый общий интерес.

206. Советы и классовый интерес. Буржуазный парламент упустил из виду, что воля не передается. Поэтому ему и пришлось стать самостоятельным учреждением с своей собственной и особенной жизнью. „Здесь отыскивают народную волю“. Депутаты систематически и преднамеренно отрывались от избирателей. Они превращались из слуг общества в его господ и повелителей. Воля нации была подменена волей парламента, а под волей парламента разумелась воля тех, кто правдами и неправдами сумел выдать себя за большинство. Роль народа, нации свелась к тому, чтобы один раз в три года или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте [213]. Даже та свобода, о которой с иронией говорил Руссо [1]), превратилась в свободу осужденного самому выбрать себе род смерти. Советы нисколько не заботятся о том, представлена в них воля класса или нет. Но они твердо знают, что должны представлять интерес класса, его хозяйственные нужды и потребности.

207. Советы и связь с массами. А для того, чтобы единый общий интерес действительно передавался депутатам и был ими представлен, нужно

---

[1]) Глава IX, § 173 (мелкий шрифт).

тесно связать депутатов с избирательскими массами. Конституция Р. С. Ф. С. Р., как и конституция других Союзных Республик, как и конституция Союза, не воспрещает обязать избранника повелительным мандатом: от сих до сих, что сверх, то от лукавого[1]). И благодаря этому, во власти избирателя сделать депутата, действительно, лишь приказчиком, подотчетным слугою своим. Конституция Р. С. Ф. С. Р., как и некоторые другие (Азербейджанская, ст. 9, Армянская, ст. 84, Грузинская, ст. 111), особо подчеркивает право избирателей во всякое время отозвать депутата, — право, совершенно чуждое буржуазным конституциям[2]), и этим она ставит члена Совета в такую зависимость от масс, что уже по одному этому можно было бы говорить о наличии у нас непосредственного строя[219]. „Парламентский режим живет дискуссией“[220]. Речи, прения, пересуды, сплетни — бесплодная болтовня — вот область его. „Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией“[221]. Советы уже осуществили полностью этот завет Маркса. Быть членом Совета не значит у нас оторваться от своей будничной работы, вдруг чудесным образом выскочить из натертой лямки и стать барином. Продолжать делать свое повседневное дело, общаться с массами деловым общением, постоянно сознавать интерес твоей производственной организации, представлять его в Совете и проводить в жизнь, на себе самом испытывая плоды своей законодательной работы — таковы задачи Советского народного представителя. А упразднение индивидуального избирателя, замена поголовного опроса выборами по производственным единицам — дали нам *совершеннейший вид народного представительства — представительство интересов*, о котором робко мечтают современные передовые умы буржуазной науки и которое осуществить в рамках капиталистического государства нет и отдаленной возможности.

208. Разделение властей в буржуазной теории. Таким образом, Советская система, отсекая засохшие ветви парламентаризма, восстанавливает народное представительство в его наиболее разумных и жизненных чертах. Нелепая борьба между законодательной и исполнительной властями, которая идет в буржуазных государствах, есть лишь признак — симптом — главного греха представительного правления: оторванности власти от масс. Со всех сторон кричат, что система управления не годится. Народы недовольны правителями, правители народами, законодательная власть во всем обвиняет исполнительную, исполнительная горько сетует на законодательную; короли и президенты имеют свои веские причины ненавидеть и ту и другую и пытаются заигрывать с народом, в то время как парламенты и кабинеты в вечной распре друг с другом мгновеньями объединяются только из страха перед общими врагами: народом или королем. В восемнадцатом веке было провозглашено, что соединение властей в руках одного лица или одного учреждения грозит гибелью обществу[122]. Чтобы общество (т.-е. буржуазия) не погибло, нужно разделить, обособить друг от друга — власть издавать законы, власть приводить их в исполнение, власть

---

1) Это запрещают почти все конституции, даже новейшая «демократическая конституция германской республики: ни инструкций, ни поручений! А действующая конституция Нидерландов возбраняет вообще сноситься с избирателями, т.-е. давать им в какой бы то ни было форме отчет (ст. 86 конституции 1887 года).

2) Оно существует в некоторых штатах Американской республики, где пользование им, впрочем, затруднено разными формальностями. — Отозвание знают некоторые кантоны Швейцарии. Но здесь оно может быть применено ко всему кантональному парламенту в целом, а не к отдельному депутату.

судить. Эти разделенные власти должны взаимно сдерживать одна другую[223]. Достигается это тем, что законодательная власть вручается представительному собранию, исполнительная — президенту, которого избирает народ, и министрам, которых назначает президент, а судебная — особым чиновникам, судьям, которые, будучи раз выбраны или назначены, могут быть смещены либо по судебному приговору за уголовное преступление, либо по требованию законодательного учреждения.

Требование разделения властей исходило из экономических нужд буржуазии: следовало освободить личность от гнета феодального государства, а для этого нужно было упорядочить деятельность и отношения властей монархического феодального строя[1]).

209. Разделение властей в буржуазной практике. Но на практике буржуазия не смогла, конечно, предупредить поглощение одной власти другой. Да она особенно и не стремилась к этому: ведь принципы, как простодушно выразился поп Сийэс, существуют для школы, государство же имеет дело с интересами. Борьба разделенных властей разгорелась с особенной силой, являясь выражением борьбы классовой, борьбы граждан, неравных экономически и политически. Там, где нет единого народного целого и где самое государство есть признак отсутствия общего интереса, порождение классовой борьбы с ее победами и поражениями, не может быть и устойчивого сотрудничества государственных властей. Впрочем, во Франции буржуазия и не пыталась провести теорию в чистом виде: по конституции исполнительная власть — президент, избираемый палатами и назначающий министров[2]) — подчинена законодательной. Главная потребность французской буржуазии — поставить превыше всего волю „третьего сословия“, т.-е. парламент, — была на время удовлетворена. В Северо-Американских Соединенных Штатах попытались теорию целиком втиснуть в жизнь: получилось великое засилие президента, избираемого народом, и министров, пред ним ответственных, при жалкой роли палаты представителей.

210. Советская система построена на полном отрицании такого разделения властей. Политический строй Советской Республики революция создавала таким образом, что в основу всей государственной организации легли исключительно городские и сельские Советы, органы „всей власти на местах“. Городские же и сельские Советы призваны были быть работающими учреждениями, одновременно и создающими правовые нормы, и прилагающими их к жизни. Эти Советы об‘единяют рабочее население городов и деревенскую трудовую массу. Отражая, следовательно, единый классовый интерес, они не заботились, конечно, ни о каком противопоставлении разных властей друг другу для сдержки и ограничения, и это совершенное единство власти они передали и центральным органам, стройно и последовательно вырастающим из низов. Конституция совсем не отличает законодательных органов от исполнительных, она сообщает лишь *разным органам разный объем законодательной и исполнительной власти.* Термин „законодательная власть“ вовсе отсутствует, когда речь идет о Всероссийском Съезде Советов, а между тем, нет сомнений, что он имеет эту власть. В то же время Всероссийской Центральный

---

[1]) Идея разделения властей намечается, впрочем, уже у Аристотеля (см. «Политика», М. 1865, книга V, глава XI и сл.), но свой боевой характер она приобрела лишь в эпоху капиталистической буржуазии, у Локка и Монтескье.

[2]) По обычаю (а не по закону!) — из парламентского большинства.

Исполнительный Комитет Советов наделяется по букве Конституции законодательной властью, но наряду с этим „распорядительной и контролирующей“ (ст. 31). Он вообще „согласует работы по законодательству и управлению“ одновременно (ст. 32). Совет Народных Комиссаров имеет „общее управление делами“ Республики, но вправе и издавать декреты, т.-е. законодательствовать (ст. 38). Самое название „исполнительная власть“ в Конституции Р. С. Ф. С. Р. отсутствует. Термин же „исполнительный комитет“ нас не должен обманывать: исполнительные комитеты Советов имеют точно ту же область деятельности, что и Советы, они лишь перед Советами ответственны и в своих действиях перед ними отчитываются.

211. Советское разделение властей: а) Съезд и В. Ц. И. К. Разделения или обособления властей в буржуазном смысле у нас нет и не может быть. Но есть чисто техническое распределение обязанностей и кругов деятельности, преследующее практические цели и проведенное очень последовательно и очень стройно. На вершине власти в Р. С. Ф. С. Р. стоит Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, составляющийся из делегатов городских Советов и губернских съездов Советов (ст. ст. 24 и 25). Он увенчивает собой эту вершину, но мы увидим ниже, что „верховность“ его власти надо понимать совсем не так, как понимают верховную власть в буржуазном государстве. Среди всех учреждений Республики ему одному принадлежит право установлять основы государственного строя, т.-е. *учреждать конституцию* (ст. 51а). *Он, значит, обладает преимущественно учредительной властью,* той властью, которой буржуазия наделяет свои учредительные собрания — органы чрезвычайные, стоящие вне общей государственной системы. Уже по этому признаку можно судить, что он, действительно, верховная власть. Но тут же бросается в глаза любопытная особенность: учредительные собрания буржуазии не ведут — по правилу — очередной законодательной работы, предоставляя ее палатам, тогда как Съезд законодательствует по целому ряду вопросов, имеющих крупное обще-государственное значение (ст. 49). В этом отношении рядом с ним стоит Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (а не Съезда!). Избираемый Съездом и обязанный ему отчетом, он в промежутках между Съездами несет всю текущую законодательную работу. Очевидно, что и по букве Конституции и по фактически создающемуся положению *его преимущественная область — законодательство.* Однако, он заимствует у Съезда и часть его учредительной власти: изменяет и дополняет Конституцию (ст. 49а). Но все это не мешает ему быть и распорядительным органом, принимать руководящее участие в управлении и наблюдать за осуществлением законов и постановлений, т.-е. выполнять все то, что буржуазное государство вверяет кабинету министров, как отмежеванную специальную и единственную область.

212. б) В. Ц. И. К. и С. Н. К. Между тем, Совет Народных Комиссаров — вот учреждение, по виду приближающееся к кабинету министров: *его преимущественная функция — правительственная,* не совсем удачно названная в Конституции „общим управлением делами“ Республики. Но наряду с этим, он, назначаемый и смещаемый В. Ц. И. Комитетом (ст. ст. 35 и 49п), заимствует от него часть его законодательных полномочий: „издает декреты“ (ст. 38). Последнее достаточно резко отличает его по существу от исполнительной власти буржуазного государства. Но он отличается от нее и формаль-

ными чертами: почерпая свои полномочия от законодательного собрания — В. Ц. И. Комитета — и вполне ответственный перед ним, он не имеет по отношению к нему никаких прав, — С. Н. Комиссаров не может распустить В. Ц. И. Комитет, как кабинет министров парламент[1]). В то же время он и не настолько связан с ним, чтобы смена В. Ц. И. Комитета необходимо влекла за собой тем самым смену С. Н. Комиссаров. Это явствует уже из того, что С. Н. К. в целом отвечает не только перед В. Ц. И. К., но и перед Съездом непосредственно (ст. 46), чего, однако, нельзя сказать про отдельных Народных Комиссаров и коллегии при них (ст. 47)[224]. Для того, чтобы В. Ц. И. К. мог на деле, фактически осуществлять все те функции, которые закрепляются за ним Конституцией, — функции законодательные, контрольные, распорядительные, — ему нужны подсобные органы. С. Н. К., как мы видим, и служит таким органом, вспомогательным и производным от В. Ц. И. К. и по происхождению своему (выделение членов С. Н. К. из состава В. Ц. И. К.), и по существу (подотчетность С. Н. К. — В. Ц. И. Комитету). В области распорядительных и исполнительных функций своих, функций широкого управления, В. Ц. И. К. ближайшим образом опирается на С. Н. К., как на свой передаточный в этой области механизм. От такого разделения труда В. Ц. И. К., конечно, не теряет своего активного, действенного, рабочего характера: члены его, каждый порознь и все вместе, суть непременно и исполнители законов, центральные и местные практические работники. Но и в С. Н. К., необходимо специализирующемся на управлении, законодательные функции не атрофируются, не омертвевают, именно потому, что нет разделения власти между ним и В. Ц. И. К., а есть техническое распределение кругов деятельности с преобладанием для С. Н. К. административной работы над законодательной.

213. в) В. Ц. И. К. и его Президиум. С другой стороны, таким же производным и подотчетным по отношению к В. Ц. И. К. органом является Президиум его. Как и С. Н. К., Президиум В. Ц. И. К. избирается последним (это избрание происходит даже одновременно: ст. 1 постановления IX Съезда о Советском строительстве). Как и С. Н. К., он подотчетен В. Ц. И. Комитету (ст. 1 постановления VIII Съезда о Сов. строительстве). Те права, которые он имеет по отношению к С. Н. К., из коих важнейшее — право отмены постановлений С. Н. К., осуществляются им, как и все вообще его права, от имени В. Ц. И. К. (ст. 1 постановления VIII Съезда) и по его уполномочию. Таким образом, Президиум В. Ц. И. К. есть такой же подсобный и несамостоятельный орган В. Ц. И. К., как и С. Н. К. Его существование, подтвержденное Конституцией в ст. 45, и деятельность, регламентированные постановлениями VII, VIII и IX Съездов, дополняющими Конституцию, есть не что иное, как *дальнейшее последовательное развитие принципа разделения функций, но не властей*: именно, в то время как С. Н. К., орган В. Ц. И. К., специализируется в области административных функций В. Ц. И. К., — Президиум В. Ц. И. К., такой же вспомогательный орган этого последнего, сосредоточивает работу в области законодательства и контроля. При этом ни С. Н. К. не отказывается от прав законодательных, ни Президиум В. Ц. И. К. от функций чисто административных, как это подчеркивают ст. 7 постановления

---

[1]) Распускает, собственно, не кабинет, а глава государства по представлению кабинета.

VII Съезда и ст. 1 постановления VIII Съезда („... разрешает другие вопросы в порядке управления“; „... издавать в порядке управления другие постановления“). И как раньше В. Ц. И. К., сообщая С. Н. К. ряд административных полномочий, не поступился нимало своим характером практически-работающего учреждения, так и позже, с расширением законодательной сферы своего Президиума, он остался тем же, чем был: высшим, после Съезда, законодательным органом государства. Это явствует уже из того, что как раз после VII и VIII Съездов, формулировавших широкие законодательные правомочия Президиума В. Ц. И. К., IX Съезд предписал В. Ц. И. Комитету собираться: 1) на сессионные заседания, 2) не реже трех раз в год и 3) на более продолжительные сроки.

214. **Бесплодность сравнений.** Нет ничего более забавного, как попытки некоторых исследователей прикинуть Советские государственные учреждения на буржуазную мерку и определить, «на что они похожи». Тогда сыплются сравнения В. Ц. И. К. с парламентом, С. Н. К. — с кабинетом министров, Президиума В. Ц. И. К. — с междупарламентским комитетом, С. Н. К. и Президиума В. Ц. И. К. — с директорией. Иногда хотят таким манером «облагородить» наши учреждения, иногда — просто старый привычный ярлык нацепить, иногда — подчеркнуть, что вот, дескать, не миновать «парламентаризации» Советов в центре и «муниципализации» их на местах. Тщетный труд! Нисколько не идеализируя и не переоценивая наши органы верховного управления, надо, тем не менее, признать, что они ни на одно из бывших или сущих буржуазных учреждений не похожи. Их следует брать и изучать, как они есть, и в свойствах пролетариата — господствующего класса — и в особенностях пролетарского государства искать разгадки их оригинальности.

215. **Законы и их сила.** При таком построении, когда все четыре органа законодательствуют, три из них наделены распорядительной властью и два — учредительной, хоть и неравного объема, возможны, казалось бы, параллелизм в работе и противоречивость. В высшей степени трудно избежать того и другого, в особенности — при таком лихорадочном темпе деятельности, который приходится развивать нашим верховным органам. Во всяком случае, Конституция, определенно устанавливая право Совета Народных Комиссаров законодательствовать, чем она только идет навстречу требованиям практики и целесообразности, тем самым устраняет одну из главных причин трений, существующих в буржуазном государстве между законодательной и исполнительной властями. Как показывает опыт старых конституционных стран, министры, не имея официального, узаконенного права законодательствовать, тем не менее усиленно соперничают в этом деле с парламентами. Создается какой-то второй сорт законов, какое-то нелегальное, контрабандное законодательство, с которым парламенты бессильны бороться. Во Франции президент и министры под видом административных постановлений издают законы, которые, если не совершенно уничтожают, то сводят почти к нулю действие „настоящих“ парламентских законов [225]. В Италии министры своим правом издавать ордонансы пользуются иногда так широко, что „лишают всякой силы статьи какого-нибудь закона“ [226]. Что может поделать парламент с такого рода законодательством? Ведь это только административные распоряжения, которые в парламент на обсуждение не вносятся!

У нас же опасность параллелизма и противоречий в значительной мере парализуется определенной и строгой ответственностью, чтобы не сказать подчиненностью, В. Ц. И. Комитета перед Съездом, Президиума В. Ц. И. К. — перед В. Ц. И. К., а С. Н. К. — перед Съездом и В. Ц. И. К. Законода-

тельные акты С. Н. К., — декреты, — как и его постановления, не имеют силы без утверждения В. Ц. И. К., если являются крупным общеполитическим мероприятием и не требуют неотложного выполнения (ст. 41 и примечание к ней). Вообще, всякое постановление или решение С. Н. К. может быть отменено или приостановлено В. Ц. И. К. (ст. 40) или его Президиумом. А В. Ц. И. К., обретая полноту власти лишь в отсутствии Съезда, полностью теряет и учредительные и законодательные свои права под час работы Съезда (ст. 40) и всецело перед ним ответствен (ст. 29). Это значит, что все декреты, постановления и инструкции В. Ц. И. К., все его законодательные и административные акты действительны лишь постольку, поскольку они не опротестованы Съездом в общей резолюции или в отдельности. В таком же отношении к Съезду находится и С. Н. К.

216. Центр и места у буржуазии. Следовательно, все дороги в конечном счете ведут к Съезду, в котором сливаются одинаково и нераздельно все полномочия — и учредительные, и законодательные, и административные. Но — и это самое важное в нашей системе — самый Съезд всю полноту своей власти почерпает не так, как почерпает ее учредительное собрание буржуазии. Там народ как бы отрекается от всех своих прав в пользу суверенного народного представительства. Знаменитое чудовище Жана Бодэна [1]) — неограниченный, неделимый, непогрешимый суверенитет — целиком переносится на это учреждение. А уже оно милостиво сообщает частицы своего волшебного могущества тем или иным органам и установлениям, так что все они властвуют не по собственной силе и воле, а по соизволению этого нового бога.

Наиболее явственно сказывается это на противоположении так называемого центрального управления и местного самоуправления [2]). Право отдельных местностей, отдельных территориальных единиц, самим решать некоторые вопросы, касающиеся их, и только их, считается в Западной Европе даром, который эти местности получили от верховной власти и который власть эта может, следовательно, по произволу расширять, суживать или вовсе отнять [227]. Так давно уже поставили вопрос во Франции и Пруссии, так стремятся представить дело и в Англии, где местное самоуправление получило наибольшее развитие и где оно очень старо. Там буржуазные государствоведы усиленно стремятся внушить местным выборным учреждениям, что они напрасно считают себя „сотрудниками, а не подчиненными государства“, что они никаких таких собственных первоначальных прав не имеют, а являются лишь созданием законодателя [228].

217. Буржуазная боязнь городского самоуправления. Зачем понадобились, спрашивается, господствующему классу, как феодальной знати раньше, так и буржуазии позже, все эти мудреные фикции — вымыслы? Все эти речи о неограниченной верховной власти, как о чем-то в природе существующем, а не находящемся только в человеческих головах? Разумеется, затем, чтобы вырвать эту власть у народа и поместить ее там, где ею господствующий класс сможет распоряжаться по своему усмотрению: в руках короля или парламента. Отсюда буржуазная боязнь городского самоуправления, которая во Франции, например, прямо бросается в глаза наблюдателю: «страх перед буйным характером и коммунистическими тенденциями [3]) парижской демократии лишили столицу даже той доли свободы, какой пользуются другие города» [229]. Отсюда спор — правда, мирный — между центральной и местной властями в Англии, где мест-

---

[1]) Писатель XVI века, идеолог французских королей.

[1]) См. §§ 263 и сл.

[3]) Буйство и коммунизм! — в глазах буржуазного педанта разве это не одно и то же?

ные органы в подтверждение и защиту своих прав ссылаются на седую древность своего существования, начало которого — в тех временах, когда и единой-то верховной власти не было; а им отвечают, что давнее фактическое положение ничего не значит: юридически их право все-таки производное, а не самостоятельное. Таким образом, воскрешается старый шиллеровский «вопрос о праве»: долгое время пользуюсь я моим носом для обоняния, но значит ли это, что я имею право на мой нос?

218. Характер верховной власти в Советской Республике. В Советской Республике как-то само собой выходит, что вещи, поставленные буржуазными ухищрениями на голову, вновь ставятся на ноги. Всероссийский Съезд Советов, как и В. Ц. И. К., как и С. Н. К., получают свою власть, конечно, от трудящихся масс. Но получают-то они ее не от распыленного, неопределенного, туманного „народа", не от „самостоятельных" индивидов, которые пребывают господами (сомнительными господами!) пока выбирают, и превращаются в жалких пешек, рабов, когда выбрали, а от пролетариата, сплоченного класса, который *организовался уже до выборов и продолжает быть организованным после выборов в своих городских и сельских Советах*[1]). Это имеет громадное принципиальное и фактическое значение. Так как *периодически* созываемый Съезд составляется из делегатов *постоянно* существующих Советов, то можно сказать с полным правом, что настоящими органами верховной власти являются действительно местные Советы, т.-е. организованный пролетариат. Делегаты Съезда из Советов выходят, депутатами Советов остаются все время краткой сессии Съезда и в Советы возвращаются по окончании сессии. Самый Съезд — не что иное, как экстракт — вытяжка, выжимка — Советов, и представляет собой сжатую, сосредоточенную энергию все тех же Советов. Это они сообщают свои права и свою власть Съезду, а не он им. Этим достигается наиболее правильная архитектура — построение — власти: *не сверху вниз, а снизу вверх.* Но тем самым дается и в высшей степени ценное внутреннее содержание власти: по существу тут и получается то непосредственное правление, народоправство, где народ ни на минуту никому не переуступает своей власти, а фактически осуществляет ее непрерывно, которое буржуазия объявляет недостижимым.

219. Выводы. При таком построении власти местные организации — городские и сельские Советы с их съездами — приобретают первенствующее значение. Села, города, уезды и губернии перестают быть просто административными единицами, подразделениями территории для удобства управления, а становятся *политическими образованиями.* Правило „вся власть — на местах" получает реальный смысл и жизненное содержание. Вопросы централизации, автономии и федерации, верховного и подчиненного, центрального и местного управления должны рассматриваться с особых точек зрения, чуждых буржуазной теории и буржуазной практики. В частности, из этих общих замечаний явствует, что исследование Советской системы необходимо начинать с самого низу, с городских и сельских Советов.

Задачей предыдущих строк было показать, что система эта в общем и целом покоится на вполне разумных и жизненно правильных основаниях. И при дальнейшем изложении надлежит все время помнить, что все шероховатости, изъяны и недостатки Советской машины, порой очень большие, суть не

---

[1]) Съезд составляется из делегатов городских Советов и губернских съездов, но основой губернского съезда является сельский Совет.

органические — врожденные — пороки, а функциональные, т.-е. временные и частичные расстройства, вполне оправдываемые условиями места, времени и обстоятельств. Это недуги детские, а не старческие, болезни роста и развития, а не вырождения.

220. Здесь не мешает отметить еще одну характерную черту Советского государственного организма. Как бы стройно и пропорционально по внешности ни было построено Советское здание, оно не выдержало бы пятилетних тягчайших испытаний, если бы не цементировалось изнутри единой пролетарской партией [1]). И опять-таки, то, что на буржуазном западе считается язвой современности, в оздоровляющей атмосфере нашей Республики превращается в источник сил и свежести. Нами управляют партии! — в ужасе говорит буржуазный мыслитель. — Причина несовершенств, нестроений, бессилия парламентов, неумелости министров, бедствий народных — партийное правление! — Нами управляет партия, — говорим мы в спокойной уверенности. — Сила российского пролетариата, окруженного врагами, — в его партии. В партии, которая, сражаясь, правя и работая, учит его сражаться, править и работать. В партии, являющей собой стержень, становой хребет Советской системы или, вернее, ее сердце, главный орган кровообращения. В партии, о которой молчит наша Конституция, но которая, тем не менее, есть юридическая и фактическая сущность этой Конституции, как отметил Ленин [230].

221. **Недостатки технического государственного аппарата: а) дороговизна.** До самого последнего времени партия, занятая вооруженной борьбой на многочисленных внутренних и внешних фронтах, не могла вплотную подойти к государственному техническому аппарату, и расстройства этого аппарата приобрели затяжной характер. Вместе с тем, они выкристаллизовались настолько, что поддаются некоторой классификации.

На первом месте среди болезней государственной машины нужно поставить ее дороговизну. Те средства, которые затрачиваются государством на содержание своих органов, очевидно, не окупаются полезным действием этих органов, — последние превращаются в нахлебников, захребетников государства, разлагаются сами и развращают всех, приходящих с ними в соприкосновение. Дороговизна эта обусловливается не только затратами непосредственно на содержание Советского чиновничества, но и расходами на покрытие прямых хищений, казнокрадства. Эти расходы несет государство, как таковое. Но и население платит непосредственно паразиту-чиновнику в виде взяток и незаконных поборов всякого рода. Таким образом, оно платит вдвойне: государству — налог открытый и законный, чиновнику — налог тайный и нелегальный.

222. **б) вялость и медленность.** Механизм управления плох, прежде всего, потому, что дорог. Но он плох еще и тем, что не удовлетворяет элементарных нужд населения в быстром и толковом разрешении повседневных вопросов администрирования и хозяйствования. Машина работает слишком вяло и медленно как раз в таких местах, где темп лихорадочно развертывающейся жизни требует исключительной скорости и налаженности всех винтов и рычагов. Эта болезненная сонливая замедленность, доходящая иногда до открытой спячки, до полной остановки то тут, то там, когда нужен судорожный толчок, чтобы сдвинуть с мертвой точки то одно, то другое скрипучее колесо, — порою сменяется кипящей, как будто, деятельностью, бешеной возней, которая, тем не менее, дает ничтожный эффект и оказывается при ближайшем рассмотрении работой на холостом ходу, бегом на месте.

223. **в) бюрократичность.** Взятый в целом, наш технический государственный аппарат громоздок и нестроен. Бюрократичность, канцелярская мертвячина, господство всесильной бумажки, которая владеет чиновником, как фетиш, и на которую он смотрит, не как на средство — и при том довольно плохое средство — управления, а как на самодовлеющее, «чистое» искусство, делают то, что к живому, свежему человеку, к голосу живой жизни чиновник относится словно к забавному курьезу. Он лишается обычной восприимчивости и даже простой способности делового понимания. Отсюда особенная, чиновничья сухость и резкость в обращении, пустая важность, поверхностность, томительная волокита и отпугивающий формализм.

224. **Чем может помочь партия?** Между тем, все эти пороки технического аппарата рисуются с сугубой выпуклостью на фоне массового рабоче-крестьянского государства, юной и полной соков и сил Советской системы. Именно вследствие разитель-

---

[1]) См. главу VIII.

ного контраста с Советами, как таковыми, становится нестерпимо ясен хаос облепивших их учреждений, со всем сором и мусором, накопленным в сутолоке гражданских войн, в котором дурные черты новой экономической политики нашли себе почву и уют. И вот, та партия, что, в качестве стержня Советской организации, не дала этой организации погнуться и рассыпаться под ударами классовых ненавистников, которая оплодотворяла массы в Советах и одухотворяла самые Советы, должна вплотную подойти и к техническому государственному аппарату. Повидимому, только она может во-время заметить и вырвать с корнем неисправимого чиновника-спеца, одернуть «зазпавшегося комиссара», образумить охмелевшего от «нэпа» хозяйственника, напоминать им каждую минуту, что они — только слуги, а господин — рабоче-крестьянское общество, и чем больше они будут только слугами общества, не пытаясь стать его господами, тем значительнее и выше подымется их дело социального служения, тем роднее трудящимся их государство, тем легче служба — служащему и ценнее нравственное удовлетворение, им получаемое. Только она в состоянии справиться с задачей очистки аппарата, максимального упрощения его и перестройки на основах научной организации труда и управления.

225. Методы и способы работы по овладению аппаратом. Но было бы тщетным разбрасыванием сил пытаться проникнуть его собою сверху до-низу, подчинить всю его работу в мелочах и деталях партийному руководству и партийной ответственности. XII съезд Р. К. П. (б.) взглянул на дело по-иному: нужен з о н д, обладающий изощренной чувствительностью, проникающий во все закоулки государственного механизма, могущий работать и на большой глубине и на поверхности и всегда чутко прощупывающий болезнетворную опухоль и сигнализирующий о ней. З о н д э т о т е с т ь С о в е т с к и й о р г а н, д е л а ю щ и й С о в е т с к у ю р а б о т у. Но он находится непосредственно в руках Ц. К. Р. К. П., — и п о с т о л ь к у о н е с т ь п а р т и й н о е у ч р е ж д е н и е, непосредственно направляемое и управляемое партией. Подобным органом должен явиться преобразованный Нар. Ком. Раб.-Крест. Инспекции, организационно связанный с Ц. К. Р. К. П. (б.), таким образом, что: 1) народный комиссар назначается Ц. К. партии, по возможности, из числа членов президиума Ц. К. К.; 2) члены президиума Ц. К. К. входят в коллегию Наркомата, а часть остальных членов Ц. К. К. направляется на работу в самом Наркомате; 3) вся деятельность Р.-К. И. совершается по директивам президиума Ц. К. К., вырабатываемым им совместно с коллегией Н. К. Р.-К. И. и утверждаемым Ц. К. партии [231].

Верно, что эта мысль Ленина поражает размахом и проникновенностью и находится в полном соответствии с его пониманием нашей партии, как юридической и фактической сущности Советской Конституции (см. выше). Вряд ли существует лучшее средство для партии широко и цепко овладеть государственным аппаратом при разумной, в то же время, экономии сил и средств, без утомительного погрязания в технических деталях управления, и сохраняя строгое разделение труда между органами партийными и Советскими.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Пролетариат и нация.

226. Разложение российской империи на ее составные части. Нет сомнения, что если бы трудящиеся массы на всем пространстве Советского Союза составляли одну нацию, сплошную или хотя и с чужеродными прослойками, но сравнительно тонкими и неглубокими, то задача приближения власти к трудовому населению, как переход на пути к полному растворению государства в социалистически организованном обществе, очень упростилась бы. Но, как известно, историческая действительность сложилась таким образом, что перед пришедшим к власти пролетариатом стала задача, не совладать с которой — значило погибнуть, зато разрешение ее сулило ему самый блестящий козырь в борьбе с колониальным империализмом. Старая Россия отличалась чрезвычайной пестротой не только в экономическом и культурно-бытовом отношениях, но и по своему территориальному и национальному составу. Этот набор разноязычных земель, отличающихся друг от друга и почвой, и климатом, и племенами, и историческими судьбами, и распределением городского и сельского населения, и техникой-экономикой с переливами от первобытных хозяйственных форм до высокоразвитой капиталистической промышленности, имел своим центральным ядром Великороссию, которая главенствовала, пока в руках капиталистов и помещиков сохранялся нетронутым насильнический государственный аппарат. Господствующие классы царской России грабили и присваивали себе не только народное достояние в виде орудий производства, продуктов, материалов, денег и всякого рода ценностей, но и целые нации превращались дворянско-буржуазным государством в предмет грабежа и присвоения. В этом смысле и говорил Энгельс о до-революционной России, как о „владельце громадной суммы украденной собственности (the detainer of an immense amount of stolen property), которая силой будет вырвана у нее (disgorged) в день расчета“ [232]. Этот день расчета должен был совпасть с днем революции. „Распад бывшей российской империи на национальные части был следствием *классового* распада ее“ [233]. Это несомненно и вполне понятно, если принять во внимание, что буржуазно-помещичье государство ничего не могло дать национальным окраинам, кроме экономической эксплоатации и политического гнета везде и вообще плюс сифилис и алкоголизм кое-где и в частности.

Могущественным орудием при этом был крепкий государственный аппарат, который сам был основан на „гражданском мире“, на бессловесном подчинении имущим верхам темных неимущих масс.

Но революция, как следствие первого пробуждения этих масс, должна была в своем дальнейшем развитии все сильнее и сильнее раскалывать населе-

ние страны на два прямо друг против друга стоящих лагеря, и эта щель между классами оказалась, конечно, гибельной щелью в машине государства. Машина треснула и распалась. Тогда освободились и узники, которых сковывали тюремные стены, и между которыми, казалось им всем, не было иных связей, кроме насильственных каторжных связей общей неволи и общего позора.

227. **Пролетариат принимает многонациональное наследство.** С этой минуты, именно, с октября 1917 года, борьба восставшего пролетариата за свои непосредственные классовые цели в значительной степени свелась к борьбе за всестороннее руководство многонациональной крестьянской массой. Задачей пролетариата было доказать национальным окраинам, что на историческом перепутьи перед ними три возможности: 1) сепаратизм, к которому их увлекали мелко-буржуазные вожди, и который должен был в конечном счете уготовать им еще не испытанное ими колониальное рабство, 2) возвращение вспять, под сень „единой и неделимой России", куда их исподволь толкала помещичья контрреволюция, и где они обрели бы недавний великодержавный гнет и 3) создание совершенно новых условий сожительства, неосуществимых при господстве какой бы то ни было буржуазии, обеспечивающих каждой нации наибольшие возможности свободного развития, а всем вместе — могущественную защиту сильного, спаянного государства. Пролетариат не захотел „отдать назад" свое тяжелое, но почетное наследие ни жадным до колониальных приобретений империалистам Запада и Востока, ни собственной промотавшейся буржуазии: он предпочел сделать из не им награбленного богатства иное, лучшее, применение. Для этого пришлось пройти через очищающий огонь гражданской войны. Тем лучше: свое Великое Союзное Кольцо он выковал в таком жарком и чистом пламени, что его не распаять уже никаким пожарам.

228. **Что такое национальная общность? а). Нация и территория.** Но это большое дело оказалась по плечу пролетариату оттого, между прочим, что он вступил в гражданскую войну вооруженный старой выучкой, давшейся ему очень медленно и с трудом. В частности, сознательное и правильное отношение к вопросам национального движения и целесообразное решение того или иного национального вопроса в каждом данном конкретном случае невозможно было бы без точного понятия нации и уразумения классовой сущности национальных движений. С первого же взгляда несомненно, что нация есть *некоторая общность* людей. Что же, какой признак или черта создает национальную общность людей в противоположность национальной разобщенности? Нельзя ли усмотреть такую общность там, где имеется *единство территории*? Конкретные наблюдения не позволяют это сделать. Всем известно, что население до-революционной Австро-Венгрии, хотя и расположилось на определенной государственной территории, резкими границами отмежеванной от других, иноземных территорий, — далеко не составляло одной национальности. То же с населением России.

229. б). **Нация и язык.** Не имеет ли нация решающим признаком общий язык? Но вот в бывшем Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии англичане и ирландцы говорили на одном языке, твердо различаясь, однако, по нациям. В Советской России грузины и аджарцы имеют общий язык, но составляют различные нации. То же—англичане и американцы. То же — датчане и норвежцы.

230. в). **Нация и раса.** В таком случае не служит ли тут решающим моментом единство происхождения? Но такого единства при ближайшем рас-

смотрении вообще не оказывается. Над созданием итальянской нации поработали в разное время такие этнологически разновидные племена, как этрусски, римляне, греки, германцы и сарацины. Французы произошли от галлов, римлян, германцев и бриттов. В жилах современных американцев течет какая-то смесь из крови почти всех рас.

231. г). **Нация и экономика.** Быть может, нужно воспользоваться экономическими признаками и сказать, что там, где есть тесное хозяйственное общение, экономическая взаимозависимость частей, там эти части образуют нацию? Но и такое заключение, с очевидностью, противоречит действительности. Экономическая связанность обрабатывающего севера с добывающим югом СССР хозяйственная невозможность их раздельного бытия всегда существовала и особенно ярко сказывается ныне при Советском плановом хозяйстве. Однако, население РСФСР и Украины никогда не объединялось в одну нацию и сейчас нет такого объединения. Подобных примеров можно найти множество.

232. **Национальная общность, как общность языка, территории и хозяйства.** Мы видим, что нет ни одной черты, которая сама по себе знаменовала бы ту особенную общность, которая зовется национальной. Тем не менее, нации существуют же! Да, они существуют там, где оказались в общем соседстве *все* те главнейшие признаки, которые, в отдельности, разобраны выше. Национальная общность есть общность языка, территории и экономики. Значение языка, как важнейшего средства общественных сношений, не нужно доказывать: „Полной осязательностью, полной ясностью, на первый же взгляд для всякого, обладают те признаки и связи, которые нация имеет в своей устной речи“ [234]. Потому *нет единой нации без единого языка*, [235] хотя, как мы видели, наличие *только* общего языка не делает еще нации. „Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций“! [236].

В то же время, по тем самым причинам, по которым единый язык так существен для характеристики нации, он окажется бессильным в деле создания национальной общности, если столкнется с территориальной разобщенностью пользующихся им людей. Распадение англичан и американцев на две разные нации началось с той минуты, когда между ними лег океан, и обратно — объединение датчан и норвежцев на одной территории уничтожило бы одну из тех причин, которые сейчас обусловливают их национальную разобщенность. Следовательно, *нет единой нации без единой территории* [1]), хотя могут быть разные нации на общей территории.

Наконец, и язык и территория не обозначают национального единства, если к ним не присоединяется внутренняя экономическая целостность, если разделение труда, общий процесс производства не сплетает насущных хозяйственных связей между людьми. *Общность экономической жизни — очевидное условие общности национальной.*

Таким образом, общности языка, территории и хозяйства необходимо и достаточно для понятия национальной общности.

---

[1]) Разумеется, и тогда, когда Польша разделена была между Россией, Пруссией и Австрией, поляки составляли одну нацию. Но, ведь, нация-то сконституировалась, как таковая, до раздела национальной территории вследствие, между прочим, общности территории. — Пример евреев ничего не может опровергнуть в нашем выводе, ибо еврейство так же мало является нацией, как буржуазия, например, племенем.

Необходимо и достаточно. Конечно, возникнув и развиваясь, эта общность трех элементов накладывала все более заметный и специфический отпечаток на всю духовную жизнь нации, создавая ей, таким образом, своеобразное индивидуальное лицо. И это своеобразие, выражающееся, ближайшим образом, в особенностях быта и культуры, присоединяется к общности хозяйства, языка и территории, как „общность психического склада", [237] служа четвертым характерным признаком нации [238].

233. Классовый смысл буржуазного понимания нации: а) национальное сознание. В традиционной науке понятию нации не посчастливилось. «Никакое другое понятие из области государствоведения не является столь шатким и неопределенным, как понятие о национальности» [239]. В этом отношении, впрочем, нация разделяет участь целой толпы основных понятий науки о государстве которые все шатаются и колеблются вместе с этой наукой. Но такое шатание вовсе не составляет отличительного свойства нации. Убедившись, что «невозможно установить единый, прочный, объективный критерий нации» [240], но не исчерпавши попыток найти таковой в какой-либо постоянной комбинации нескольких элементов, наука с подозрительной торопливостью спешит упразднить нацию, как «нечто объективное, в смысле внешне существующего», [241] и возродить ее, как «нечто совершенно субъективное, т.-е., свойство определенного содержания сознания» [242]. Такое достижение с точки зрения «чистой науки» импонирует своим глубокомыслием и беззаветным стремлением отрешиться от всего грубо-эмпирического. Но при некотором недоверии к приемам чистой науки и при скептической проверке ее позиции и выводов не трудно обнаружить и здесь один из пошлых фокусов буржуазного классового своекорыстия. Лишить понятие нации точных и ясных конститутивных черт, значит — сделать из него нечто таинственное и сверхчувственное и тем изъять из ведения простого народа, профанов. Превратить, далее, это понятие в тип сознания, значит — отождествить целиком нацию с тем, кто является, повидимому, духовным гегемоном общества, чье сознание монопольно порождает верховные ценности и от пиршественного стола которого должен получать подачки охлос с его рудиментарным сознанием и примитивными чувствами. Так земная, насквозь материальная нация берется живьем на идеалистическое небо, чтобы в ту же минуту контрабандным маневром очутиться вновь на земле в бесконтрольную потребу капиталиста. «Чем выше своеобразная культура народа, чем богаче объединяющее его членов историческое прошлое, тем более развита и нация, отсутствующая, поэтому, на низших ступенях культуры» [243]. На низшие ступени культуры изо всех сил сталкивает рабочего буржуазия. Но там, на этих низших ступенях, нет осознавшей себя нации, а есть чернь непросвещенная, которая и в национальных устремлениях должна, следовательно, покорствовать мановению верхов. Но буржуа великодушен. Замиренному пролетариату он готов здесь открыть лазейку: «Для того, чтобы развилось национальное чувство, должно еще присоединиться противопоставление себя другим нациям» [244]. Воспитывая рабочего, как цепного пса, готового вгрызться в горло, кому укажет хозяин, буржуазия обещает ему за это высшее «содержание сознания», напиток богов: национальное чувство.

234. б) национальный характер. Тот же смысл идеалистического дурмана остается и за теми теориями, кои пытаются проникнуть в сущность нации с помощью понятия национального характера. При всей осторожности этих теоретиков, признающих изменчивость национального характера, его динамичность, историчность, несамостоятельность, старательно отмежевывающих его от «таинственного народного духа», и пытающихся объяснить не национальную историю посредством национального характера, а самый национальный характер посредством национальной истории [245], они оказываются в ближайшем соседстве с национальным спиритуализмом. Ибо этот благонамеренный с виду национальный характер прекрасно обнаруживает свою метафизическую суть, когда порождает «великий факт национальной апперцепции» [246]. Нация, не просто воспринимающая или усваивающая, а апперцепирующая, не очень далеко ушла от нации с саморазвивающимся национальным духом. А роль этого национального духа в деле обуздания непослушных масс путем «оправдания подлости сегодняшнего дня подлостью вчерашнего дня» [247] слишком хорошо известна.

235. Что же создает нацию в современном смысле? Но не ясно ли, что язык, хозяйство и территория не есть нечто, что возникает вдруг в закон-

ченности своей, во всех характерных чертах и особенностях, и, возникнув, остается постоянной величиной? И то, и другое, и третье суть продукты исторического развития, медленного, иногда прерывистого, исторического процесса. И именно те необходимые элементы, без совокупности которых нет нации, свое значение приобрели в известную историческую эпоху, — в эпоху поднимающегося капитализма. Поскольку речь идет уже не о признаках, характеризующих нацию, а о действенном факторе, ее, в конечном счете, создавшем, постольку выступает на сцену капиталистическое хозяйство, как образующая и определяющая сила.

236. Интересы буржуазного рынка требуют единства территории, хозяйства, языка. Того, что мы в наше время называем нацией, — группы людей, характеризующейся общей территорией, языком, экономической жизнью и культурой, — нацией, склонной развивать и защищать свою национальную особность, до-капиталистический мир не знал, как не знал и индивидуума — личность с ее особенным, неповторяющимся внутренним складом, в себе самой несущую вселенную в миниатюре — микрокосм и ревниво противопоставляющую себя другим индивидуумам. Капиталистический способ производства, вызвав к жизни новый руководящий класс — буржуазию, поставил перед ней основной вопрос ее существования — развитие рынка. Она уничтожила хозяйственную самостоятельность многочисленных территориальных подразделений, из которых состояло средневековое государство и поставила все эти кантоны, марки, области в тесную экономическую зависимость друг от друга и от государства. Вместе с тем она убила сословно-соседскую общину, погнала деревню в город, перемешала, перетасовала людей разных сословий, цехов, корпораций и районов, упразднив неподвижность и стойкость наследственных и приобретенных уз, прав и привилегий, и подчинив всех этих, якобы, свободных, равно-и самоценных индивидов единой власти капитала.

Так, стихия рынка, которая всех уравнивает в одинаковом и всеобщем рабстве капиталу, превратила ряд феодальных земель в единую *территорию* с функционирующим в ее пределах единым *хозяйственным организмом.*

В то же время росло значение единого *языка*, необходимого буржуазии для расширения и защиты рынка. Одноязычие облегчало не только руководство в непосредственной сфере производства и обмена, но — что самое важное — укрепляло политическое командование централизованной бюрократии и служило орудием быстрого и легкого подчинения масс буржуазной идеологии через посредство особенного — промежуточного — класса, интеллигенции, для которой язык есть настоящее средство производства и которая, поэтому, больше кого бы то ни было заинтересована в безраздельном господстве *ее* языка.

237. В борьбе за овладение внутренним рынком буржуазия сложилась в нацию со своей хозяйственной системой, своей территорией и своим языком, и во всех странах всякий раз, как силы позволяли ей вырвать государственную власть из рук абсолютизма, она увенчивала этот своебразный национальный status знаменем *национального суверенитета.* И со второй четверти XIX столетия эта новая национальная идея — идея самобытности нации и ее верховенства [1])—послужила прекрасным лозунгом, с помощью которого бур-

[1]) «Политическая власть должна быть органически связана с народом, который она представляет, и, наоборот, каждое национальное общество, способное к самостоятельной исторической жизни, имеет право образовать свою политическую форму, согласно своим стремлениям и потребностям. Другими словами, национальный принцип отныне

жуазия гнала народные массы, то на штурм абсолютистских твердынь для завоевания необходимых ей свобод, то на борьбу с иноземным владычеством для отвоевания „своего“, „независимого“, „родного“ государства, то-есть рынка.

238. В этом был залог национальной исключительности и соперничества. Но подобно тому, как гражданские свободы, которых домогалась буржуазия той эпохи, знаменовали не соединение человека с человеком, а обособление человека от человека, так и национальная идея буржуазии, требовавшая государственного единства нации, то-есть, ее свободы, как таковой, свободы от опеки чужого инонационального государства, означала, прежде всего, противопоставление нации нации. Как там речь шла «о свободе человека, как изолированной, сосредоточенной в себе монады», ибо «каждый человек одинаково рассматривается, как сама себе довлеющая монада» [248], так и здесь нация рассматривалась в качестве «элементарного единства, рациональной монады науки» [249]. И как там практическим применением права человека, т.-е., буржуа, на свободу являлось его право на частную собственность, «право произвольно, не обращая внимания на других людей, независимо от общества, пользоваться и распоряжаться своим имуществом» [250], так здесь практическим применением национальной идеи являлось право нации, то-есть, буржуазии, на территорию, язык и экономический суверенитет, право произвольно, не обращая внимания на другие нации, независимо от всего мира, пользоваться и распоряжаться национальным достоянием — рынком. Во все этом был, конечно, глубокий диалектический смысл. Подданные феодального государства должны были разбить свои цепи, чтобы свободными гражданами вступить в конкурренцию. Но эта конкурренция родила монополию, и на почве буржуазно-демократических свобод произрасли предпринимательские и рабочие объединения, упразднившие эти свободы. Так точно нации должны были сконструироваться как свободные, равноправные и независимые «монады», в качестве таковых противопоставиться друг другу и через жестокое соревнование на м и р о в о м рынке придти к фактическому покорению отсталых и слабых наций богатыми и сильными.

239. Пролетариат и принцип равенства наций. Всем этим — точным понятием нации, ее историческим происхожденьем и ролью в капиталистическом обществе — должна определяться позиция пролетариата в национальном вопросе. Уже со времен Коммунистического Манифеста стало истиной, что „у рабочих нет отечества“, что национальная обособленность народов осуждена на исчезновение в процессе самого капиталистического развития, а господство пролетариата еще более заставит ее исчезнуть, ибо „по мере того, как будет уничтожаться эксплоатация одного индивидуума другим, будет уничтожаться и эксплоатация одной нации другой [1]) [251].

Пролетариат не национален. Но одновременно с этим он чуждается беспочвенного космополитизма. Он знает силу национальных различий, и это знание предохраняет его от фатализма в национальном вопросе, как и во всех других. Класс революционный и действенный по преимуществу, он и здесь не может и не хочет уклониться от борьбы не потому, что нация для него — самодовлеющая ценность, а потому, что общие и верховные интересы его классовой борьбы требуют устранения всего, что препятствует международной солидарности пролетариата и способствует объединению классов в рамках каждой данной нации. В буржуазный принцип равноправия наций, которым буржуазия воспользовалась для обособления наций и натравливания их друг на друга, пролетариат должен вложить революционное содержание и тем восстановить

формулирован такими словами: каждая народность, то-есть, совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую политическую единицу, то-есть государство» (А. Д. Градовский. Собрание сочинений, СПБ., 1901, том 6, стр. 13 — 14).

[1]) Das Kommunistische Manifest, Berlin, 1904, s. 22.

единственно ценный смысл этого принципа: добровольное объединение и дружное сотрудничество.

240. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Подобно тому, как он объявляет лицемерным и лишенным смысла понятие равноправных индивидов, заменяя его классовым и революционным делением людей на эксплоататоров и эксплоатируемых, так точно и в национальном вопросе он выдвигает, „как основное, существеннейшее и неизбежное при империализме, деление наций на угнетающие и угнетаемые“ [252]. *Но нация угнетающая несвободна.* „Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы“ [253]. Пролетариат угнетающей нации, неборящийся с этим угнетением, поддерживает его. Поддерживая его, он попадает в плен к своей буржуазии, толкает пролетариев угнетенной нации к национальному союзу с их буржуазией, лишается свободы действий, революционного мужества, делается мертв для интернационального движения и уже по этому одному собственными руками кует собственные цепи.

241. Интересы мировой революции и право наций на самоопределение. А между тем, неоценимое преимущество марксистски мыслящего пролетариата перед его классовыми врагами заключается в широком кругозоре, в твердом сознании, что он — большого плавания корабль, что перед ним мировые дали и в них он должен зорко высматривать игру мировых сил. *Пролетарская революция может победить окончательно только как мировая революция.* Это понимание вовсе еще не означает „ставки на мировую революцию“, как укоризненно качает головою филистер. Это только бесстрашное осознание конечной цели, без которого нет *перспективы*, нет, следовательно, правильной постановки вплотную предстоящих, конкретных, сегодняшних задач, а есть близорукое крохоборство, беспомощное блуждание в трех соснах и плачевный провал в результате. В частности, если победоносная пролетарская революция возможна лишь в международном масштабе, то не очевидно ли, что и „национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырастает в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма“ [254]? А освободить их от империализма значит — освободить империализм от самого себя, т.-е. убить его. Это означает развал капиталистического строя, гибель его рынков, исчезновение сверхприбыли, прекращение подкупа пролетариата метрополией, а это и есть мировая революция. „Теперь сложилась система горстки (5 — 6 числом) „великих“ империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, при чем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма, господствующих над миром империалистических наций“ [255].

Если так, то единственный лозунг, соответствующий классовым интересам пролетариата и подчиняющий национальный вопрос этим интересам, есть лозунг права наций на самоопределение.

242. В чем смысл этого лозунга? Что следует понимать под ним? „Искать ли ответа в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих „общих понятий“ права? Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений“ [256]? Мы для того-то и постарались выше установить конкретное понятие нации, в которое входят не только

национальные язык, культура, хозяйство, но и национальная территория в качестве необходимого признака. Такое определение нации диктуется не одними лишь логическими рассуждениями, но, главным образом, всем историческим опытом национальных движений, господствующей тенденцией которых всегда было образование *национальных государств* [257]. Но создание национального государства возможно только на национальной территории. Национальное государство есть господство национального языка, рынка, культуры в пределах национальной территории. Поэтому, право нации на самоопределение есть — исторически и логически — право на отдельное государственное существование. „Под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства“ [258].

243. Пролетариат, империализм и угнетенные нации. Таким образом, позиция пролетариата в национальном вопросе отличается достаточной ясностью и определенностью. И позиция эта не колеблется, а укрепляется в случае захвата им власти в любой многонациональной стране, например, в России. Тогда с осязательной наглядностью выступает необходимость крепких интернациональных связей пролетариата. Свою революцию он должен превратить в мировую. Путь к ней лежит через освобождение наций, колоний и полуколоний от империализма. Всем и каждой угнетенной нации он протягивает руку через головы империалистов. Этим самым он подсекает господство буржуазии в ее собственной метрополии и, следовательно, освобождает из-под ее влияния пролетариат угнетающей нации. Но в то же время он фактом своего содействия будит классовое самосознание трудящихся масс угнетенной страны, расширяет щель между ними и их господствующими классами и, обучая их на предметном уроке его собственной революции тактике „вместе бить — врозь итти“, внушает им, что если нельзя еще сейчас сбросить своих эксплоататоров, то это нужно и можно сделать на другой день после освобождения от чужеземного гнета.

244. В государстве пролетариата не может быть национального вопроса. Но очевидно, что пришедший в многонациональной стране к власти пролетариат должен, прежде всего, у себя дома осуществить свою национальную программу. Вопросы этой программы приобретают сугубую возможность, хотя заранее можно сказать, что правильное разрешение не обеспечено. Если в наши дни в Советской России национальный момент примешивается ко всякому вопросу, если ни одна конкретная мера в области наших внутренних или внешних дел, партийного, хозяйственного или иного строительства не может обсуждаться *вне плоскости нашей* национальной политики [259], то это никак не значит, что у нас на седьмой год революции есть „национальный вопрос“, который все усложняется, запутывается сам и нас запутывает. Напротив, непредубежденному и внимательному наблюдателю это именно и укажет на *растворение национального вопроса в ряде вопросов государственной жизни.* Он уже не существует обособленно и самостоятельно. Он преодолен как проблема [1]). И для будущего задача наша: „в национальных вопросах ра-

---

[1]) Интересно, что за-границей это понимают даже лучше, чем у нас. Финляндский министр Вэннола недавно сообщил своим соотечественникам, что проблему мирного сожительства наций Советская Россия разрешила уже; польский министр вынужден признать, что Польша не может ввести, п о д о б н о Р о с с и и, территориальную систему в военном деле в виду н е о д н о р о д н о с т и с о с т а в а н а с е л е н и я

ботать так, чтобы не дать возникнуть никакому национальному вопросу“ [260]. В этом отношении есть близкое сходство между ним и земельным, например, вопросом, который тоже не сходит у нас с повестки дня Всероссийских съездов [261], но кто же заключит из этого, что у нас есть „аграрный вопрос“? Национальному вопросу, как и земельному, нанесен сокрушительный удар в самое основание фактом свержения власти собственников, и вот он зашатался, рассыпался на мелкие куски, распылился. Процесс дальнейшего измельчания и растворения этих частиц и длителен и труден, но это уже дело времени и общего созидательного строительства, а не вопрос борьбы и случайной удачи. И здесь, разумеется, как и в других случаях, положение национального вопроса в Советском государстве нельзя понять вне связи с отличительными чертами этого государства: отсутствием господствующего класса капиталистических собственников, обусловливающего и делающего неизбежным все виды угнетения, в том числе, и национального.

245. Этот особенный характер государства сказывается во всем, и в крупном, и в мелочах. Всем известно, например, что при государстве товарного хозяйства неизбежны экономические кризисы. Априорно можно сказать, что эти кризисы должен переживать и пролетариат, принужденный в переходный период сохранить товарно-меновую систему. Но как различно переживается экономический кризис в государстве капиталистов и в государстве пролетариата! Там кризис сбыта естественно и необходимо вызывает сокращение производства и заработной платы, ибо буржуазия не может реагировать на стихию иначе, чем приспособлением к ней. Закрытие предприятий, урезывание расходов на оплату труда, выталкивание на улицу рабочих — вот стихийный ответ буржуазии на стихийное колебание рынка. Тот же кризис сбыта у нас должен вызвать и вызывает, действительно, явление совершенно обратное: усиление государственного планового хозяйства и, как следствие, удешевление его. Не сжимание производства, а ограничение цен и нажим на торговлю, дающие возможность переложить убытки от кризиса на буржуазию. «А заработная плата? Пусть укажут наши враги, в каком буржуазном государстве и когда происходило во время кризиса систематическое увеличение реальной заработной платы сотням тысяч железнодорожников, когда передавались в такое время крупные добавочные средства местным органам для повышения заработной платы сотен тысяч учителей, милиционеров, медиков и других местных работников (как у нас передается с 1 января половина промыслового налога)» [262].

246. Превращение российского пролетариата в нацию. Отсутствие господствующего класса собственников, вынужденного практиковать все виды насилия и угнетения, значит, и национального, есть та особенность Советского государства, которая позволила пролетариату в многонациональной стране подсечь питающие корни национального вопроса, вырвать его жало, которым он так страшен. Революция, которая ничего не делает зря, ударила, как мы видим, по разношерстному, из кусочков насильственно скованному телу так, что расскочились все ненавистные старые скрепы. Это была очень болезненная, но вполне при данных условиях законная и неизбежная операция. В то же время рабочему классу из его революционного центра — РСФСР — хорошо было видно, что одна из его очередных задач, от осуществления которой зависит успешность и русской и, в дальнейшем, международной революции, есть замена

Польши; но лучше, точнее и правильнее всех выражается «Times»: Англия «признала правительство, которое не имеет никаких территориальных или национальных признаков» (Известия Ц. И. К. С. С. С. Р., 12/II — 1924). Ближе и непосредственнее невозможно выразить недоумения озадаченного буржуа, который впервые в жизни не может различить в многонациональной стране господствующую нацию и правительство, отмеченное печатью этой нации.

старых буржуазно-политических скреп новыми узами внутреннего, интернационального содружества, основанного на общности интересов трудящихся каждой нации в их борьбе против общего угнетателя — капитализма. К такому объединению пролетариат Великороссии мог повести нации бывшей империи лишь в том случае, если он покажет на деле, что диктатура пролетариата, состоя в руководстве широкими крестьянскими массами, означает уничтожение почвы под национальными предрассудками бывшей „державной“ нации. Завоевание власти пролетариатом в любой стране есть, по выражению Коммунистического Манифеста, превращение пролетариата в нацию. Нация, следовательно, остается, *но она уже ни при каких условиях не может быть угнетающей нацией.* Пролетариат Великороссии должен был доказать рабочим, а главное крестьянству окраин, что, подобно тому, как он свергнул власть своих национальных поработителей, *сам стал нацией*, вложил тем самым иное — мирное, культурное содержание в это, прежде воинственное и эксплоататорское, понятие, так и они, держась того же пути, необходимо сольются в тесный круг равноправных товарищей-наций.

247. Что значит „державная нация“. Кто из них будет „державной нацией“? — Та, которая окажется впереди в благородном соревновании по организации социалистического хозяйства. В чем выразится ее державность? — В материальном богатстве, в культурном преуспеянии, в высоком духовном развитии. Какое же применение сделает она из своей державности, в чем видит смысл этой державности, какие обязанности принимает на себя вместе с ней? — Помощь отсталой нации, уступка, *жертва в ее пользу*, поддержка братской руки, которая настолько сильна, что вытащит из любой беды, поддержит при любом переходе, и настолько мягка, что не даст никогда почувствовать своего превосходства, никогда не оскорбит и тенью высокомерного покровительства, никогда не отравит этой помощи усмешкой снисходительного пренебрежения. И то, и другое, и третье было бы, прежде всего, глупо, потому что своего относительного могущества нация, оказавшаяся державной, могла достигнуть только при помощи союзных наций всех вместе и каждой в отдельности.

Итак, вся суть вопроса в следующем: *кто олицетворяет нацию?* Если буржуазия — тогда грызня и утеснение. Если пролетариат — тогда сотрудничество и равноправие.

248. Крестьянин, как охранитель национальных черт. И это надо было доказать на деле. Во всякой стране наиболее косным охранителем национальности является крестьянство. Это понятно, ибо производственные условия, в которых живет крестьянство, особенности земледельческого хозяйства обусловливают общую инертность и консервативность землероба. Отсюда приверженность к старине, к национальной обособленности, к национальному наряду, языку, свычаям и обычаям. Но именно эти естественные симпатии инонационального крестьянина веками отрицались и втаптывались в грязь господствующими классами России. Украинский крестьянин, как и белорусский, татарский и иные, из поколения в поколение терпел систематические надругательства над тем, что ему — мужику — свято и дорого. Его землю грабил русский помещик, его самого драл русский чиновник, его муштровал русский офицер. Мудрено ли, что он с молоком матери всосал недоверие ко всему русскому и отчаянную, безудержную мечту на своей собственной *земле* со своим собственным *языком* пожить самому себе *хозяином?*

Этому законному желанию угнетенных наций России пролетариат пошел навстречу. Он мог так сделать не только потому, что того требовали его конечные цели, как дальновидного политика, а и потому, что лозунги защиты и покровительства порабощенным нациям всегда стояли на его знамени. В данном случае он поступал, конечно, сообразно с определенными конкретными условиями и требованиями времени и обстоятельств, но и следовал в то же время своей программе, созданной в опыте классовой борьбы и соответствующей его социалистическому мировоззрению. Ставши хозяином положения, он показал, что слово его не может расходиться с делом. И было очевидно, что претворение слова в дело, обеспечив пролетариату доверие инонационального крестьянства, как необходимой предпосылкой социалистического строительства в СССР, и завоюет ему симпатии всех угнетенных империализмом наций, что приблизит мировой переворот.

249. И вот, следовательно, в каком смысле можно говорить о национальном вопросе в советском государстве: это вопрос *национального выравнивания по линиям хозяйственной, политической и культурной* [263], вопрос уничтожения фактического неравенства национальных сил, как наследия буржуазного гнета и колониального рабства. Старая Россия проводила по отношению к своим окраинам ту же программу, какой придерживается всякое буржуазное многонациональное государство: всеми мерами душить в зародыше обрабатывающую промышленность колоний, культивируя в них лишь рынки сырья и сбыта для державной метрополии. На почве этой экономической, искусственно поддерживаемой, отсталости и возвышалась, разумеется, надстройка общественного, культурного и административного рабства, разрушить которую можно лишь основательным хозяйственным землетрясением с его отдельными моментами вроде переноса фабрик к источникам сырья (в Туркестан, Башкирию, Киргизию, на Кавказ), борьбой с традициями старой переселенческой политики, возвращением туземцам пахотных и иных земель, захваченных кулаками-колонизаторами, и проч [264]. Для капиталистического государства эмансипация инонациональных окраин — разорение, распад и гибель, и сообразно с этим национальный вопрос для него есть вопрос экономического и политического господства привилегированной державной нации над нациями слабыми, отсталыми, подчиненными; для Советского государства с его плановым хозяйством и отсутствием эксплоататоров всесторонее выравнивание национальных частей — залог силы, процветания, успехов, и соответственно с этим национальный вопрос здесь — вопрос ликвидации всякой исключительности, привилегированности фактической и юридической. Внешним образом это стремление эксплоатирующей нации буржуазного государства сохранить свое главенство выражается всегда одинаково, совершенно независимо от большей или меньшей „демократичности“ этого государства: национальность господствующей нации есть воинствующая национальность, она всегда нападает и, нападая, действует испытанным оружием: *ассимиляцией*. „Мы — заявлял не так давно Рузвельт в „свободной“ американской республике — приветствуем немца, ирландца, стремящихся сделаться американцами, но нам не нужен чужестранец, не желающий отказаться от своей национальности“. [265] А в самодержавной России какой-нибудь Столыпин громко и официально провозглашал то же самое несколько иными словами: „Сплотитесь сначала, — говорил он полякам, — общенациональным цементом... Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть *русским* гражданином... и получите все права“! [266] Ассимиляция же потому хорошее оружие воинст-

вующей национальности, что всегда может сослужить ей и классовую службу. Крестьянско-рабочие низы подчиненных наций поддаются ассимиляции очень туго, либо вовсе не поддаются, зато капиталистические и землевладельческие верхи перенимают язык, нравы, религию господствующей нации и, приобщаясь таким образом к „высшей культуре", образует более или менее единый собственнический фронт в то время, как простонародье, разделенное национальными перегородками, коснеет в предрассудках, темноте и беспомощности и представляет удобнейший материал для эксплоатации.

250. **Признание права на отделение, как одна из гарантий целости государства.** Но этим законным желаниям угнетенных наций России могло соответствовать только провозглашение их права на самоопределение. Содержание же и применение этого лозунга заранее определялось рассмотренными выше понятиями нации и национальных стремлений. Предоставить каждой нации самостоятельность и равенство во всем, „в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить „свое" государство" [267]. Другими словами, возвратить нациям то, что у них было отнято, и что им по праву принадлежит. Провозгласить право наций на отделение может, конечно, лишь такое государство, которое действительно способно предоставить этим нациям, в случае их отказа воспользоваться правом на отделение, ту полноту государственных прав, которая им нужна, и которую они в состоянии использовать. В этом смысле и сказано было, что „признание права на отделение уменьшает опасность распада государства" [268], делает ненужным фактическое отделение.

251. Такое признание, исходящее со стороны государства, которому незачем лицемерить, которое действительно способно осуществить свое обещание, *сразу же ставит национальный вопрос на новую почву*: оказывается, что тут-то и возникает возможность учесть все конкретные особенности, которые в каждом данном случае существенно отличны и требуют поэтому особого рассмотрения и особого вывода. Оказывается, что „экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию, — таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно должна устроиться та или иная нация... При этом возможно, что для каждой нации потребуется особое решение вопроса". [269] Безусловное отделение вовсе не есть во всех случаях самый лучший и неизбежный исход.

Действительно, объявленным в ноябре 1917 года правом „народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства", [270] различные нации воспользовались по разному. И только там, где в конечном итоге гражданских войн 1918 — 1920 годов одолела буржуазия (Прибалтийские страны и Польша) и где, следовательно, возобладали экономические и политические течения, коренным образом враждебные трудящимся, только там утеряны были все государственные связи с революционным СССР. Но в исторической борьбе за социализм отделение этих стран от Советской России — необходимый эпизод: будущее покажет, что таков был единственный возможный путь роста классового самосознания пролетариата этих стран и освобождения всех его сил для борьбы с его буржуазией. Там же, где восставший пролетариат закрепил свое господство, превратил самого себя в нацию, там эта нация нашла такую форму государственного сожительства с другими советскими нациями, которая наиболее отвечала ее экономическому и политическому состоянию.

Рассмотрим эти формы поближе.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Автономизм и федерализм у буржуазии.

252. Формы децентрализации. Всем известно, что эти формы суть автономия и федерация. Отнюдь нельзя сказать, чтобы наука располагала сколько-нибудь четкой постановкой этих понятий. Юридические определения федеративного устройства отличаются „роковой искусственностью“ [271]; по вопросу об автономии в литературе царит хаос [272]. Самое „слово это в науке не имеет твердо установленного значения“ [273]. Ниже будут видны причины того и другого. Пока отметим, как можно — схематически, по крайней мере, — ориентироваться в этих понятиях. Если представить себе, как мыслимую единицу измерения, государство с могучей центральной властью, которое посредством чиновников, подчиненных исключительно центру, управляет страной так, что не допускает свободы, инициативы и самостоятельности населения в отправлении функций, имеющих даже чисто местное или временное значение, то получится образец *централизованного* государства. Если вообразить, далее, такое уклонение от этого образца, при котором управление собственным имуществом и собственными хозяйственными делами предоставлено городам, общинам, областям посредством ими же избираемых и сменяемых органов, получатся начала *децентрализации, административного самоуправления*, которое может, конечно, принимать разные формы, суживаясь и расширяясь. Когда же отдельная область, обладающая более или менее выраженной собственной физиономией, рядом характерных особенностей и интересов, приобретает право самоуправляться на основе ею же для себя издаваемых местных законов, так что определенные сферы местной жизни регулируются не общегосударственным законодательством, а местным, то область эта имеет, значит, *автономию* (самозаконодательство), *политическое самоуправление*, которое, опять-таки, способно принимать разнообразные формы и колебаться в объеме. Во всяком случае, за центральной властью остается право контроля над автономной частью, право утверждать или не утверждать ее законы. Если же автономная область освобождается из-под этого контроля и в пределах отведенной ей сферы законодательства действует бесконтрольно, то она превращается в федерированную область, сама становится государством, частью федеративного государства, которое одно продолжает сохранять верховную власть.

253. Различные формы децентрализации суть лишь различные формы угнетения. Нечего и говорить, что многообразие политических форм далеко не укладывается в эту схему, да и не может уложиться в какую бы то ни было. И все попытки науки изобрести сколько-нибудь устойчивые мерила для различения самоуправления административного и политического, автономизма и федерализма, ломаются жизнью словно в насмешку. Это понятно, если принять во

внимание, что во все стадии существования государства, его — это государство — так приспособлял к своим жизненным интересам господствующий класс, чтобы властвовать над подчиненными массами с соблюдением двух условий: наибольшей прочности власти и наименьшей затраты сил. Следовательно, в разные эпохи в разных собственнических государствах цели господства всегда одни и те же, способы же господства чрезвычайно многообразны. И так как государство есть нечто очень материальное, вещественное, так как власть его действует на территории, части которой обычно различаются климатическими, географическими, почвенными и всякими иными условиями, и над населением, различные группы которого имеют различное историческое прошлое, своеобразные бытовые навыки, пестрые хозяйственные интересы, то перед господствующими классами всегда стоит один из существеннейших вопросов власти: *как наивыгоднейшим образом примостить многообразные части государства к единой власти государства?* Как добиться того, что единая цель государства — удержание в повиновении подвластных масс — осуществляется в разных местах — пусть по разному, но одинаково успешно, а главное, согласно единому верховному интересу правящего класса: сохранение *его* форм частной собственности?

254. Стремление крупного капитала к единству эксплоататорской власти. Особенные же трудности приходится преодолеть при разрешении этой задачи современному, буржуазному государству, которое непосредственно в своих руках сосредоточивает огромные материальные ценности и, поэтому, все более заинтересовывается в подчинении своей централизующей указке всех отраслей государственной жизни, всех областей государства. При той тесной экономической взаимозависимости, в которую вступают отдаленнейшие части капиталистического государства, оно все более нуждается в единстве хозяйственного оборота. А этого единства оно добивается не только тем, что закрывает внешние границы, воздвигая таможни и учреждая пошлины, но и тем, что стирает все внутренние границы и доводит до высшего развития пути и способы сообщения. Тогда проблема *распределения власти* между центром и частями государства приобретает исключительную сложность и важность, и ее характернейшим моментом становится стремление крупного капитала в одном месте сосредоточить всю организующую и руководящую силу государства, предоставляя тем или иным частям его лишь отображать эту силу более или менее по своему. Крупный капитал — монополист и централист, по самому существу своему. Он органически не выносит соперничества. Но обессиливая конкурента, он до времени не стирает его с лица земли, а сообщает ему иллюзию самостоятельности и самобытности, в то время как он — только слуга и бледная, немощная копия господина. Так акционерное общество подчиняет себе в лице двух - трех воротил многолюдную толпу держателей мелких ценностей, из которых каждый, однако, волен мнить себя одним из полноправных вершителей судеб предприятия. И в руках современного государства довольно старые понятия децентрализации, самоуправления, автономии и федерации превратились в такие средства очень различно осуществляемого властвования над частями территории и населения, при котором эти части делят с центром власть управления и законодательства, оставляя, однако, центру львиную долю этой власти и самую возможность по своему усмотрению нормировать и перераспределять сферы и содержание долей. В особенно типичных случаях эта возможность безгранична: при наличии соответствующей фактической силы центральная власть в состоянии вполне правомер-

ным, конституционным актом превратить государство из федеративного в унитарное! (См. ниже). Для этого буржуазия широко пользуется понятием *суверенитета*.

255. Суверенитет и его сверхъестественные свойства. Суверенитет именно и есть юридическое олицетворение всемогущества и всевластия государства. Когда хотят сказать, что государственная власть юридически неограниченна, непроизводна и независима, то говорят: государство суверенно. А из непроизводности и независимости государственной власти вполне логически вытекает ее *единство* и *всемогущество*. Если государственная власть есть высшая, верховная, то не может быть двух или более государственных властей в одном государстве, как не может быть больше одной высшей точки в одной плоскости. Где не одна государственная власть, там и не одно государство. Государство всегда суверенно. Оно всегда едино. Оно может уделять своей части скольугодно значительную по объему и содержанию власть, но эта власть не будет суверенною, т. е. государственною. Если же нет над государственной никакой другой юридической власти, ни в государстве, ни вне его, то очевидно, что именно государственная власть одна, без соперников, в праве распоряжаться всеми рессурсами государства. Никакой орган и никакое учреждение государства не может ему оказать помеху в этом осуществлении верховной власти, не оказываясь виновным в неповиновении или мятеже. Гусударство, значит, юридически всемогуще, и никакая часть его, какими бы широкими правами она, вообще, ни обладала, не может на законном основании тягаться с ним, ибо она только часть, производная и подначальная.

256. Суверенитет и государство. Это понятие суверенитета подверглось в новейшее время со стороны некоторых ученых пересмотру, в результате которого суверенитет вышел еще более возвеличенным. Как объяснить существование государств, являющихся членами более обширных государственных союзов и не перестающих, все-таки, быть государствами, как об этом настойчиво твердят факты? Государства-члены федераций, в роде швейцарских кантонов, американских штатов, германских республик (раньше монархий), как будто обладают государственной властью, но очевидно, вместе с тем, что эта власть не есть верховная: над ними возвышается господство союза. Каждый член союза располагает определенной сферой самостоятельности. Внутри этой сферы он — настоящее, повидимому, государство с собственной территорией и подданными, над которыми он осуществляет государственную власть. Но эту сферу верховная власть союза в праве суживать или расширять по своему усмотрению. С точки зрения теории, признающей тождество государственной власти и суверенной власти, такие государства, лишенные суверенитета, не суть государства. Подобный вывод явно противоречит действительности. С другой стороны, признание их государствами неминуемо означало наделение их суверенной властью, т. е. дробление суверенитета внутри союзного государства, уничтожение единства суверенитета, его могущества, — одним словом, скандал.

257. Государства суверенные и несуверенные. После долгих колебаний блюстители достоинства суверенитета вышли с честью из испытания. Открыли, что суверенитет и государственная власть — вещи разные, и что суверенитет вовсе не необходимый признак государственной власти. Все дело в том, кем устанавливается компетенция государственной власти, круг отраслей, дел, предметов, от нее зависящих: если компентенцию эту устанавливает для себя само госу-

дарство, оно имеет, значит, исключительную способность самоопределения — оно суверенно; если другое государство, — оно несуверенно. Поэтому, члены союзного государства суть государства, лишенные суверенитета. Он остается властью непроизводной верховной, юридически неограниченной, и когда несколько государств объединяются в союзное государство, то последнее не есть простая сумма их, а новое государство, отличное от каждой своей части, и ему-то, как таковому, принадлежит суверенитет.

258. Обожествление суверенитета и его действительная роль. Как видно, суверенитет—независимый, единый, всемогущий — приобретает характер божества. И со времени великой французской революции, в течение всего XIX столетия, ученые усердно занимались тем, что выискивали все новые «аттрибуты» этого божества, как жрецы для вящшего возвеличения своего идола вдохновенно открывают у него все новые божественные «ипостаси», чтобы еще больше ошарашить верующее стадо. Суверенитету приписали неделимость, непогашаемость, неотчуждаемость, наконец, вездесущность и вечность, и если бы интересы буржуазии потребовали, чтобы суверенитет исцелял больных и воскрешал мертвых, это было бы, в сущности, очень легко сделать [274].

В действительности, суверенитет не имеет в себе ничего небесного. Это историческое понятие, возникшее в классовой борьбе и ставшее орудием классовой борьбы, чтобы потом через поповское бормотание буржуазных ученых превратиться в теологическое пугало для угнетаемых масс. На исходе средних веков борьба королей с императорами, папами и феодалами означала нарождение городской буржуазии с денежным хозяйством, восстававшей против отжившего феодализма. В этой борьбе молодые национальные монархии с особенной силой воспользовались уже раньше в схватке между церковной и светской властями возникшим представлением о суверенитете, как о верховной власти, которая никому, следовательно, не может быть подчинена. Суверенитет уже тогда был чисто служебным, боевым, «полемическим» [275] понятием, привлеченным на службу королевскому абсолютизму, под сенью которого расцветала юная торговая буржуазия. Когда же последняя почувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы добить феодалов и вместе с ними выродившееся самодержавие монарха, она вспомнила учение, выработанное еще средневековыми схоластами, защитниками церкви, о том, что суверенитет принадлежит народу, у которого его, дескать, узурпирует монарх [276]. И тогда, после удачной революции, суверенитет был целиком перенесен на все общество, и идея национального суверенитета, уже неотчуждаемого (он принадлежит не столько нации, сколько национальным поколениям: живым так же, как и мертвым и еще нерожденным [277]) и неотъемлемого (пусть узурпатор захватит власть, — все же никакая давность не сделает его носителем суверенитета!) обошла в торжествующем шествии весь буржуазный мир.

259. Буржуазия спасает суверенитет от покушений пролетариата. Однако, так как вся история суверенитета убеждала буржуазию, что это беспринципное создание довольно легко меняет своих господ и в известный момент может сослужить пролетариату такую же службу, какую сослужило буржуазии, то еще Кант пришел к необходимости признания государства особой сущностью, независимой от составляющих его индивидов, чем открыл возможность для Шеллинга и Гегеля проделать над суверенитетом очередную операцию перевоплощения: отвлечь его как от монарха, так и от народа и неразрывно связать с государством [278]. Когда же экономическое развитие XIX века создало германскую федерацию и с ней ряд политических фактов, упорно не соглашавшихся со старой конструкцией суверенитета, то идея Канта — Гегеля оказалась особенно плодотворной в руках современных германских ученых. «Суверенитет монарха, народный, национальный» — все это «поток фраз», плохих уже тем, что они — французские [279]. На самом деле, суверенитет принадлежит не лицу, не группе лиц, не органу, а государству. Государство же есть нечто отличное от нации, отличное от индивидов, отличное от территории [280], хотя оно, в то же время, есть территориальная корпорация нации, состоящей из индивидов [281]. Вот, этому государству, как таковому, как целому, которое, в свою очередь, есть единство, а не сумма составных частей, и принадлежит суверенитет.

Круг буржуазного развития суверенитета, таким образом, завершен. Над ним одержана своеобразная победа. Сохраняя все свои колдовские черты, которыми он так

дорог и мил господствующему классу, он лишается отныне своей коварной способности кочевать в пределах государства от одного класса к другому. Он — свойство самого государства, и есть, значит, нечто столь же отвлеченное от индивидов и классов, как и само государство. Падает тогда всякий смысл революционного лозунга «национальный суверенитет». Характер курьеза принимают всякие споры о том, кому внутри государства принадлежит суверенитет [282]. Не может уже быть борьбы за национальный суверенитет, за верховенство нации, раз признано, что объект борьбы не существует.

Так достигшая власти буржуазия тщится замести все следы, чтобы по ним не прошел новый революционный класс.

260. Она блюдет его нерушимое единство. Попутно это перемещение суверенитета дало возможность справиться с насущными практическими затруднениями современности. Если понятия суверенных или несуверенных нации, монарха, органа вообще ненаучны и нелогичны, если суверенитет, как признак, может сопутствовать только государству, то вопрос о том, возможны ли несуверенные государства, отнюдь не совпадает с вопросом, возможны ли несуверенные нации, и для национального самолюбия, следовательно, теряет всю свою остроту. Ряд фактов, имевших место в XIX столетии, подчеркнул существование союзов, которым невозможно отказать в государственном достоинстве, но очень опасно приписать юридически неограниченную верховную власть. Политически удобный и притом единственно «научный» выход — в конструкции несуверенных государств. Необходимою чертою государства признан был не суверенитет, остающийся властью неограниченной, верховной, а способность иметь «собственное» право законодательства, управления и суда [283], хотя бы и в ограниченной сфере. «Критерий верховной, высшей власти состоит в том, что она сама себя определяет и ни от какой другой власти не получает юридически обязательных предписаний» [284]. Такова суверенная власть. Сообщенная государству, она делает его суверенным государством. В то же время «несуверенное государство самоопределяется свободно лишь в пределах, отмежеванных его государственному ведению» [285] таким образом, что оно — «государство-член — есть суверен по направлению книзу и подданный — по направлению кверху» [286]. Такое свободное, хотя бы и узкое, самоопределение и «собственные», хотя бы и в тесной сфере, законы предполагают наличие собственного высшего органа, не совпадающего с органом другого государства [287]. И только там, где нет и этого, где «союз, осуществляющий господствующую власть, получил от другого, стоящего над ним, государства свою организацию в качестве закона, исходящего от этого последнего, там нет государства» [288], не только суверенного, но и не суверенного. Северо-Американские Соединенные Штаты, швейцарская федерация, союзная Германия суть по этой конституции суверенные государства; штат, кантон, отдельный член германской федерации — тоже государства, но лишенные суверенитета, великобританские же автономные колонии и им подобные образования (Финляндия в составе б. Российской империи, Кроация в Венгрии, Эльзас-Лотарингия в Германии) не суть вовсе государства.

261. Учение о суверенитете есть учение о национальных интересах буржуазии. Таким образом, суверенитет был спасен не только от завоевания враждебным буржуазии классом, но и от раздробления и с ним сопряженного умаления. Эту верховную, неограниченную, единую и всемогущую власть буржуазия решилась цепко держать в своих руках, не уступая никому и не делясь ни с кем. В данном случае, как и вообще, наука лишь покорно поспешала за практическими потребностями обслуживаемого класса, варьируя свои построения в полной зависимости от той или иной национальной ситуации. В Германии невозможно, в виду ряда специфических явлений, сохранить единство суверенитета иначе, как путем отделения его от государственной власти и превращения в необязательное свойство этой власти. Ныне, поэтому, «воззрение, что суверенитет не является существенным элементом в понятии государства, является господствующим в Германии» [289]. Во Франции же (и в Италии), где подобные явления не навязываются непосредственно вниманию, удобно и выгодно продолжать отождествление обоих понятий и не признавать государством союз, лишенный суверенитета [290].

262. Как размежевать власть, не затрагивая ее единства? Так или иначе, мы видим, что вопросы автономизма и федерализма тесно переплелись в буржуазной науке с проблемой государственного суверенитета. Вся чрезвычайная сложность капиталистических отношений, трагическая необходимость примирить противоположные интересы крупного централизаторского капитала

со стремлениями мелко-буржуазных слоев спастись от его удушающих объятий, необходимость согласовать единство и могущество государственной власти с многообразием вечно сталкивающихся интересов и конкурирующих сил, наконец, ясно обозначающаяся в последнее время экономическая слабость буржуазии, заставляющая ее чаще и чаще вмешивать государство в хозяйственные отношения, расшатывая его аппарат непосильным напряжением и вызывая сопротивление и возмущение отдельных государственных частей, все вместе — источник непреодолимых трудностей в деле размежевания власти между центром государства и его частями. С одной стороны, капиталистическое государство сознает свою полную неприспособленность к управлению из единого центра хаосом интересов и страстей, из которых оно состоит, с другой — неумолимой силой хозяйственного развития оно толкается ко все большему вмешательству во все области общественной жизни, и спрос на расширение полномочий центральной власти растет повсюду с каждым днем. В таком расширении полномочий заинтересованы, в конце концов, сами места, все более втягиваемые в общее колесо хозяйственного оборота и лишенные возможности своими силами справиться с собственными нуждами, — они готовы воззвать к помощи своего центра, но из жестоких рук эксплоататорского государства они могут получить эту помощь только за ростовщичьи проценты экономического грабежа и политического угнетения. Эти безысходные противоречия выражаются во внешних формах крайне разнообразно. Известно то нелепое противоположение, которое установилось между центральным управлением и местным самоуправлением.

263. Государственное единство против самоуправления. а) Старая «общественная» теория самоуправления прямо исходила из обособленности общества от государства и была лишь одним из выражений борьбы за буржуазные свободы, за неограниченную стихию рынка. «Она в своем последовательном развитии приводит к тому, что сводит понятие самоуправления к общему понятию свободы общения[291]. Свободу самоуправления провинция сумела завоевать в жестокой борьбе (о которой никогда не следует забывать[292]) только потому, что свобода эта составила лишь элемент в общей системе буржуазных свобод. Государство не могло видеть в этом умаление или дробление своего суверенитета; напротив, оно вскоре оценило в местном самоуправлении средство самоорганизации господствующег класса, «способность давать народу политическое воспитание и подготовлять к участию в высшей правительственной власти»[293] (т.-е., укреплять и поддерживать могущественную государственную власть).

264. б) государственная теория. Однако, с течением времени оно все чаще пользуется всяким случаем, чтобы доказать местным выборным учреждениям, что они только создание законодателя, и никаких собственных первоначальных прав не имеют. Параллельно с этим растет тенденция к расширению прав и инициативы центральной власти в устроении чисто местных дел, и даже такие классические страны самоуправления, как Англия и Северо-Американские Соединенные Штаты, должны считаться с «довольно серьезной реакцией против системы крайней децентрализации, которая проведена была в жизнь в средине девятнадцатого столетия»[294]. Выдвигается новая — «государственная» — теория самоуправления, решительно навязывающая местным выборным органам значение государственных учреждений и тем ставящая их на определенное место в административной иерархии с подчинением общему государственному ранжиру: «в настоящее время общепризнано, что органы самоуправления осуществляют функции местного государственного управления и являются органами государства»[295].

265. Государственное единство против автономии. Но с еще большим недружелюбием относится государство к политически самоуправляющимся частям, вполне последовательно рассматривая автономию „следующей ступенью в смысле умаления государственного единства“,[296] значит, и могущества. И оно употребляет на практике героические усилия, чтобы высоко утвердить свое верхо-

венство, свой суверенитет над всеми проявлениями особенности и самостоятельности этих частей, и самую эту самостоятельность теоретически обосновать, как дар самоограничивающегося суверенитета.

266. Единство и автономизм в Великобритании. Образцом подобного отношения государства к своим частям может послужить Британская империя с ее многочисленными и многоразличными владениями во всех частях света. Хотя все английские владения и можно схематически разбить на четыре группы, [1]) относя к первой те, где непосредственно властвует губернатор, назначаемый лондонским правительством (Гибралтар и др.), к второй и третьей — владения, где при губернаторе состоит совет, целиком назначаемый им же или Лондоном (Новая Гвинея, Гонгконг, Цейлон и др.), или частично выбираемый некоторыми слоями местного населения (Ямайка, Мальта и др.), к четвертой, наконец, те, где совет строится по образцу парламента, и губернатор из партии большинства последнего назначает министерство, политически ответственное перед парламентом (Австралия, Канада, Ирландия, Южно-африканская уния и др.), — однако, к писанным законам, регулирующим отношения всех этих земель к метрополии, примешивается огромная доля неписанных (конвенциональных) правил, созданных обычаем и практикой и неподдающихся никакой кодификации [297]. Во всяком случае, юридическая роль губернатора в автономных колониях четвертой группы, облеченного правом отказывать в утверждении парламентских законопроектов, изъятие ряда вопросов из ведения местных правительств (управление армией и флотом, хотя бы и колониальными, законодательство в области торгового мореплавания), невозможность для автономной колонии изменить свою конституцию без соизволения вестминстерского парламента, в то время как последний в праве любым образом перекраивать колониальную конституцию без всякого участия колонии, — все это, при весьма невысоком уровне местных законодательных учреждений, состоящих из „жирных воров, хорошо воспитанных мошенников, подкупленных ораторов, продажных тварей“ [298], дало возможность английской государственной власти ревниво оберегать свой суверенитет и добиться того, что Британская империя до мировой войны „формально, а так же фактически представляла единое целое, в котором кабинет метрополии с опорой в лице парламента определенно держал в своих руках все нити внешней политики“ [299]. Война, во время которой метрополия самым эгоистическим образом использовала свои колонии, беспрекословно подчинившиеся диктаторской власти лондонского премьер-министра, и последовавшие события, заставившие Англию вследствие исчезновения европейских рынков обратить все взоры на колонии, еще более усилили ее суверенные замашки и умножили попытки укрепить единство и могущество верховной общеимперской власти.

267. Протекционизм и усиление централистских течений. Если принципы свободной торговли позволяли лондонским капиталистам баловать некоторые колонии довольно широкими правами самоуправления и оставлять без применения огромные юридические права метрополии, то поворот к охранительным пошлинам должен ознаменовать начало ее энергичного вмешательства и во внутреннюю жизнь доминионов, для чего при наличии соответственной фактической силы юридическое основание давно готово: ни одна из абсолютистских «прерогатив» короля не отменена, они только не применяются, и если это «спящее право» понадобится империализму, он его разбудит вежливым толчком. Парламентские обычаи Англии не допускают, как известно, отказа короля в роспуске палаты общин, если того требует глава кабинета. Тем не менее, уже сейчас

1) Индия не войдет ни в одну из них.

строятся планы воскресить это законное право отказа в том случае, если правительство Рабочей Партии, укрепив свою популярность среди трудящихся масс удачной политикой, потребует новых выборов в надежде обрести в новом парламенте уже решительное большинство, независящее от либералов [300].

268. Причины разнообразия буржуазных автономических форм. Это разнообразие автономических форм, которое еще пестрее выступает, если привлечь исторические примеры прежней Австро-Венгрии, проистекает от того, что в капиталистическом государственном строе та или иная форма автономии для той или иной области *не есть вопрос справедливости и равенства, а только силы.* Алчная клика, сидящая в центре на своих денежных мешках, озабочена лишь одной мыслью: как выгоднее и удобнее эксплоатировать всю страну, вообще, и каждую ее часть в отдельности? И сообразуясь с реальными условиями силы своей и силы эксплоатируемых, она решает различно в каждом данном случае форму государственно-правового положения области так, что эти юридические формы всегда и вполне соответствуют характеру и степени экономического подчинения [301]. Но так как соотношение сил беспрерывно меняется и в общем достигает чрезвычайной пестроты, то отсюда и пестрота форм самоуправления и автономии, приводящая в отчаяние государствоведов и лишающая всякого содержания самый термин „автономия".

269. Государственное единство против федерализма: а) Америка. Приблизительно так же обстоит дело и с федерациями. История двух замечательнейших государств этого рода, Соединенных Штатов Северной Америки и Швейцарии, есть в большой степени история борьбы союзной власти за суверенитет, за верховенство союза над отдельными членами. С самого первого момента образования федерации американских штатов возникли бурные распри между сторонниками всемогущей центральной власти и защитниками широких прав отдельных штатов, [302] склонными трактовать самую конституцию 1787 года, как договор между независимыми государствами, сохраняющими и в союзе свой суверенитет, а следовательно, право объявлять для себя ничтожными акты союзной власти и выходить из союза (нулификация и сецессия). Это противоречие достигло крайнего обострения в середине столетия, когда наметилась резкая противоположность между экономическими интересами Юга и Севера, и закончило свой острый период тем, что федеральная власть силою оружия утвердила свой суверенитет и заставила каждый штат, вступающий в союз, навсегда ему подчиниться и окончательно отказаться от своей верховной власти [303]. И в наше время власть центрального правительства этой федерации очень мало отличается от власти его в любом унитарном государстве. Уже давно американское правительство „сделалось правительством унитарным" [304]. Это не может быть иначе по существу, ибо Северо-Американские Соединенные Штаты более какой бы то ни было другой страны осуществили концентрацию и централизацию капитала; но и в постановлениях союзной конституции монополист-капитал находит твердое юридическое основание для совершенно официального сосредоточения всей власти в руках центра: шестая статья конституции утверждает право союзной власти издавать законы, противоречащие конституциям или законам отдельных штатов, и обязанность последних этим законам подчиняться. Отсюда же вытекает, что законы штатов недействительны, если противоречат общесоюзным.

270. б) Швейцария. А для того, чтобы держать законодательство отдельных штатов в страхе и повиновении, союзное правительство имеет отлич-

ное оружие в лице союзного суда. Здесь действует в высшей степени характерное правило: если суд штата решает, что тот или иной законодательный акт штата *нарушил* союзную конституцию, то решение это окончательно, и с законом этим никто не будет считаться. Но если суд штата найдет, что закон штата *согласуется* с союзной конституцией, то такому решению союзная власть вовсе не обязана верить: оно может быть пересмотрено союзным судом[305]. Союзная власть, следовательно, прямо и бесцеремонно говорит суду штата: ты можешь, если хочешь, блюсти *мои* интересы в *твоем* штате от его покушений, а я позабочусь о защите своих интересов от твоих собственных посягательств. И так, все, что ты запретил своему штату — то запрещено; все, что ты разрешил ему... тоже может быть запрещено.

Совершенно сходное положение наблюдалось и наблюдается в Швейцарии. Союзный договор 1815 года сохранил за отдельными кантонами полностью права незавзсимых государств. Это не помешало союзной власти пойти войною на семь (из двадцати двух) кантонов, не подчинившихся ее постановлениям. И здесь силою победоносного оружия был освящен верховный суверенитет союза, вскоре после чего пришло и правовое „основание“ в виде федеральной конституции 1848 года. Это основание было еще расширено и укреплено двадцать шесть лет спустя, так-что действующая сейчас конституция предоставляет федеральной власти полномочия гораздо более обширные, чем в С.-А. С. Ш.: даже охота и рыбная ловля, даже способы умерщвления животных на бойнях регулируются общесоюзным законодательством (ст. ст. 25 и 25²)! Но и в дела, не подлежащие ведению центральной власти, она может вмешаться и, действительно, вмешивается на законном основании конституции, предоставляющей ей это право в случае „внутренних волнений“ в кантоне при невозможности для кантонального правительства призвать ее на помощь (ст. 16). Практика показала, что понятие „волнений“ и „невозможности звать на помощь“ столь растяжимы, что при желании союзная власть может как угодно распоряжаться в кантонах[306]. В результате, компентенция центра характеризуется так: она простирается на те вопросы, которые ей отведены и на те, которые ей не отведены[307]. Единство и всемогущество — суверенитет — федеральной власти здесь, как видим, соблюдены в полной мере. В этих условиях провозглашение конституцией суверенности кантонов (ст. 3) есть, конечно, не более, как дань тщеславию мелкой буржуазии и лицемерию крупной.

271. **в) Германская Империя.** Что же касается третьей федерации, б. Германской Империи, то здесь дело создания и укрепления суверенитета союзной власти обошлось без междоусобной брани только потому, что экономически и политически возвысившаяся Пруссия сразу приобрела роль бесспорного гегемона в союзе. Никакое соперничество с нею, имевшей $^3/_5$ общего числа населения империи, немыслимо было для прочих государств союза, располагавших $^2/_5$ населения. И своей силой она воспользовалась для образования чисто-военного государства, в котором отсутствовала всякая почва для оспаривания верховенства и всевластия центра. Имперская конституция свела почти к нулю законодательные права отдельных членов союза, она закрепила за прусскими королями право возглавлять германскую империю на все предбудущие времена в верхней палате — союзном совете, — наделенной правом в любое время распустить нижнюю палату — рейхстаг, — она предоставила Пруссии семнадцать голосов и постановила, что никакое изменение конституции не может пройти,

если против него выскажутся четырнадцать голосов (ст. 78). Не довольствуясь этим и пользуясь своими фактическими преимуществами подлинного хозяина Германии, Пруссия опутала ряд государств Союза специальными договорами, в результате которых она получила их войска в свое распоряжение, как часть армии прусской, хотя и без того император германский король прусский был верховным вождем единой германской армии. При таких условиях говорить о старой Германии, как о федерации, т. е. союзе равноправных государств, было совершенно невозможно. Немецкие ученые не скрывали, что по смыслу ст. 78 (второй абзац) федерация эта может в обычном парламентском порядке превратиться в унитарное государство[308]. Если Пруссия этой возможностью не пользовалась, то разве потому, что с точки зрения единства и могущества обще-имперской власти в таком формальном изменении не было никакой надобности.

272. **г) Германская республика.** Современная же германская федерация построена на еще более резко выраженных централизаторских началах. При тех правах, которые конституция 1919 года уделяет общегосударственной власти, основание считать Германию единым государством с автономными частями значительно увеличивается. Эта суверенная напористость центра подчеркивается в том словоупотреблении, которое усвоено основным законом: в то время, как старая конституция именовала, все же, членов Союза государствами (Staat), новая, республиканская, сохраняя за Союзом название „империи“ (Reich), тщательно избегает слова „государство“ в приложении к составным частям, оперируя (довольно неуклюже) терминами „территория“, а чаще — „область“ (Land). Но так как нет уже могущественной Пруссии, — на нее пала главная доля расплаты за поражение, — то эти области, вопреки бумажным полномочиям центра, больше, чем когда бы то ни было, склонны чувствовать себя государствами и оспаривать единство и всевластие Союза, как это сказалось в особенности на примере Баварии. Можно, поэтому, по исторической аналогии заключить, что *буржуазная* Германия не утвердит своего внутреннего суверенитета без кровавой междоусобной борьбы.

273. **Наука освящает всевластие централизованного капитала.** Теперь видно, что буржуазная наука рассуждает вполне последовательно и тогда, когда считает членов федерации не государствами, и тогда, когда признает их несуверенными государствами. Смысл в обоих случаях один: теоретически обосновать и оправдать фактическую беспомощность частей союзного государства, повсюду наблюдаемую, защитить тираническую власть централизованного капитала и сообщить ей правомерное, научное благословение. При всех противоречиях и шатаниях, которые характеризуют научную доктрину в вопросах федерализма, она руководствуется, все же, единым мотивом: юридически осветить жестокую эксплоататорскую машину. Ту же цель преследует она и в разрешении вопросов автономизма. В „научное“ понятие автономии надо во что бы то ни стало вложить такое содержание, которое не только соответствовало бы всем видам и формам современного, по крайней мере, автономизма, но и сообщило бы правовую основу смертельной вражде капиталистического государства ко всякой самостоятельности и самобытности его частей.

274. **Задача очень трудная.** Неудивительно, что все юридические конструкции, стремящиеся разрешить ее, хромают, валятся друг на друга и кувырком летят при легком прикосновении. Выше было упомянуто о попытке разграничить несуверенные государства и негосударства путем указания на собственные законы первого и на его спо-

собность самоопределения (хотя бы и в ограниченной сфере), т.-е., способность самоорганизации. Но что это такое — «собственное» право? Всякое право, осуществляемое субъектом права, есть его собственное право. Все те права, которыми пользуется автономная, например, провинция, есть ее собственное право, раз оно ей принадлежит [309]. Можно ли на этом основывать различие между суверенным государством и децентрализованной частью? Но более того: члены федерации, признаваемые государствами потому, что они, якобы, имеют возможность самоорганизации, в действительности, лишены, как мы видели, и тени этой возможности. Швейцарская и американская конституции предписывают членам союза определенную политическую форму, германская заботится даже о том, чтобы они имели ответственные министерства, иначе говоря, навязывает Land'ам не только закон, но и обычай! [1]).

275. Выводы. Отсюда с очевидностью следует, что вовсе нет и не может быть такого определения федерации или автономии, которое бы к чему-нибудь обязывало. И если, как упомянуто выше, нации Советского государства в поисках наилучших форм совместной жизни приняли эти слова и даже ввели их в свои основные законы, то никак не затем, чтобы дать словам заворожить себя и втискивать пролетарскую сущность советских республик в уродливые формы буржуазной государственности.

То же и с понятием суверенитета. В капиталистической науке термин этот не имеет сколько-нибудь бесспорного содержания. Но в капиталистической действительности это — символ угнетательской мощи, эксплоататорского назначения государства. Повидимому, в конституции Советского Союза в приложении к советским республикам он должен иметь иное, более простое и более мирное значение.

---

[1]) Как известно, любители изыскивать в буржуазных институтах их «юридическую природу» (забавное сочетание слов, вполне, однако, выражающее ту истину, что учреждения и мышление буржуазии столь же юридичны, сколь идеология ее классового предшественника была теологичной и метафизичной) уже согласились на том, что парламентаризм, в тесном смысле, есть область не права, а «конвенциональных правил».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Автономизм и федерализм в советской системе.

276. „Свободная организация по коммунам“! Из того, что нами сказано о нации, вообще, об отношении пролетариата к национальному вопросу, в частности, и о том, наконец, значении, которое в буржуазной практике имеет автономизм и федерализм, следует, что в советской многонациональной стране эти формы государственного устройства возникли из побуждений, принципиально отличных от тех, которыми они порождены у буржуазии, имеют совершенно иную цель и, следовательно, иное содержание.

В самой основе советского строя лежит признание за трудящимися массами полнейшей свободы самоопределения и самоорганизации. Осуществление на практике идеи советов, как органов политической власти, создание советского государства, есть не что иное, как претворение в жизнь этой свободы, ее практический образ, ее действенное лицо. Еще до октябрьского переворота его вдохновитель отдавал себе полный отчет в том, каким, именно, образом могут быть конкретизированы самоопределение и самоорганизация трудящихся: „пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам“ [310]. Организоваться вполне свободно по коммунам, значит — образовать местные властные ячейки таким образом, что законодательство, дисциплина, управление, контроль суть в то же самое время *самозаконодательство, самодисциплина, самоуправление, самоконтроль.* Не по милости старой верховной власти, которой уже нет, не по приказу и не с соизволения новой революционной верховной власти, которой еще нет, рождаются эти властные местные организации, — как бы они ни назывались, — коммуны, общины, городские и сельские советы. Их почва — трудовая спаянность рабочих масс, их организатор — общий производственный интерес, их внутреннее равновесие — единая воля к дружному, согласованному действию, питаемая трудовой смычкой и движимая однородными экономическими потребностями.

277. Это право революционных народных масс самоорганизовываться было в то же время насущнейшей необходимостью, и постольку оно являлось обязанностью, налагаемой на них классовым интересом. Октябрьская революция, разрушившая снизу до верху весь аппарат старого государства, неотступно требовала от рабочего класса и единомышленных с ним слоев крестьянства деятельного осуществления его права: создания нового государства. Так как это была массовая революция, всколыхнувшая и поставившая на ноги глубочайшие низы, то и творческое государственное строительство шло снизу: местные советы и съезды оказались настоящим фундаментом, на котором лишь потом построилась центральная власть, определяющим фоном, на котором лишь постепенно стали вырисовываться очертания центральных органов.

Неудивительно, что „первое время после октябрьской революции советская Россия представляла из себя ряд самостоятельных, не связанных с единым центром Советов“ [311]. Иначе и быть не могло. Достоинство этой революции в том и состояло, что она не была произведена по указке какого-то административного центра. Советы *должны были* сначала организоваться сами, „вполне свободно“, как предвидел еще до переворота Ленин, на чистом месте низвергнутого и разрушенного буржуазного государства, а потом уже в их бытии мог почерпнуть силы фактом этого бытия созданный центр. И этот — второй — момент тоже, как увидим дальше, предусмотрел Ленин.

278. „Объединение действия всех коммун“! В болезненном и трудном процессе становления „независимые и разрозненные“ Советы сразу, однако, получили в руки такой козырь, который чудесно предохранил их от анархии и предрешил мирный и сравнительно стройный характер их последующего объединения: они *с самого начала были объединены общей ненавистью к эксплоататорам и общностью борьбы с ними* [312]. Поэтому, характер дальнейшего государственного советского строительства вырисовывался с очевидностью не только из хаоса первых дней „всей власти на местах“, но был предопределен и до переворота: после захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством, после свободной организации по коммунам, они „*объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу“ [313]. Самым ценным, самым характерным, самым революционным было, однако, не объединение само по себе, а характер этого объединения: *оно было добровольным.* Мы видели, какие жестокие усилия должна употребить буржуазная государственная власть, чтобы преодолеть центробежную тягу частей. Там повитуха объединения — междоусобная война, спаивающий цемент сделан там из крови и железа. Что значит в сравнении с этим та — пусть крупная — разноголосица, которую мы имели в конце 1917 и начале 1918 года, пока центр и места не спелись? Ведь уже в июне 1918 года первый съезд председателей губисполкомов удостоверил, что вредное толкование лозунга „вся власть советам на местах“, как своего рода независимость от общественного центра, бесповоротно прошло“ [314]. „*Добровольный* централизм, *добровольное* объединение коммун в нацию“ (курсив мой — Г.) был третьим отличительным моментом первоначального становления советов, опять-таки задолго предвосхищенный Лениным [315].

279. Самозаконодательство и самоуправление — органические черты советских „мест“. При таком происхождении местной и центральной советской власти, при историческом первенстве мест над центром и при абсурдности мысли о противоположении одних другому, совершенно очевидно, что местное самоуправление, — не только административное, но и политическое, — есть „нечто естественно вытекающее“, именно потому, что оно не является „противовесом государственной власти“ [316], до того, что самый термин „местное *самоуправление*“ становится, в сущности, ненужным, нелогичным, и, может быть, применяем только по инерции: а разве центральное управление не есть самоуправление пролетариата? Нет вовсе того положения, при котором центр раздает местам дары своего вынужденного благоволения, трусливо взвешивая и отмеривая „овому талан, овому — два“; кому самоуправление, кому автономия, кому ни того, ни другого. Здесь от села до столицы все равны. „Коммуна должна

стать политической формой самых маленьких деревушек"[317]. Никому ничего не дарится, но местность, движимая собственным здоровым классовым инстинктом, не отвергает дружеского совета центра и *берет* себе столько самоуправления, сколько ей по плечу.

280. Необходимость размежевания по нациям. На таких путях мирное и добровольное размежевание по нациям вполне обеспечивалось. Действительно, процесс объединения советов совершался далеко не по-писанному, он часто шел весьма извилистой дорогой. Известно, что советы объединялись сначала по довольно случайным территориальным признакам, в губернские „республики" (Калужская, Донская и др.), в области (Московская, Западная и др.), существование которых не вызывалось никакими действительными интересами. Успешность и прочность революционных завоеваний находятся в непосредственной связи с тем, насколько полно удается пролетариату восставшей страны превратить самого себя в нацию. Решительно вырвать из рук имущих слоев экономическую власть, прочно завладеть аппаратом законодательства и управления во всякой данной стране может только пролетариат *этой самой* страны. „Если не по содержанию, то по форьме борьба пролетариата против буржуазии есть ближе всего национальная борьба. Пролетариат каждой данной страны должен, конечно, сначала покончить со своей собственной буржуазией"[318]. Поэтому, „политика классового расслоения в туземной среде, в среде угнетенных наций должна вестись самой туземной беднотой"[319]. Только пролетариат в состоянии найти общий национальный язык с крестьянскими и, вообще, мелкобуржуазными массами одной с ним нации, только он может сделать новую власть родной и близкой всем трудящимся, и, обращая эту власть на службу исключительно революционным интересам, нисколько не поступаясь ее пролетарским существом, он может облечь ее в национальные формы, подчинив, таким образом, самую национальную идею своим надобностям и целям. Господствовавший класс собственников превращал эту идею в орудие обособленности, дабы никто не мешал ему по-своему эксплоатировать крестьян и пролетариев одной с ним национальности. Господствующий класс несобственников покажет, что всестороннее национальное развитие, широкое и плодотворное использование ценных национальных особенностей возможно лишь в тесном и добровольном содружестве с другими нациями и воспользуется, следовательно, национальной идеей для укрепления своей власти и для того, чтобы выковать из своей страны одно из звеньев в неразрывной цепи пролетарских национальных государств.

Но для этого нации советского союза должны „а) развить и укрепить у себя советскую государственную власть в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения"[320].

Образование и объединение советов, следовательно, должно было итти по национальным линиям. В пределах каждой данной национальной территории пролетариат должен был „организовать единство нации"[321]. Незаменимую же почву для такой организации единства нации, возглавляемой пролетариатом, давали изложенное выше понимание нации и советская система.

281. Программа буржуазии в национальном вопросе. Только при концепции нации, как исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической

жизни и психического склада, представляется полная возможность наполнить действительно революционным содержанием лозунг самоопределения наций. Ибо какой смысл имело бы признание права наций на самостоятельное государственное существование в устах того, кто определяющим моментом национальной общности считает «национальный характер» или свойство определенного содержания сознания, игнорируя язык и территорию? Такие и им подобные характеристики национальной общности изобретены и для того, между прочим, чтобы лишить «научного» основания стремления малых наций к самоопределению, чтобы оправдать и узаконить колониальный грабеж, освятить эксплоатацию наций отсталых, с темным национальным самосознанием, нациями передовыми, постигшими благородное искусство противопалагать себя другим нациям. Объяснить эксплоатируемым нациям, что они вовсе не нации, ибо лишены национальной апперцепции, — очень заманчиво для эксплоататора и сравнительно не трудно. Если же они сошлются на свою территорию и свой язык, полезно по всем правилам науки доказать им, что ни территория, ни язык не составляют необходимых элементов нации и — тут же, пользуясь замешательством, заграбить их территорию и умертвить их язык. Разве этим не исчерпывается программа буржуазии в национальном вопросе?

Нивеллирующий процесс буржуазного государства сокрушающим катком проходит по людям и территориям, и «все так называемые мертвые языки, до сих пор сохранившиеся в таком изобилии, являются живыми свидетелями этого разрушительного процесса» [322]. Так в старой России «от молдаван до финнов на всех языках все должны были молчать» [323].

Иное дело позиция пролетариата. Как раз для осуществления своей программы ему нужно было не лицемерие, не жонглерство фактами, не подтасовка лженаучных истин, а только согласие с жизненной действительностью.

282. Советская система в национальных рамках. Признать самоопределение наций значило для пролетариата, признать за каждой нацией независимо от уровня ее развития право на своей собственной земле со своим собственным языком зажить себе самой хозяином. Трудность и оригинальность положения первых двух лет октябрьской революции в том и заключалась, что не национальные окраины обращали к центральной власти требования свободы и самоопределения, а центр настойчиво приглашал эти забытые, заброшенные, униженные окраины созвать свои учредительные съезды советов, сорганизоваться в своих территориальных границах и взять себе, наконец, столько самоуправления, сколько каждой из них по плечу. Такой, именно, характер носило обращение Народного Комиссариата по делам национальностей к трудящимся восточных губерний [324], обращение, которому предшествовало постановление В. Ц. И. К. и С. Н. К. об образовании „Татаро-Башкирской Советской Республики“ (1918 год).

Существо же, объем, характер этого самоуправления давался уже заранее существом и характером советской системы, которая, как мы пытались показать выше, сама по себе обеспечивает трудящимся массам максимум самодеятельности, самозаконодательства, самоуправления, максимум участия в государственной власти, не зная противоположения мест центру, как продукта классовой борьбы. Ее нужно было лишь вставить в каждом данном случае в те или иные национальные рамки, учтя „все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития“ [325] и, не поступаясь ее пролетарской сущностью, приспособить к данным конкретным условиям. „Для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт“ [326].

Шаг за шагом, с неуклонной последовательностью, с той ровностью, сознательностью и упорством, которые, вообще, характеризуют политику пролетариата в вопро-

сах принципиальных, с весны 1918 года до наших дней совершается процесс своеобразной национализации советской системы, прилаживания ее к особенностям и нуждам народов Советского союза, причем повсюду, укрепляясь и приживаясь, она революционизирует самые косные, самые некультурные массы, давая им такое чудесное оружие борьбы за социалистическое хозяйство, пробуждая к жизни пролетарские, полу-пролетарские, бедняцкие слои и повсюду неуклонно преследуя свою провиденциальную задачу: превращение пролетариата в нацию. И ничего нет удивительного в том, что в зависимости от революционных возможностей той или иной нации, в зависимости от удельного веса ее трудящихся и от объективных материальных ресурсов национальной местности установилась такая градация форм национально-государственной жизни, которая вводит в великий соблазн исследователей советского автономизма и федерализма, но которая, тем не менее, вполне естественна, разумно-необходима и легко объяснима.

283. Области и республики. Мы насчитываем сейчас девять Автономных Областей и одиннадцать Автономных Республик в составе Р. С. Ф. С. Р. (Области: Адыгейская, Вотская, Калмыцкая, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Коми, Марийская, Ойратская, Чеченская; Республики: Башкирская, Горская, Дагестанская, Карельская, Киргизская, Крымская, Монголо-Бурятская, Немецкая, Татарская, Туркестанская, Якутская), три Автономные Области и две Автономные Республики в З. С. Ф. С. Р. (Карабахская Автономная Область и Нахичеванская Автономная Область — в составе Социалистической Советской Республики Азербейджана, и Абхазская Автономная Республика, Аджаристанская Автономная Республика — в составе Социалистической Советской Республики Грузии). В свою очередь эти два сложные государства, Р. С. Ф. С. Р. и З. С. Ф. С. Р, объединились с двумя другими советскими республиками, Б. С. С. Р. и У. С. С. Р., в единое союзное государство — С. С. С. Р. Однако, громадное это государство лишь при поверхностном взгляде может показаться случайным и бессистемным нагромождением. В действительности, для того, кто уяснил себе руководящие внутренние начала пролетарской государственности, становится неоспоримым, что принцип, сказавшийся в построении большой федерации — С. С. С. Р., — тот же, который заложен в меньших федерациях, исторически ей предшествовавших, З. С. Ф. С. Р. и Р. С. Ф. С. Р.

И прежде всего, два вполне законных вопроса встают перед нами: 1) в чем заключается автономность советских Областей и Республик? и 2) в чем федеративность такой федерации, как, хотя бы, Р. С. Ф. С. Р.? Но невозможно ответить на эти вопросы, не напомнивши еще раз, что в капиталистической науке вовсе не существует сколько-нибудь выдержанного и явственного понятия автономии или федерации, что в капиталистической практике все виды той и другой суть лишь форма и образ политического угнетения, и что существо советского автономизма и федерализма с начала до конца определяется отношением пролетариата к национальному вопросу и характером советской системы.

284. Юридическое положение Автономных Областей. Если прислушаться к сухому и краткому языку тех декретов и постановлений В. Ц. И. К., которыми формулируются права и обязанности органов Автономных Областей, их отношение к центральным учреждениям власти, то нельзя не увидеть, что *юридические формы* этих „национальных“ губерний ничем не разнятся от юридических форм любой советской губернии, не носящей названия автономной области. Съезд советов или Исполком Автономной Области Марийского, например, Народа по своей компетенции и деятельности, как и по отношению своему к Всероссийскому Съезду и В. Ц. И. Комитету повторяют, конечно, какой-нибудь

рязанский или иной Губ. Съезд и Губисполком, что и подтверждают соответствующие декреты об образовании Автономной Области, говоря: Исполком Области пользуется правами Губисполкома.

285. В чем их автономность? Но дело здесь не в одних юридических формах или, вернее говоря, совсем не в них. Выше было показано, что если под автономией понимать самоначалие масс, под автономной формой такую местную организацию, которая целиком питается самоорганизацией и самодеятельностью трудящегося населения, им самим создана и ему обеспечивает наибольшие возможности коллективного участия в управлении, то советская система — именно потому, что она советская — неминуемо и без всякой борьбы осуществляет такую автономию, нечто гораздо большее, чем административное или политическое самоуправление у буржуазии. И уже по одному этому область, называясь Автономною, вполне оправдывает такое название. Но для данной национальной территории не то характерно, что она организована по-советски, а то, что советская система на *этой* территории, где расположилась *такая-то* нация с *ей* свойственным бытом и языком, немедленно обнаружила свое интернациональное существо и легко *окрасилась яркими национальными тонами.* А этого не может дать никакая буржуазная демократия: господствующая нация не допустит, чтобы подчиненные нации перевели эту демократию на свой национальный язык, ибо это означало бы освобождение их от эксплоатации. Советская власть, приходя на окраины, несла с собою организацию „местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественных, политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы“ [327]. Советская власть повсюду становилась *национальной* властью в руках национальных *низов*, т. е. *советской национальной автономией.*

Мы видим, следовательно, как сходные юридические формы наполняются, однако, различным политическим содержанием. Рассуждая формально и безотносительно, закрыв глаза на существо вопроса, можно, пожалуй, сказать, что Автономная Область по своим правам ничем не отличается от любой советской губернии [328]. Это правда, но в этой правде много лжи. В самом деле: вот великорусская деревня, никогда не знавшая специфически-национального гнета. Обогатилась ли она сейчас новым благом национальной свободы, благом жить и развиваться в согласии со своими национальными особенностями? Нет, разумеется, ибо этого у нее и раньше никто не отнимал. А вот черемис, или вотяк, или „ордынец“, над которыми издевался миссионер, которого избивал чиновник по особенному, так, как избивали только инородцев за малейшее, хотя бы инстинктивное, проявление национальной особности, или просто за то, что инородец? Совершенно очевидно, что от советской власти он получил неизмеримо больше, чем его русский соотечественник пролетарий или крестьянин. Национальная губерния получила права своего национального существования и развития, *которых у нее раньше не было.* Но если бы политика рабочего класса в национальном деле ограничивалась голым провозглашением этих прав без практических шагов к их осуществлению, можно было бы, пожалуй, говорить, что к обычной советской автономии национально-областная автономия ничего не прибавляет. Однако, мы знаем, что одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе есть их право на активную

помощь, и праву этому соответствует *обязанность* „державной“ нации оказать помощь, которая есть только возвращение долга.

Это право и эта обязанность имеют своим источником не столько соображения справедливости, или виновности, или ответственности, сколько сознание пролетариатом своих классовых интересов и интересов мировой революции. Поэтому и граница правообязанности легко нащупывается: интерес рабочего класса, которому подчинены все другие интересы, значит, и национальные.

286. Юридическое положение Автономных Республик. То же самое начало — право на свободное национальное развитие, осуществляемое в братской взаимопомощи наций, — лежит и в основе организации Автономных Республик. С точки зрения, опять-таки, юридических форм Автономная Республика есть высшее, сравнительно с Областью, образование. Самое название роднит ее с самостоятельными государствами. Сообразно этому, она заимствует у федерации, в которую входит, терминологию для своих верховных органов: Республиканский Съезд Советов, Ц. И. К., Народные Комиссариаты, Сов. Нар. Ком. И дело, конечно, не ограничивается одними названиями. В то время, как все органы Областей Р. С. Ф. С. Р. находятся в таком же двойном подчинении В. Ц. И. Комитету и Сов. Нар. Комиссаров, как и соответствующие органы губерний, Автономные Республики знают иное построение. Здесь, по общему правилу, заведывание просвещением, юстицией, здравоохранением, земледелием, социальным обеспечением и внутренними делами сосредоточено в так называемых автономных народных комиссариатах, освобожденных от руководства и контроля одноименных федеральных наркоматов: эти автономные народные комиссариаты направляются Ц. И. Комитетами и Сов. Нар. Комиссаров своей Республики, сохраняя полную ответственность перед В. Ц. И. Комитетом. От подчинения федеральным наркоматам не освобождаются НКФин, НКТруд, НКПрод, С. Н. Х., Н. К. Р.-К. И., Управление Путей Сообщения и Управление Почт и Телеграфов [1]), и, наконец, иностранные сношения, внешняя торговля, организация военных сил и политическое управление вполне централизуются в руках Союза.

287. В чем автономность Автономных Республик? Таким образом, существует бесспорное различие в юридическом положении Авт. Республик и Авт. Областей. И опять-таки, эта юридическая форма не должна заслонять и искажать в наших глазах то содержание, выражением которого она явилась. Обычно на основании ее заключают о большей, сравнительно с Областью, самостоятельности Республики и большей независимости ее от центральной власти. Такой взгляд есть недопустимый перенос на советскую почву отношений, процветающих в буржуазном государстве. Там большая или меньшая самостоятельность разнонациональных частей знаменует большую или меньшую национальную *исключительность* — и обратно. Там, большая независимость области означает для буржуазии, представляющей нацию, бóльшую возможность противопоставить себя господствующей нации, т. е. государству. Там, поэтому, достигнутая степень самостоятельности имеет огромную важность сама по себе: это этап на пути к главной цели — отделиться, замкнуться в свое собственное национальное государство. Но в государстве пролетарской диктатуры все то, что

---

[1]) По смыслу ст. 36 Конституции З. С. Ф. С. Р. эти Наркоматы образуются только в составе Закавказского Сов. Нар. Ком. Отдельные же республики Федерации имеют лишь Нар. Комиссариаты: В. Д., Юст., Просв., Земл., Здрав., Соц. Обесп.

характеризует отношения к центру „мест“, вообще характеризует также и отношения национальных областей к общенациональному центру, в частности. Когда нет классовой розни, нет явлений эксплоатации и угнетения, нет державной нации, угнетающей все другие, натравливающей их друг на друга, — то о какой самостоятельности и независимости может итти речь? Независимость — от кого? Самостоятельность — для чего? Если, тем не менее, мы говорим об Автономной Республике, как о типе национального образования высшем и более самостоятельном по сравнению с Автономной Областью, то это должно означать и в действительности означает только одно: *Авт. Республика менее нуждается в поддержке, помощи и руководстве центра, чем Авт. Область.* Ее культурные достижения выше, ее трудящиеся массы сознательнее, они крепче держат власть в своих руках и ближе подошли к аппарату законодательства и управления. Есть, поэтому, возможность предоставить ее до известной степени самой себе в тех отраслях общественной жизни, которые непосредственно и тесно связаны с национальными особенностями, с бытом, жизненным укладом и имеют, поэтому, основное значение для развития нации, как таковой.

Означает ли это „больше автономии“, т. е. больше свободы? Нет! — ибо национального гнета не существует ни для Области, ни для Республики. Но это означает больше трудностей, больше ответственности нации перед самой собой и предполагает, следовательно, больше культурных сил и культурной самостоятельности. На таком пути Автономной Республике предстоит преодолеть много препятствий и совершить много ошибок. Тем не менее, это единственный путь для пролетариата овладеть нацией, самому превратиться в нацию и, умертвив в зародыше всякую национальную исключительность, поборов националистические и шовинистические пережитки, еще явственнее осознать свои интернациональные цели и еще крепче внедриться в круг равноправных наций Советского Союза.

288. **Как «апперцепцируется» советский автономизм буржуазной школой?** Федеральная власть, оставляя в своем ведении организацию финансов, труда, промышленности, как-будто «урезывает» компетенцию Автономной Республики, ограничивает ее свободу. На самом же деле, она снимает с неокрепших плеч нации непосильную для них обузу, освобождая ее от риска и катастроф, гарантируя бескорыстную поддержку во всякую минуту и тем самым облегчая ей задачу культурно-национального строительства. Но в состоянии ли понять такую автономию ум юриста, воспитанного на буржуазно-автономических образцах? Цитируя акт «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики», где сказано, что «необходимыми финансовыми и техническими средствами» республика эта «снабжается» из общих средств Р. С. Ф. С. Р.», юрист именно в этом обстоятельстве и усматривает «ограничение финансовой компетенции автономных республик»[329]. Как это смешно, и как, в то же время, характерно для буржуазного понимания равноправия и независимости! Конечно, в обстановке насильнического буржуазного государства автономной области выгоднее претерпеть все муки голода, всякие бедствия, чем принять помощь от центральной власти: расплатой за помощь будет ростовщичья кабала. И государство нисколько не обязано облегчить затруднения своей автономной части: вместе с разнообразными правами она получила и право свободно и беспрепятственно погибнуть!

289. **Роль автономии у нас и у буржуазии.** Там, где капитал, не желая выпускать из своих рук нации и земли, как *объекты* эксплоатации, пускает в ход автономические формы в качестве *средств* эксплоатации, там *автономия — один из способов преодолеть до времени центробежную тягу*; там же, где добровольно соединяющиеся нации, уничтожив частную собственность на орудия производства и тем самым все предпосылки всех видов угне-

тения, организуют социалистическое хозяйство, там *автономия — один из способов поощрить и усилить центростремительые тенденции.*

Но если так, то сам собою решается вопрос о *федеративном* положении не только Автономных Республик, но и Областей.

290. Федерализм прирожденный? Прежде всего, — относительно первых: федеративные это части государства сложного или автономные провинции государства унитарного? Конечно, если взять за исходную точку положение о прирожденной федеративности советского государства, о том, что стиль не только автономизма, но и федерализма — естественный стиль этого государства [330], то и вопрос не существует, все упрощается до крайней степени: если каждая губерния, каждый уезд, город, село — все члены федерации, все «государства-части» сложного целого, тогда Области и Республики подавно выступают в этом чине. Такая простота, однако, хуже всякой сложности. Практически она так же мало согласуется с ежечасно наблюдаемой советской действительностью, где могучие элементы демократического централизма, централизма снизу, продукта добровольного объединения советов в ударах капиталу и в организации социалистического хозяйства, чувствуются с неотразимой реальностью, как мало всякая, вообще, фантастика согласуется с действительностью. Теоретически — она более соответствует беспочвенным иллюзиям какого-нибудь мелкобуржуазного демократа, чем марксистским представлениям о государственных формах, необходимых пролетариату в переходный период захвата им власти. Что можно, впрочем, прибавить к аргументам Ленина против федерализма, приведенных в «Государстве и Революции»? Разве что еще ссылку на Маркса в «Обращении Ц. К. союза коммунистов к членам союза» 1850 года? [331].

291. Федерализм юридический? С другой стороны, если проделать Автономным Республикам буржуазный экзамен на звание федеративных частей, то они на этом экзамене непременно провалятся. «Ведь особенностями федерированной части государства, в отличие от автономной, является, во 1-х, учредительная ее власть, во 2-х, окончательность ее актов, не подлежащих утверждению высшей властью, в 3-х, участие в создании хотя бы некоторых органов федеральной власти» [332]. Иными словами, требуются все такие данные, которые (во всяком случае, первые два) существуют лишь в бестолковом воображении юристов и в их искусственных конструкциях, но не в подлинной действительности, как мы видели, капиталистических федераций. Условиям этим не место в советской действительности уже потому, что спор между центром и периферией о размежевании власти есть, как показано выше, целиком произведение антагонического собственнического строя. В жестокой борьбе с центральной властью местности отстаивают или завоевывают свои права, и последние, естественно, служат мерилом большей или меньшей самостоятельности мест, большей или меньшей силы центра. И так, в торгашеском споре провинциального партикуляризма с государственной унификацией вопрос о сумме прав провинции есть для нее вопрос жизни или смерти ее самобытности и особенности. Совершенно очевидно, что в государстве пролетарской диктатуры и центральные и местные органы одинаково должны быть органами самоуправляющегося пролетариата. Применять все эти условия, сущность которых вся сводится к торгашескому «какой круг компетенции?» «какой круг компетентных?» к членам советской федерации, значит — сугубо не понимать классовой сути пролетарского государства. Но в нашей молодой литературе по советскому федеративному праву исследователи не миновали, все же, протоптанной тропинки: проэкзаменовали-таки Автономные Республики по старому буржуазному Handbuch'у и — результат получился совсем странный: по первому и второму пунктам — познания неудовлетворительные [333]. Но так как по третьему испытуемые выказали кой-какую осведомленность, то снисходительные экзаменаторы за одно это выдали им «свидетельство в федеративности», чем преступили, конечно, против всех юридических канонов.

292. В чем суть советского федерализма? На самом деле, суть советского федерализма на частном примере Р. С. Ф. С. Р. может быть правильно установлена только в плоскости все той же национальной проблемы, во имя

которой пролетариат допускает федеративным началам пронизывать плотно сбитое тело своего демократически - централизованного государства. Он „учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику „шагом вперед“ [334]. *Она есть средство для изживания национального вопроса,* изживания, возможного только в атмосфере пролетарской диктатуры и действительно начатого. Все дело в том, что есть один элемент в федерализме, подлинно существенный, который буржуазия затушевывает и затемняет кучей юридической дребедени. Это принцип равенства составляющих федерацию частей. Где соглашающиеся стороны не равны, а *только уравнены* жестокой палкой центральной власти, как каторжники, прикованные к общей тачке, ненавидящие друг друга за тяжесть не ими созданных цепей и принуждаемые надсмотрщиками послушно влачить проклятый груз, там нет федерации—*союзного* государства. Так обстоит дело в буржуазных союзах, что мы пытались показать выше. Иначе — в случае советской федерации. Здесь в союз вступают нации, предварительно уничтожившие каждая у себя частную собственность на орудия производства, как основную предпосылку раздоров, неприязни, эксплоатации, угнетения, неравенства. Они все получают не только одинаковое право на жизнь, но и действительные средства осуществления этого права — *больше тому, кто слабее* (а не по „естественным“ законам собственнического общества — больше *тому, кто сильнее!*) Между ними еще нет фактического равенства, — конечно, нет. Потому-то и нужна сильная рука федеральной власти, чтобы распределять (а не делить!) как неизбежные тяжести гражданских войн и социалистического строительства, так и достигнутые блага.

Не вина пролетариата, что взору юриста, мысль которого движется в привычных формах внешнего благообразия и наружной симметрии, здесь чудится «урезывание компетенции», большее или меньшее «подчинение центру», «больше или меньше автономии» и тому подобные несправедливости: ведь он привык раздавать равные права неравным субъектам, и в этом он видит справедливость!

Между нациями советского союза — безразлично, возьмем ли мы их в масштабе Р. С. Ф. С. Р., или З. С. Ф. С. Р., или С. С. С. Р. — еще нет фактического равенства. Но нет и не может быть, в то же время, малейшего поползновения сильного воспользоваться слабостью слабого для его ущемления. Напротив: в порядке дня „действительная, систематическая, искренняя настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей“ [335], помощь, не ограничивающаяся взращиванием национальных языка и школы, а направленная, главным образом, к созданию на окраинах очагов промышленности [336]. При таких совершенно невиданных и немыслимых в капиталистическом строе междунациональных отношениях, фактическая слабость той или другой нации теряет свой унизительный характер, перестает быть неисчерпаемым источником ненависти, раздражения, стыда, предлогом для гнусных разговоров об „избранных нациях, о „благородных“ расах, а есть то, что она есть: вполне исцелимый недостаток, деятельное лечение которого ни в каком случае не является актом благотворительности, а требуется интересами преуспеяния целого. Жестокая классовая борьба всегда спаивает членов молодого, полного сил, класса: отставших и изнемогших не добивают и не покидают на произвол судьбы, а поддерживают общими силами коллектива, и в этом — залог самоотверженности и безоглядной предан-

ности каждого. Так и в советском союзе наций *реальная слабость того или другого сочлена имеет тенденцию вознаграждаться не менее реальной поддержкой сильной федеральной власти.* Добиваясь того, чтобы интенсивность этой поддержки была прямо пропорциональна нужде в ней, мы достигаем результата, в котором *вся суть советского федерализма,* секрет прочности, спаянности и растущей мощи советской федерации: *все нации, члены этого союза, неравные сами по себе в отдельности, все равны в союзе, ибо каждая из них прибавляет к своей собственной силе ровно столько силы союза, сколько ей нужно, чтобы сравняться с другими.* При этом она ничего не теряет, а приобретает в своей индивидуальной самобытности и пребывает полноправным членом федерации, независимо от того, населяет ли она Автономную Область или Автономную Республику.

Но так поставить дело национального равенства может только пролетариат. И такой *уравновешивающей* по отношению к нациям силой может быть только классовое государство пролетариата.

Именно из указанных выше фактов народы советских республик сделали вывод, необходимым следствием которого было объединение четырех независимых государств в одно союзное государство.

293. **Историческое возникновение советской федерации.** До конца 1922 года происходило восстановление и укрепление советского строя в Белоруссии, на Украине и на Кавказе. Украинская, Белорусская, Азербейджанская, Армянская и Грузинская Советские Социалистические Республики в жестокой борьбе с внешней и внутренней контр-революцией разновременно отвоевали свое право на самостоятельное существование. Но, утвердивши у себя советскую власть, каждая из этих Республик немедленно обращала взор на Р.С.Ф.С.Р.— тот испытанный центр, откуда пошла пролетарская революция и где ни разу не угасал ее очаг. Не поступаясь нисколько своей юридической самостоятельностью, каждая из этих Республик связала себя с Р.С.Ф.С.Р., как равная с равной, союзным договором, который подтверждал и более или менее ясно формулировал ту общность внешней политики и внутреннего строительства, которая всегда существует между советскими государствами уже потому, что они—советские.

294. **Цель этих договоров** — столь же простая, сколь и определенная: военная оборона советских республик и некоторые важнейшие отрасли народного хозяйства должны быть объединены руководством в одной сильной и верной руке, что и достигалось созданием, так называемых, объединенных народных комиссариатов по соответствующим отраслям. Характерной особенностью этих договорных соглашений служило то, что в результате их не получалось новых органов законодательства и управления: Всероссийский Съезд Советов, В.Ц.И.К. и некоторые Народные комиссариаты Р.С.Ф.С.Р. присоединяли к своим ранее существовавшим функциям еще и обязанности обслуживания той или иной договорной республики. Естественно, что, начиная с IX Всероссийского Съезда, представители всех этих республик приобрели место на Съезде и в В.Ц.И.К.

Понятна также и другая особенность этих договорных отношений: не существовало кругового договора, взаимно связывавшего друг с другом все советские государства — Украину с Азербейджаном, Грузией и т. д., Армению с Белоруссией, Грузией и т. д., — но каждое из них вступало в непосредственные союзные отношения с одной Р.С.Ф.С.Р.

295. Необходимость в верховных всесоюзных органах. Такой порядок не мог считаться нормальным и окончательным. С оживлением и усложнением международных связей и внутренней жизни советских республик становилось очевидным, что нельзя обременять органы Р.С.Ф.С.Р. столь ответственной и трудной работой общесоюзного руководительства сверх их непосредственных обязанностей по обслуживанию Р.С.Ф.С.Р. Помимо крупных технических неудобств, такое положение не соответствовало общему представлению о равенстве и самоценности братских советских республик: первоначальную задачу помощи и руководства каждой из молодых республик Р.С.Ф.С.Р. — старшая их сестра — уже исполнила,—она собрала их вокруг себя и помогла им стать на ноги, но не за тем, чтобы и дальше водить их на помочах.

Теперь они могли и должны были непосредственно подать друг другу руки связаться круговым союзом и поставить над собой верховный общий орган, чтобы он удовлетворял их общие нужды.

296. В необходимости и целесообразности создания единого государства, возглавляемого единой верховной властью, союзные республики имели возможность убедиться за все время существования договорных отношений. Самые эти союзные договоры ни разу не были, как у буржуазии в подобных случаях, тайным или явным разбойничьим сговором, рассчитанным на захват предполагаемой или на дележ уже приобретенной добычи: они, как отчетливо засвидетельствовала позже „Декларация об образовании С.С.С.Р.“, являлись выражением самого строения советской власти, „интернациональной по своей классовой природе“, ведущей советские массы к объединению в одну социалистическую семью. Этой великой истине независимые братские республики учились на жестоких уроках борьбы с внешними и внутренними эксплоататорами. Наивысшая централизация военного, например, дела диктовалась прямыми, явно ощутимыми жизненными интересами этих республик, пролетариат которых штыками вынужден был доказать капиталистам всю серьезность своего намерения превратить самого себя в нацию. Но в этих классовых войнах пролетариата сила штыков была и всегда будет лишь производной от его хозяйственной и финансовой мощи. В капиталистическом государстве вполне возможна и сплошь да рядом наблюдается такое положение, когда разоренные, голодные, вымирающие массы содержат гигантскую армию, составленную из крестьян и рабочих, на 3—4 года насильственно оторванных от привычного труда, превращенных в солдат-специалистов. Такой армией, отлично вымуштрованной и прекрасно снаряженной, командует тщательно подобранная каста военных начальников, для которой не жалеют ни окладов, ни пенсий, ни дорого стоящих орденов и наград. И сильная, блестящая и гремящая армия живет ужасным, злокачественным наростом на измученном теле народа. В социалистическом государстве такое положение совершенно немыслимо. Здесь нет, вообще, солдат-специалистов и грохочущих палашами военных трутней. Здесь сильная армия, способная внушить страх неприятелю и отразить его напор, может быть лишь прямым и естественным следствием хозяйственного благосостояния страны. Здесь нет господствующего класса собственников, содержащего армию за счет разоренных и разоряемых низов. Трудящиеся здесь у власти, их армия составляет с ними одно. Если народное хозяйство в упадке, если массы не овладели производством — не будет армии, не будет вооруженных сил.

297. Таким образом, **объединение хозяйственного строительства требовалось насущными нуждами советских стран.** Такое требование не раз предъявляла история к буржуазным государствам, заставляя их поневоле складываться в федерацию. Но там, как мы видели, в кровавой междоусобице приходилось преодолевать сопротивление частных хаотичных интересов. У нас этих тяжелых трений не могло быть, потому что социалистическое хозяйство есть плановое хозяйство, и согласование экономического строительства советских республик приходило само собой вместе с уничтожением власти капиталистов и национализацией промышленности. И не менее ясно было, что выйти из величайших финансовых затруднений, подвести под возрождающееся хозяйство города и деревни базу „хорошей деньги", можно только дружным, одновременным усилием, руководимым из общего центра.

Договорные соглашения, которыми советские республики связывали себя с Р.С.Ф.С.Р., и служили этим целям укрепления и выравнивания внутреннего и внешнего социалистического фронта. Время существования договорных отношений было временем экзамена этому единому фронту, когда союзные республики на деле убеждались, как много им может дать союз и как мало он способен потребовать с них ту дорогую и унизительную плату, которая так обычна в союзах капиталистических.

298. **Создание союзного государства, как завершение советской демократии.** Тогда братские республики сделали следующий шаг, необходимый и подсказанный всем предыдущим развитием. Тот порядок, при котором одно из государств — в данном случае Р.С.Ф.С.Р. — берет на себя права и обязанности руководящего центра, был произведением военных условий, когда в боевой обстановке гражданской войны бойцам некогда сговариваться и выбирать командный орган по всем правилам демократии: командира назначила сама война. С наступлением же мирной передышки пришла возможность пересмотреть все эти случайные, неполные и бессистемные договорные соглашения и возвести на их месте стройное и прочное здание союзного государства. *Именно с переходом от прежних договорных отношений, сосредоточивавших столь значительные, в общем, полномочия в руках одной из республик, к режиму союзного государства, где органы общесоюзной власти выбираются равноправными членами союза, республики наши обрели ту форму сожительства, которая наиболее соответствует пролетарским представлениям о достоинстве, значимости и независимости советских наций и государств: если уж говорить о зависимости, то там каждое государство „зависело" от Р.С.Ф.С.Р., здесь же каждое зависит от всех и все—друг от друга!*

299. **Вопрос о суверенитете. Почему буржуазия упразднила суверенитет нации?** Им не приходится при этом поступаться своей суверенностью. Но ошибочно было бы думать, что в отношения между советскими государствами и в свою союзную конституцию пролетариат принес то искусственное понятие суверенитета, о котором мы говорили выше (срв. §§ 255 слл.), и которое создалось с целью обосновать и оправдать эгоистическую тиранию собственнического государства. Мы видели, что у буржуазии объединение в федерацию есть, обычно, результат междоусобной драки, когда слабые нации или области, более или менее основательно побитые сильными, „добровольно" подчиняются команде эксплоа-

таторского центра. Девятнадцатый век — буржуазный век — был временем национальных стремлений и борьбы за национальное государство. Но неожиданным результатом этой борьбы было возникновение многонационального государства, чудовища, пожиравшего слабые нации в угоду господствующей нации. Великобритания в Ирландии и Индии, Германия в Познани и Эльзас-Лотарингии, Австро-Венгрия на каждом клочке своей лоскутной территории, Россия на сплошном кольце своих окраин, — все они демонстрировали воочию основной факт национальной политики буржуазии: господствующая нация, организовавшись в государство, пользуется им для порабощения, эксплоатации, обезличения подчиненных наций. Тогда стало ясным, что государство есть отрицание нации, подобно тому, как буржуазное общество, основанное на равенстве свободных индивидов, оказалось в своем диалектическом развитии резким отрицанием свободной человеческой личности, ежеминутно ограничиваемой в законнейших потребностях, втаптываемой в грязь и приносимой в жертву капиталу. Тогда-то идеологи буржуазии, частью не понимая, частью скрывая действительную сущность происходящих явлений, объявили суверенитет нации „пустой фразой“ (срв. § 259). *Они перенесли его на государство, лишив таким маневром суверенитета подчиненные нации, но сохранив его за господствующей.*

300. Пролетариат восстанавливает национальный суверенитет. Но пролетариат в советском многонациональном государстве отвергает все эти воровские манипуляции. Разве он не возвращает нациям то, что у них украла буржуазия, то-есть, их верховное право располагать собою? *Право нации на самоопределение, на образование самостоятельного государства, и есть ее суверенитет.* Своим добровольным присоединением к советскому союзу она только утверждает это право. Здесь нация не бьется в безжалостных тисках *чужого* государства, и государство не питается живою плотью и кровью обезличиваемых наций: государство — не отрицание, а *утверждение* нации. Не очевидно ли, в таком случае, что противоестественному разделению суверенитета государства и суверенитета нации приходит конец? А если так, то государству, входящему в Советский Союз, не нужно для сохранения здесь своего суверенитета больше того, что нужно нации для сохранения ее суверенитета: права на самоопределение. Поэтому, союзная конституция, обеспечивая союзным республикам право одностороннего выхода из Союза, тем самым дает необходимое и достаточное доказательство их суверенитета.

И этот суверенитет члены Советского Союза сохраняют всегда и полностью. Четвертой статьей конституции пролетариат удостоверил, что менее кого бы то ни было мог бы и хотел бы он ограничивать права нации на самоопределение. Если же третья статья говорит об ограничении суверенитета *в определенных пределах*, то это означает лишь, что ряд функций государственного управления союзные республики свободно и добровольно вручают союзным органам, при чем право этих республик в любую минуту вернуть себе эти функции — порука целости и неприкосновенности их суверенитета.

301. Инициатива объединения исходила от суверенных наций. Все это союзные республики учли еще до оформления союза. В конце 1922 года они через свои верховные органы определенно заявили, что настало время перестроить союзное здание. Местный почин в этом отношении пришел со стороны Закавказья, где в декабре 1922 года три государства — Азербейджан, Армения

и Грузия — стали союзным государством и создали конституцию Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Немного позже X Всероссийский Съезд Советов присоединился к волеизъявлениям договорных республик и признал своевременным „объединение Р.С.Ф.С.Р., У.С.С.Р., З.С.Ф.С.Р. и Б.С.С.Р. в Союз Социалистических Советских Республик", после чего представители четырех государств, собравшись на первый Союзный Съезд Советов 30 декабря 1922 года подписали Декларацию и Договор об образовании Союза. После того, как Центр. Исполн. Комитеты договаривающихся республик рассмотрели оба эти акта, они были приняты на II сессии Центр. Исп. Комитета Союза 6 июля 1923 г., составив конституцию С.С.С.Р. Эту конституцию II Съезд Советов Союза в январе 1924 года утвердил.

Ближайшим образом состав, порядок избрания и предметы ведения Центр. Исполн. Комитета Союза, его Президиума, Совета Народных Комиссаров и Нар. Комиссариатов регулируются соответствующими положениями, принятыми Центр. Исполн. Комитетом С.С.С.Р. в III сессии.

302. Обзор Союзной Конституции. Легко убедиться, что союзная конституция сохранила все же основные черты и общие линии советского государства, которые впервые были схвачены и запечатлены конституцией Р.С.Ф.С.Р. Тон рабочей революции и пролетарской государственности одушевляет, конечно, и ее, и для того, кому знаком и понятен этот тон, не трудно разобраться в характере и взаимоотношениях органов союзной власти. Он заметит, что „Декларация об образовании С.С.С.Р." так же, как и „Декларация трудящегося и эксплоатируемого народа", не преминула подчеркнуть диктаторский характер власти пролетариата, воспользовавшись при этом возможностью подвести некоторые итоги и указать, что именно диктатура пролетариата и советская система осуществили братское сотрудничество и свободное национальное развитие народов. Далее, читатель увидит, что верховный орган Союзного государства — Съезд Советов Союза — при всей огромности и непререкаемости его власти, не имеющей соперников, почерпает эту власть в городских и сельских советах (ст. 9), и, поэтому, здесь целиком применимо все то, что мы говорили выше о характере верховной власти в советской республике (см. § 218). Равным образом, положение Ц. И. К. Союза, заступающего Съезд по окончании его занятий во всех его правах и обязанностях (ст. 8) и перед ним ответственного (ст. 28), роль Президиума Ц. И. К-та, находящегося в таких же отношениях к Ц. И. К-ту, как последний к Съезду (ст. 26, 29, 36), и значение избираемого ЦИК'ом Совета Народных Комиссаров (ст. 37) говорит о том, что принцип распределения рабочих функций (а не разделение властей) так же последовательно проведен в Союзной конституции, как и в конституции Р.С.Ф.С.Р. (срв. §§ 208 сл.). И здесь Ц. И. К. в деле осуществления своих законодательных, исполнительных и распорядительных полномочий (ст. 29, 17) опирается на подотчетные ему Президиум и СНК (ст. 17, 36, 40) таким образом, что в Президиуме приобретает перевес законодательная работа над исполнительной, в СНК — обратно (срв.: §§ 212, 213). Но здесь имеются и существенные особенности, которые интересно отметить: одна касается отношений Союзного Съезда и Центрального Исполнительного Комитета, другая — Президиума Ц. И. К.

1. — Центр. Исполн. Комитет Союза не целиком избирается Союзным Съездом.

Для того, чтобы *классовая* политика советской власти была надлежащим образом согласована с национальными интересами народов Союза, необходимо построить Центральный Исполнительный Комитет так, что все его мероприятия, диктуемые общими потребностями Союза, как целого, еще до своего осуществления получили бы предварительную оценку отдельных наций, как частей этого целого. И лишь после этой оценки и обсуждения с различных точек зрения можно рассчитывать, что общий интерес не будет отождествлен с интересом более сильных или более предприимчивых членов Союза, что никто не будет невольно принесен в жертву своему соседу, что будут равномерно распределяться и тяготы и блага общего дела. В то же время важно, чтобы национальные единицы могли проявить живейшую инициативу в общесоюзном советском строительстве: они должны иметь прямой и верный путь для непосредственного участия своего, как *национальных* тел, в *общегосударственном* управлении.

Этой цели и служит *Совет Национальностей.* Он не избирается Союзным Съездом. Он образуется из представителей Союзных и Автономных Республик и Автономных Областей и в целом утверждается Съездом (ст. 15). Рядом с ним стоит равный ему в правах и обязанностях, избираемый Съездом, *Союзный Совет,* таким образом, что, хотя заседания их происходят, обычно, раздельно, вместе они образуют единое учреждение верховной власти — Центральный Исполнительный Комитет Союза, от имени которого публикуются декреты (ст. 22).

И здесь бесполезны, конечно, какие бы то ни было сравнения с так-называемой двухпалатной системой буржуазии. Историческое назначение верхней палаты — служить тормозом для демократических увлечений нижней, чему соответствует и особый порядок составления верхней палаты почти повсюду, где она существует. С течением времени, в борьбе между палатами за первенство, победу одержала нижняя палата, что особенно явственно сказалось в Англии, где права палаты лордов существенно ограничены законом, и лишь отчасти во Франции, где сенат и палата депутатов, формально равноправные, до сих пор борются за преобладание. В Соединенных Штатах Северной Америки сенат, избиравшийся до последней реформы выборщиками, долженствовал, как будто, представлять интересы отдельных штатов в государственном целом, но на деле превратился в настоящую цитадель плутократии, совершенно задавившую ничтожную палату представителей.

Во всех случаях буржуазия не знает мирного, рабочего сотрудничества верхней и нижней палат. Либо «верх» попирает «низ», либо «низ» сотрясает «верх». При равноправии палат законопроект, отвергнутый одной из них, бесповоротно погибает (как, напр., во Франции), при преобладании одной из них — законопроект приобретает силу вопреки противодействию слабейшей (как, напр., в Англии, где — острят англичане — нужно троекратное вето палаты лордов, чтобы проект стал законом). Союзный Совет и Совет Национальностей — взаимно дополняющие друг друга части единого рабочего механизма. Если между ними возникает деловое разногласие, они в совместном заседании улаживают его (ст. 24) — совершенно неслыханный и невозможный в буржуазном обиходе способ палатской работы, где палаты тщательно избегают встречи и соединяются лишь в особо исключительных случаях: для изменения конституции или для выборов президента!

2. — В соответствии со способом составления Центрального Исполнительного Комитета находится и способ составления его Президиума. Он образуется Ц. И. Комитетом на первом заседании в количестве двадцати одного члена так, что две трети его даются уже перед тем избранными Президиумами Союзного Совета и Совета Национальностей (ст. ст. 25 и 26 Конституции Союза и ст. 10 Положения о Центральном Исполнительном Комитете Союза). Единству Ц. И. К., следовательно, вполне соответствует единство его Президиума.

В то же время, роль Президиума Ц. И. К., постепенно возвышаясь, достигла в Конституции Союза весьма значительной важности. Меж тем как Конституция 10 июля 1918 года лишь случайно и мимолетно упоминает о Президиуме ВЦИК (ст. 45), VII Всероссийский Съезд уже уделяет ему право приостанавливать решения Совета Народных Комиссаров (см. Приложение I, ст. 36), а VIII — право отменять эти решения. Союзная Конституция, в связи с окончательным признанием сессионной системы (ст. 21), выдвигает Президиум Ц. И. К. на место высшего органа власти между сессиями Ц. И. К. (ст. 29), чем, разумеется, вполне определяются его права, и что, между прочим, делает перед ним ответственным Совет Народных Комиссаров Союза (ст. 40; срв.: ст. 46 Приложения I).

303. Федерация, как переходная форма к полному единству трудящихся разных наций. Изучение Союзной Конституции убеждает, что в ней целесообразно и точно запечатлена сущность советского федерализма. Федерализм Союза Советских Социалистических Республик по природе и смыслу своему тот же, что и федерализм РСФСР или ЗСФСР. И здесь и там одна из самых значительных черт советской федерации: ее способность быть „переходной формой к полному единству трудящихся разных наций“ [337]. Это полное единство можно понимать только, как „единую, централистически-демократическую республику“ [338]. Но в то время, как в буржуазных федерациях путь к государственному единству лежит через обезличение и ассимилирование господствующей нацией всех других, в советской — момент полного политического единства совпадает с моментом достижения всеми нациями полного фактического равенства. Лишь медленно и постепенно представители наций в Советском Союзе будут переходить от защиты отдельных интересов этих наций перед Союзом к защите общих интересов Союза перед нациями. Но момент этого равенства есть вместе с тем момент наиболее совершенной хозяйственной культуры, всестороннего овладения пролетариатом каждой нации своей собственной нацией. Путь к этому равенству еще так долог и тернист, еще так много националистических пережитков, предрассудков и косности — наследия старого режима, — что бессмысленно устанавливать какие бы то ни было сроки: этапы движения предусмотреть с точностью трудно, но если ясна *тенденция развития*, то это уже очень много и очень важно.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *Георг Еллинек.* — Право современного государства — Т. I. Общее учение о государстве. Перевод под ред. Гессена и Шаланда. 1903, стр. 334 сля.
2. *Джемс Брайс.* — Американская республика. — Пер. Невядомского. 1889. Ч. I. Стр. 393.
3. *Фридрих Энгельс.* — Ludwig Feuerbach u. der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. — 5-te Auflage. Stuttgart. 1910. S. 52.
4. *A. V. Dicey* в ст. «The Referendum» в журнале «The Contemporary Review», London. 1890, v. 57, p. 500. Цитировано по П. И. Новгородцеву, «Об общественном идеале», вып. I, М. 1917, стр. 16.
5. *Франц Меринг.* — Об историческом материализме. — Изд. Библиот. Просвещения, стр. 10.
6. *Фердинанд Лассаль.* — О сущности конституции.—В собр. сочинений, изд. II, Глаголева. — В новейшее время точки зрения Лассаля усвоили проф. Зейдлер и H. Herrnritt. См. у первого «Das juristische Kriterium der Staates», Tübingen, 1905, S. 71—72, а у второго «Die Staatsform als Gegenstand der Verfassungsgesetzgebung und Verfassungsänderung», Tübingen, 1901, S. 49.
7. *Ф. Энгельс.* — Анти-Дюринг, М. 1922, стр. 89.
8. *Шарль Боржо.* — «Учреждение и пересмотр конституций в Америке и Европе». — Изд. Библ. Просв. Вып. I, стр. 37 и вып. II, стр. 28.
9. *Карл Маркс.* — К критике гегелевской философии права. — «Литературное наследие». 1908, Т. I, стр. 528.
10. *Его же.* — Борьба классов во Франции 1848—1850 г.г. — В сборнике «Мысли и взгляды о жизни XX века». Спб. 1912, стр. 103.
11. *Н. Ленин (Вл. Ульянов).* — Пролетарская революция и ренегат Каутский. — 1918. Стр. 97.
12. *Н. Бухарин.* — Экономика переходного периода. — М. 1920, стр. 72.
13. *К. Маркс и Фр. Энгельс.* — Манифест коммунистической партии. — М. 1918, стр. 32.
14. *Н. Ленин (Вл. Ульянов),* ук. соч., стр. 98.
15. *Карл Маркс.* — К еврейскому вопросу. — «Литерат. Насл.». 1908, Т. I, стр. 562.
16. *Г. Еллинек,* ук. соч., стр. 342.
17. *Олар.* — Великая французская революция. — М. 1906, стр. 76.
18. Речь судьи *Миллера.* См. Брайс, ук. соч., стр. 18 сля.
19. *Г. Еллинек.* — «Декларация прав человека и гражданина». Изд. III. М. 1906, стр. XIX.
20. *Ш. Боржо,* ук. соч., вып. II, стр. 28.
21. *Alexis Tocqueville.* — De la démocratie en Amérique, t. I, Paris, 1865, p. 167.
22. *Сидней Лоу.* — Государственный строй Англии. Спб., 1908, стр. I.
23. *Еллинек.* — Общее учение о государстве, стр. 355.
24. *Его же.* — Конституции, их изменения и преобразования. Спб., 1907, стр. 11.
25. *Фр. Энгельс.* — Ludwig Feuerbach, S. 51—52.
26. Очерк под тем же названием в перв. томе «Трудов по истории и юриспруденции», анг. изд.
27. *Брайс.* — Американская республика, М. 1889, ч. I, стр. 400, и *Я. М. Магазинер,* Общее учение о государстве, Петроград, 1922, стр. 402.

28. Ср. *Брайс.* — Америк. республика, стр. 406.
29. *Ш. Сеньобос.* — Политическая история современной Европы. Спб., 1898, стр. 100.
30. *С. А. Котляревский* — Власть и право. М., 1915, стр. 257.
31. *Адольф Меркель.* — Юридическая энциклопедия. Спб., 1902, стр. 13.
32. *Ольстон.* — Краткий очерк современных конституций. М., 1905 , стр. 21.
33. *Л. Гумплович.* — Общее уч. о госуд. П., 1910, стр. 16.
34. *Боржо,* ук. соч., I, стр. 47.
35. *Брайс.* — Америк. республ., стр., 23, прим. 1.
36. *Э. Бернштейн.* — Исторический материализм. Спб. 1901, стр. 226.
37. *Сеньобос,* ук. соч., стр. 286.
38. *Энгельс.* — Происхождение семьи, частной собственности и государства. П., 1918, стр. 80.
39. *Боржо,* ук. соч., I, стр. 38.
40. *Он же,* ук. соч., I, стр. 40. — Ср. подробное исследование вопроса: *Л. В. Шалланд,* — Верховный суд и конституционные гарантии, — сборн. «Конституц. государство», Спб., 1905.
41. *В. Бэджгот.* — Государственный строй Англии. М., 1905, стр. 88.
42. *Он же,* ук. соч., стр. 353.
43. *Токвиль,* ук. соч., I стр. 14.
44. *Боржо,* ук. соч., I., стр. 38.
45. Коммунистич. манифест. М. 1918, стр. 45.
46. *Я. М. Магазинер,* ук. соч., стр. 294.
47. *Маркс.* — 18 Брюмера Луи Бонапарта (в сб. «Мысли и взгляды о жизни XX в.». Спб. 1912), стр. 102.
48. *Он же,* ук. соч., там же.
49. *Н. К. Михайловский.* — Сочинения, т. 4. Спб. 1897, стр. 951.
50. *А. Л. Лоуэлль.* — Правительства и политические партии в государствах Зап. Европы. М., 1905, стр. 69.
51. Речь докладчика *т. Стеклова* (V Всеросс. С'езд, стенографич. отчет. М, 1918, стр. 188 и сл.).
52. *Брайс.* — Американск. республика. I, стр. 435.
53. *К. Маркс.* — 18 Брюмера Луи Бонапарта. — В сборн. «Мысли и взгляды о жизни XX века», стр. 261.
54. *Ф. Энгельс.* — Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Пгр. 1918, стр. 35.
55. Там же, стр. 79.
56. Там же, стр. 76.
57. Ср.: *Фр. Энгельс.* — Предисловие к 18 «Брюмера Луи Бонапарта». III изд. в сборн. «Мысли».
58. *Ф. Ф. Кокошкин.* — Русское государственное право. — Вып. I. М. 1908, стр. 4.
59. *Фр. Энгельс.* — Ludwig Feuerbach, S. 50.
60. *К. Маркс.* — Капитал. — Т. III, часть II, кн. III, гл. 47, стр. 319—320, а также гл. 48, стр. 361, М. 1908. — Об этом *Н. И. Бухарин,* «Экономика переходного периода», стр. 21—22.

Против изложенного мною понимания государства проф. Е. А. Энгелем был выдвинут упрек, что оно представляет собою попытку «сочетать буржуазное и марксистское определение государства» (проф. Е. А. Энгель, «Основы Советской Конституции», конспект лекций, 1923). Сочетание это он усматривает в моем указании как на внешние черты государства (территория, население, власть), так и на внутреннее существо его. В первом указании проницательный автор и видит заимствование у буржуазных государствоведов.

К счастью, обвинение это может быть пред'явлено и Фр. Энгельсу. Именно Энгельс говорит, что «сравнительно со старой родовой организацией, государство, прежде всего, отличается подразделением своих жителей по территориальному признаку» («Происхождение семьи, частной собственности и государства», изд-во «Московский Рабочий», пер. под ред. Д. Рязанова). По Энгельсу, «область, место жительства, территория получили в государстве то огромное значение, которого они совсем не имели в родовом обществе: в Афинах люди превращаются в простую принадлежность тер-

ритории (стр. 77), образование франкского государства показывает, как рост территории даже способствует разложению родового строя (стр. 101), вообще же образованию государства сопутствует слияние отдельных племенных территорий *в единую общую территорию всего народа*» (стр. 109, курсив мой, — *Г.*).

Тот же Фр. Энгельс утверждает, что «вторым отличием является учреждение общественной власти» (стр. 113, ср. стр. 78). Эту общественную власть он считает состоящей «не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, каковы тюрьмы и всякого рода принудительные учреждения» (стр. 113). И территория и власть, так понимаемая, суть те элементы государства, которые непосредственно и явственно отличают *эту* организацию классового насилия от всякой иной организации для той же цели. В этом смысле территория и власть суть необходимые внешние черты государства, проступающие с осязательной, так сказать, ясностью.

То же и с населением. Что без людей нет государства, Энгельс, правда, нигде не подчеркивает. Но он нигде не напирает особенно и на то, что классы состоят из людей. Он не подчеркнул бы, наверно, ни того, ни другого даже и в том случае, если бы прозревал в будущем нарождение таких читателей, как проф. Е. А. Энгель: как закон ни пиши, всегда будут люди, которым закон не писан...

Как изучал Фр. Энгельса проф. Е. А. Энгель, можно заключить хотя бы из следующих обстоятельств:

1. — Он цитирует то место, где я говорю о рождении государства среди классовой борьбы, и с комическим глубокомыслием поучает меня, что это неверно: не «среди» классовой борьбы, а «из» классовой борьбы. Это, дескать, не одно и то же. Почтенный ментор не замечает, что на стр. 81 того самого русского издания «Происхождения семьи, частной собств. и государства» (изд. «Луч», Петроград, 1918), которое он же цитирует и, следовательно, как будто, читал, сказано: «...но так как государство возникло среди классовой борьбы...». Такое же «среди» красуется и в издании 1907 г., стр. 120, и в издании 1920 г., стр. 74. Новейший перевод под редакцией Рязанова заменил «среди» словами «в разгаре» (стр. 114). Это, конечно, еще лучше!

2. — Он замечает по моему адресу: «в то время, как Энгельс говорит о возникновении государства в результате соответствующей модификации органов родового быта, автор говорит об их вырождении, что, разумеется, не одно и то же» (стр. 33). Совершенно верно: не одно и то же. Именно поэтому Энгельс и говорит: «...органы родовой организации были вытеснены из общественной деятельности; они *выродились* (курсив мой, — *Г.*) в союзы частного характера...» (стр. 78 перевода, под ред. Д. Рязанова). И дальше: «Но он (родовой строй) все же сохранил свой первобытный демократический характер, отличающий все родовое устройство, так что даже при дальнейшем его *вырождении* (курсив мой, — *Г.*) уцелели еще остатки родового строя» (стр. 100). И еще: «Если, таким образом, в роде скоро исчезло сознание кровной связи, то это было следствием того, что *в племени и во всем народе его органы тоже выродились* (курсив мой, — *Г.*) в результате завоевания» (стр. 100).

Довольно, впрочем. Мораль и так ясна: невежество само по себе — грустная вещь, будучи же соединено с самомнением, превращается в курьез, во всяком случае, рискует кончить так, как унтер-офицерская вдова у Гоголя.

61. *К. Маркс.* — Гражданская война во Франции. — Введение Фр. Энгельса. Харьков. 1917, стр. 14.

62. *Лоренц ф.-Штейн.* — Verwaltungslehre. — Цитир. по *Гумпловичу.* Общее учение о государстве, Спб. 1910, стр. 46.

63. *Ферд. Лассаль.* — Программа работников. — В собр. соч., изд. П. Глаголева, Спб., т. II, стр. 31. — Ср.: *Г. Еллинек,* Право современн. госуд., стр. 111.

64. Там же. См. также: Процесс Ф. Лассаля по обвинению в госуд. измене, в Собр. соч., стр. 331. — По этому вопросу см. *К. Фроме,* Монархия или республика. Изд. Биб. Просв., стр. 443.

65. *Эльцбахер.* — Анархизм. — М. 1917, изд. «Солдат-гражданин», стр. 164.

66. *М. Бакунин.* — Бог и государство. — Полн. собр. соч., изд. Балашева, т. I, стр. 17.

67. *Его же.* — Четвертое письмо о патриотизме, — там же, стр. 189.

68. *Эльцбахер,* ук. соч., стр. 71.

69. *М. А. Бакунин.* — Четвертое письмо о патр., стр. 139.

70. Цитировано по *А. Карелину,* Государство и анархисты, М. 1918, и *А. Боровому,* Анархизм, М. 1918.
71. *П. Кропоткин.* — Государство и его роль в истории. — М. 1917, стр. 3.
72. *Его же.* — Речи бунтовщика. — Пб. 1906, стр. 61,
73. *Антон Менгер.* — Новое учение о государстве. — 2-е изд. Скирмунта, стр. 295. — См. об этом: Ленин, Прол. револ. и ренег. Каутский, стр. 133.
74. *К. Маркс.* — Критика Готской программы. — Пгр. 1919, стр. 36.
75. *Фр. Энгельс.* — Анти-Дюринг. — Пгр. 1918, стр. 249.
76. *В. Ильин (Н. Ленин).* — Государство и революция. — Пгр. 1918, стр. 70.
77. *Фр. Энгельс.* — Анти-Дюринг, стр. 248.
78. *К. Маркс и Фр. Энгельс.* — Маниф. Комм. партии. — М. 1918, стр. 23.
79. *К. Маркс.* — Гражд. война во Фр., стр. 14.
80. *Его же.* — Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа». — «Лит. Насл.». 1918. Т. II, стр. 58, 60.
81. *Н. И. Бухарин,* ук. соч., стр. 10—14.
82. *Л. Дюги.* — Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государств. — Спб. 1909, стр. 24.
83. *Н. Ленин.* — Удержат ли большевики государств. власть?
84. *Фр. Энгельс.* — Развитие социализма от утопии к науке. — Перев. В. И. Засулич, М. 1917, стр. 29.
85. *Проф. И. А. Покровский.* — Основные проблемы гражданского права. П. 1917, стр. 313, 316.
86. *Проф. Л. И. Петражицкий.* — Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — Спб. 1907. Т. II, стр. 494.
87. *Ф. Лассаль,* Собр. соч. Т. I, стр. 28 сля.
88. *Карл Каутский.* — Этика и материалистическое понимание истории. — Изд. «Знание», 1906, стр. 129.
89. *Его же.* — Путь к власти. — М. 1918, стр. 73 слл.
90. *D-r Gustav Le Bon.* — La psychologie politique et la défense social. P. 1910, p. 198.
91. См. об этом: *К. Каутский.* — Социальная революция. — М. 1918, стр. 17, а также *И. Степанов.* — Экономическое развитие и диктатура пролетариата,—в сборн. «Октябрьский переворот и диктат. пролет.». М. 1919, стр. 59.
92. *К. Маркс.* — Капитал. — Т. III, ч. II, гл. 36, стр. 138. М. 1908.
93. Речь проф. *Шмоллера* на открытии в 1872 г. Союза социальной политики, привед. у *Чупрова,* История полит. экономии. М. 1913, стр. 220.
94. Слова *Жана Жореса.* Цитиров. у *Дюги,* ук. соч., стр. 25.
95. *С. А. Котляревский.* — Власть и право. — М. 1915, стр. 250.
96. *П. И. Новгородцев.* — Об общественном идеале. — М. 1917, стр. 319.
97. *К. Маркс.* — 18 Брюмера, в сборнике «Мысли», стр. 253.
98. *Ф. Энгельс.* — Развитие социал. от утопии к науке, стр. 27.
99. *Его же.* — Herrn Eugen Duhrings Umwälzung der Wissenschaft. — Stuttgart, 1894, S. 301.
100. *К. Маркс.* — Гражд. война во Фр., стр. 12.
101. *Его же.* — 18 Брюмера, — в сборн. «Мысли», стр. 254, а также Гражд. война во Фр., стр. 53; ср.: Коммунист. Маниф., предисловие *Маркса* и *Энгельса:* 24 июня 1872 г. М. 1918, стр. 15.
102. *К. Маркс.* — Гр. война во Фр., стр. 60.
103. *П. Кропоткин.* — Государство и его роль в истории. — М. 1917, стр. 60.
104. Ср. также: *Еллинек.* — Право совр. госуд., стр. 281, 284.
105. Ср.: *Еллинек.* Право совр. гос., стр. 113.
106. *L. Duguit.* — Traité de droit constitutionnel, t. I. P. 1921, p. 399.
107. *Проф. Н. Н. Алексеев.* — Очерки по общей теории государства. М. 1920, стр. 179.
108. *К. Маркс.* — Гр. война во Фр., стр. 54.
109. Ср.: *В. Бэджгот.* — Государственный строй Англии. — М. 1905, стр. VII.
110. *Ф. Ф. Кокошкин,* ук. соч., вып. I, стр. 17.
111. *К. Каутский.* — Социальная револ., стр. 42.
112. Там же, стр. 41.
113. *К. Маркс.* — Гражд. война во Франции, стр. 56.

114. См.: *Н. Ленин (Вл. Ильин).* — Империализм, как новейший этап капитализма. — Пгр. 1919, стр. 36 слл., 40 слл.
115. *Иосиф Редлих.* — Английское местное управление. — Т. I. Спб. 1907, стр. 106 слл.
116. *Генри Джефсон.* — Платформа, ее возникновение и развитие в Англии. Спб. 1901. Т. I, стр. 207—208.
117. Там же, стр. 222.
118. *И. Редлих,* ук. соч., стр. 106.
119. *Вальтер Бэджгот,* ук. соч., стр. 89, 93, в особенности 354.
120. *G. S. Maine.* — Popular government — London, 1885, p. 126.
121. *Сидней Лоу.* — Государственный строй Англии. — Спб. 1908, стр. 29—37, 60, 64—77.
122. *Н. Ленин (Вл. Ульянов).* — Пролет. рев. и рен. Каутский, стр. 39.
123. *Б. Чичерин.* — О народном представительстве. — М. 1899, стр. 806.
124. *К. Маркс.* — Критика Готск. прогр., стр. 32.
125. По этому вопросу см. также «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», стр. 13.
126. *K. Kautsky.* — Demokratie oder Diktatur. B. 1920, S.S. 29, 30.
127. *Карл Каутский.* — Путь к власти, стр. 9.
128. *К. Маркс и Фр. Энгельс.* — Коммунист. Манифест, стр. 31.
129. Там же, стр 38.
130. *Карл Маркс.* — Борьба классов во Франции. — В сборн. «Мысли», стр. 33.
131. Там же, стр. 109. См. также стр. 102, «...социал-демократическая красная республика — это диктатура...»
132. *Его же.* — Революция и контр-революция в Германии. — В сб. «Мысли», стр. 279.
133. *К. Маркс.* — Гр. война во Фр. — Введение *Фр. Энгельса,* стр. 14.
134. Из «Neue Zeit», приведено в «Окт. рев. и дикт. прол.», стр. 13.
135. Там же.
136. *Письма* Беккера, Дицгена, Энгельса, Маркса и др. к Зорге и др. — Спб., 1907, стр. 446.
137. *К. Маркс и Фр. Энгельс.* — Комм. Ман. — Предисловие *Каутского,* стр. 13.
138. *Г. В. Плеханов,* предисловие к Комм. Маниф., приведено у *Я. М. Магазинера,* Самодержавие народа, стр. 127.
139. *К. Маркс.* — Борьба классов во Франции. — Введение *Энгельса,* в сб. «Мысли», стр. 428.
140. *Каутский.* — Путь к власти, стр. 29 слл.
141. *Н. Ленин.* — Пролетарская революция и ренегат Каутский, стр. 90.
142. Там же, стр. 92.
143. Там же, стр. 97.
144. Там же, стр. 112 слл.
145. *Н. Осинский.* — Как и почему большевики овладели крестьянской стихией? «Известия В. Ц. И. К.», 1923, № 56.
146. *Н. Бухарин и Е. Преображенский.* — Азбука коммунизма. — М. 1920, стр. 269 слл.
147. Речь *т. Зиновьева* на XII съезде Р. К. П. (б.), «Правда», 18/IV—23 г.
148. *Н. Ленин.* — О продовольств. налоге. М. 1921, стр. 12—13.
149. *«Вестник* 2-го Конгресса Коминтерна» № 5. Речь *т. Троцкого.*
150. *Н. Ленин.* «Как нам преобразовать Рабкрин?», «Правда», 25/I—23 г.
151. IV Конгресс Коминтерна. Речи т.т. *Костржевы* и *Варга.* «Правда», 20/XI—22 г.
152. *К. Маркс.* — Борьба классов во Франции. В ук. сб., стр. 102.
153. Там же.
154. Окт. пер. и дикт. пролетариата, стр. 16.
155. Там же.
156. *Н. Бухарин,* ук. соч., стр. 142.
157. *К. Маркс.* — Кёльнский процесс коммунистов. Спб., 1906, стр. 28.
158. Доклад т. *Дзержинского* на XII съезде Р. К. П. (б.), «Правда» 28/IV—23 г.
159. Приведено у *П. И. Стучка,* Революционная роль права и госуд., 1921, стр. 52.

160. *«Вестник* 2-го Конгресса Коминтерна», № 5.
161. *Т. Струмилин.* — Рост Р. К. П. (б.) за 25 лет. «Изв. В. Ц. И. К.», 1923, № 56.
162. *«Вестник* 2-го Конгресса Коминтерна», № 4. Речь *т. Зиновьева.*
163. *Ф. Лассаль.* — Программа работников. — Собр. соч., т. I, стр. 25.
164. *К. Каутский.* — Представительное правление. Спб. 1905, стр. 85.
165. См., напр., проф. *Я. М. Магазинер.* Лекции по госуд. праву. Пгр. 1919, стр. 151.

Проф. Магазинер не согласился с моим возражением (Общее уч. о госуд., издание II, Петербург, 1922, стр. 354—355). Да я и не особенно рассчитывал убедить его. Конечно, он и в этом вопросе, как и во всех прочих, предпочел формально-юридический анализ точке зрения по существу.

166. Против этого *С. А. Котляревский.* — Власть и право. — М. 1915, стр. 310.
167. Проф. *А. Эсмен.* — Общие основы конституционного права. Спб. 1898, стр. 123.
168. См. ст.ст. 25 и 21 соответствующих конституций (сборн. «Современные Конституции», Спб., 1905).
169. *Вилльям Энсон.* — Английская корона. — Спб. 1914. Гл. IV, § 1.
170. См. ст.ст. 85, 21, 62, 75 и 51 соответств. конституций.
171. *J. J. Rousseau.* — Du contrat social. — Publié par G. Beaulavon. Paris. 1914, стр. 271. (Кн. III, гл. XV).
172. *Монтескье.* — О духе законов. — Спб. 1900, стр. 159. (Кн. XI, гл. VI). Ср. стр. 13. (Кн. II, гл. II).
173. *Эсмен.* — Основания, стр. 195.
174. *Еллинек.* — Конституции, их изменения и преобразования. — Спб. 1907, стр. 73.
175. *Брайс,* ук. соч., III, 110.
176. *П. И. Новгородцев.* — Кризис современного правосознания. М. 1909, стр. 120 сл.
177. *Брайс,* ук. соч., III, 20.
178. » » » III, 11.
179. » » » III, 6—7.
180. » » » III, 27—28.
181. » » » III, 109.
182. *Бэджгот,* ук. соч., стр. 87.
183. *Джон Стюарт Милль.* — О свободе. — Спб. 1906, стр. 10—11.
184. *Н. Бухарин и Е. Преображенский,* ук. соч., стр. 141.
185. *Новгородцев.* — Кризис соврем. правосозн., стр. 94.
186. *В. Бэджгот,* ук. соч., стр. 89.
187. Essay of the british constitution. — (За неимением под руками, цитирую на память).
188. *К. Маркс.* — 18 Брюмера, стр. 191.
189. Там же, стр. 254.
190. *К. Каутский.* — Эрфуртская программа. — М. 1918, стр. 122.
191. *Эмиль де-Лавелэ.* — Парламентаризм и демократия. — М. 1906, стр. 29—31. — Для Англии см. перечень у *Лоу,* ук. соч., стр. 172—173.
192. *Сидней Лоу,* ук. соч., стр. 76.
193. *Максим Леруа.* — Эволюция государственной власти. — Спб. 1907, стр. 121.
194. *Paul Leroy Beaulieu.* — L'état moderne et ses fonctions. — Paris, 1900, p. 119.
195. *Charles Benoist.* — «La crise de l'état moderne», Paris, p. 14.
196. *Еллинек.* — Конституции, их изменения и преобразования, — стр. 80.
197. *М. М. Ковалевский.* — Что такое парламент. — Спб. 1906, стр. 28. — Защиту парламентаризма смотри у Котляревского, — Правовое государство и внешняя политика. М. 1909, а также ук. соч.
198. *Новгородцев.* — Кризис совр. прав., стр. 164.
199. *Лоу,* ук. соч., стр. 64.
200. *Лоу,* ук. соч., стр. 78.
201. *Лавелэ,* ук. соч., стр. 7.
202. *Брайс,* ук. соч., I, стр. 223.

203. *К. Маркс.* — 18 Брюмера, — стр. 252.
204. *Лоу,* ук. соч., стр. 69.
205. Там же, стр. 66.
206. *В. Керженцев.* — Англия и англичане. — Петерб. 1918, стр. 42.
207. О значении комитетов см.: *В. Вильсон.* Государство. — М. 1905. §§ 1282, 1293, 1298, также 1141, 1142.
208. *Брайс,* ук. соч., I, 464.
209. » » » I, 223.
210. » » » I, 467.
211. *Новгородцев.* — Кризис совр. прав., — стр. 166.
212. *Г. Еллинек.* — Конституции, их изменения и преобразования. Спб., 1907, стр. 91—93.
213. Весьма тонкий и остроумный анализ этого периода см. у *М. А. Рейснера,*— «Окт. револ. и государств. власть», в сб. «Окт. революц. и диктатура пролет.».
214. IX Съезд Р. К. П. (б.), четвертый день, утреннее заседание, доклад *т. Бухарина* («Правда» № 72—1920 года).
215. *Т. Яковлев,* председатель Владимирского губисполкома, — «Исполкомы в новой политической и хозяйственной обстановке» — («Правда», 30/I—1920 г.).
216. *Ленин.* — Госуд. и револ., стр. 45—46.
217. Там же, стр. 45.
218. *К. Маркс.* — Гражд. война во Фр., стр. 58.
219. *С. А. Котляревский.* — Власть и право, — стр. 251.
220. *К. Маркс.* — 18 Брюмера, — стр. 196.
221. *Его же.* — Гражд. война во Фр., — стр. 56.
222. *Монтескье,* ук. соч., стр. 156. (Кн. XI, гл. VI).
223. *М. Леруа,* ук. соч., стр. 31, 33.
224. Против формулированного мною понимания характера В. Ц. И. К. и С. Н. К. проф. В. Н. Дурденевский делает вполне определенные возражения («Советское право», журн., № 1, 1922 г. «Совет Народных Комиссаров»). По его мнению, эволюция В. Ц. И. К. и С. Н. К. совершается в сторону приближения первого — к западноевропейскому парламенту, а второго — к кабинету министров (стр. 62). По отношению, в частности, к С. Н. К. автор устанавливает это приближение и с точек зрения классовой и правовой, и с точки зрения разделения властей (стр. 52). Именно «демократичность, партийность и ответственность» С. Н. К. и присущее ему сближение исполнительной и законодательной функций (53) роднят его с буржуазным кабинетом министров.

Здесь, однако, очевидное недоразумение, которое вскрыть не представляет особенного труда. Проф. Дурденевский исходит, как из доказанной истины, из того, что буржуазный кабинет министров демократичен и ответствен. Но ведь истина эта уже давно превратилась в свою противоположность. Говорить ли о том, что даже та демократия для имущих, которой блистали когда-то буржуазные государства, выродилась повсюду в демократию для банкиров и промышленных королей? Проф. Дурденевский считает демократичными кабинеты Муссолини и Пуанкаре. Он думает, что кабинет Кулиджа демократичен. Он, повидимому, считает ответственными перед парламентами этих откровенных ставленников плутократии, старших дворников капитализма, давно упразднивших и парламенты и всякую тень демократии.

Демократия для большинства, для неимущих, для широких трудящихся масс осуществляется только в Советской России. Проф. Дурденевский признает, что СНК ведет свою политику по указаниям Съездов Советов, представляющих весьма широкие круги рабочей демократии, — уму непостижимо, как можно в таком случае ставить его на одну доску с кабинетом министров по признаку демократичности и ответственности.

Что касается партийности СНК, как черты, роднящей его с буржуазными кабинетом министров, то и по этому поводу нужно отметить, что научная истина никогда не дастся в руки тому, кто отыскивает ее такими формальными и поверхностными приемами. Разве не разъяснил давно Острогорский, что представляют из себя буржуазные партии?

Каждая порознь и все вместе — это просто одно из средств водить за нос (circomvenir) широкие массы, одно из явлений известной «wire pulling», «l'art de tirer les ficelles», которую применяет буржуазия, слишком трусливая для того, чтобы

столкнуться с массами лицом к лицу («La démocratie et l'organisation des parties politiques» pär M. Ostrogorski. T. I, Paris, 903, pp. 154, 544, 545). В нескольких строчка, конечно, невозможно выявить всю разницу между буржуазной и пролетарской партиями, но разве не ясно и без того, что в то время, как буржуазная партия и все органы ее — маска, которой хочет скрыть свой звериный и пошлый лик вырождающийся класс, массовая рабочая партия — подлинное лицо пролетариата, класса молодого и полного сил. *Партийный СНК потому и не похож на кабинет министров, что он партийный.*

Перейдем к вопросу о разделении властей. По мнению проф. Дурденевского, у буржуазии существует не разделение властей, а «распределение властей-функций» (53). В чем же оно сказывается? В том, что «начался процесс сближения исполнительных функций с законодательными, выразившийся в усиленном развитии министерских и президентских декретов, так сказать, законов второго ранга» (53). Странно. То распределение, то сближение... Не есть ли это именно та пляска и сумятица и властей и функций, о которых я говорю? Но допустим, что в руках кабинета министров родственным и дружеским образом сблизились функции исполнительная и законодательная. Почему же получаются в результате «законы второго ранга»? В том и суть, что президенты и министры, пытаясь законодательствовать, *узурпируют* права парламента. Этого обстоятельства ничем не скроешь, но есть ли оно у нас? — СНК законодательствует по *собственному* праву, предоставленному ему Конституцией.

Где у проф. Дурденевского основание считать его декреты законами второго ранга? (54, 57). Потому ли, что они нуждаются в санкции ВЦИК? Но ведь и декреты самого ВЦИК тоже требуют санкции, — санкции Съезда, — значит и его законы второго ранга? А Съезд по текущим вопросам почти не законодательствует, — выходит, что у нас настоящих, первого ранга, законов почти и нет? Оригинальный вывод, который надо бы проф. Дурденевскому сделать, но что-то его удерживает.

Самое же главное — вот в чем. Если правда, что функции исполнительная и законодательная сблизились, то сблизились они в руках кабинета министров. А парламенты? Присоединились ли к их законодательным функциям исполнительные? Кто скажет, что они уже превратились из болтающих учреждений в работающие? Что-то не видно. Нельзя говорить о сближении исполнительных и законодательных функций уже потому, что сближение это явно однобокое. Меж тем, у нас ВЦИК не только законодательная власть, но и исполнительная, СНК — не только исполнительная, но и законодательная. И все это честь-честью, по праву, по закону, по конституции. Где же у буржуазии можно указать нечто схожее?

Ни с какой стороны, ни формально, ни по существу, невозможно усмотреть эволюции СНК к кабинету министров. Впрочем, мне кажется, что внутренний смысл интересной и богатой материалами статьи проф. Дурденевского не в этом. В сущности, автору хотелось проследить и подчеркнуть эволюцию (мнимую, конечно) Советского правительства от *крестьянско*-рабочего в конце 17 года через *рабоче*-крестьянское в 18 и 19 г.г. к *крестьянскому* в 22 году (стр. 49, 50, 51, 60, 63). Задача трудная и на редкость неблагодарная. Но показать, как и почему не справился да и не мог справиться с ней автор, уже выходит из рамок настоящего примечания.

225. *М. Леруа*, ук. соч., стр. 126.

226. *А. Л. Лоуэлль*, ук. соч., стр. 11.

227. *Перси Ашлей*. — Местное и центральное управление. Спб., 1910, стр. 4.

228. *Там же*, стр. 3, 4 и примечание.

229. *А. Л. Лоуэлль*, ук. соч., стр. 28.

230. Речь *т. Ленина* на Всероссийском совещании политпросветов («Правда», № 248, 5/XI — 1920 г.).

231. *Резолюция* XII съезда РКП (б) по организационному вопросу («Правда, 28/IV — 23 г.).

232. Первая статья *Энгельса в* «The commowealth» от 24 марта 1866 г. Приведена у N. Rjasanoff, Karl Marx und Friedrich Engels über die Polenfrage (Archiv fur die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegûng, herausgeg. v. Carl Grünberg, Leipzig, 1916, S. 215).

233. *Г. Сафаров*. Национальный вопрос и пролетариат, 1922, стр. 146.

234. *К. Каутский*. Национальные проблемы, 1918, стр. 36.

235. Правда, в пределах единой нации могут существовать весьма значительные различия в *народном* языке (верхне- и нижне-немецкий говор, французский и про-

вансальский, валийский и английский), но в таких случаях различия эти вполне парализуются широким господством *литературного* языка.

236. *И. Сталин.* Сборник статей, 1920, стр. 4. — Поэтому, очень ошибается т. Сафаров, считая швейцарцев нацией (ук. соч., стр. 6). С одинаковым правом можно говорить и о швейцарских итальянцах, немцах, французах, и о швейцарском *народе,* но что назвать швейцарской нацией?

237. *И. Сталин,* ук. соч., стр. 7.

238. Срв.: Формы национального движения в современных государствах. Спб., 1910, стр. 731.

239. *Л. Гумплович.* Общее учение о государстве, 1910, стр. 142.

240. *Г. Еллинек.* Общее учение о государстве, 1903, стр. 75.

241. *Там же.*

242. *Там же.*

243. *Там же,* стр. 76..

244. *Г. Еллинек,* ук. соч., стр. 76.

245. Срв.: *Отто Бауэр.* Национальный вопрос и социал-демократия, 1918, стр. 21—24, 50, 51.

246. *Там же,* стр. 44.

247. *К. Маркс.* К критике гегелевской философии права. Лит. Насл. I, 518.

248. *К. Маркс.* К еврейскому вопросу. Лит. Насл., I, 559.

249. *Л. Гумплович,* ук. соч., стр. 151.

250. *К. Маркс,* ук. соч., там же.

251. Das Kommunistische Manifest. Berlin, 1904. S. 22.

252. *Н. Ленин.* Собр. соч., 1921, т. XIX, стр. 172.

253. *Там же,* стр. 113, 157, 174, 199, 201 — любимая фраза Ленина, которую он не уставал повторять до 1917 года, а с этого года претворял в дело. — Срв.: речь *Энгельса* 29 ноября 1847 г. в годовщину польского восстания 1830 г.: «Не может нация стать свободной и продолжать в то же время угнетение других наций» (привед. у *N. Rjasanoff,* ук. соч.). А позже с еще большим одушевлением «какое это несчастие (Pech) для народа, если он поработил другой народ!» восклицал Энгельс в письме к Марксу 24 октября 1869 г. (Der Briefwechsel zwischen F. Engels u. K. Marx, 1844—1883, Stuttgart, 1921, IV B. S. 196).

254. *И. Сталин.* Сборник статей, 1920, стр. 88.

255. *Н. Ленин,* ук. соч., 200.

256. *Там же,* 97.

257. *Там же,* 98.

258. *Там же.*

259. Срв.: «Жизнь национальностей», 1923, кн. 3—4, стр. 4.

260. *Тов. Зиновьев.* Речь в заседании коммунистич. фракции II Союзного Съезда. (Известия ЦИК С.С.С.Р., 6/II—1924).

261. Срв.: речь *М. И. Калинина,* XI Всеросс. Съезд, первый день, открытие.

262. *Ю. Ларин.* Статья в «Правде» 20/XII—23—Срв.: Он же, «Ножницы и уроки кризиса» в журн. «Вопросы советского хозяйства и управления» № 1, 1924, стр. 32 сл.

263. Срв.: *И. Сталин.* Доклад по национальн. вопросу на X съезде РКП (Стенографич. отчет, Гос. Изд. 1921 г., стр. 80).

264. Резолюция X Съезда РКП по национал. вопросу. (Там же, стр. 97).

265. Цит. у *М. Павловича:* «X съезд РКП и национальный вопрос» в сборн. «Национальный вопрос и Советская Россия», 1921, стр. 37.

266. Цит. у *М. Славинского:* «Национальная структура России и Великороссии», в сборн. «Формы Национального движения», 1910, стр. 289.

267. *Н. Ленин,* ук. соч., стр. 197.

268. *Там же,* стр. 121.

269. *И. Сталин.* Сборн. стат., 1920, стр. 24.

270. Декларация прав народов России. Соб. Узак., 1917, № 2, ст. 18.

271. *С. А. Котляревский.* Власть и право, 1915, стр. 259.

272. *Там же,* 261.

273. *Н. И. Лазаревский.* Русское государственное право. Т. I, 1917, стр. 184.

274. Совершенно верно замечено по аналогичному поводу: «читая этих авторов, чувствуешь себя перенесенным в средневековье, когда юриспруденция была слу-

жанкой богословия. Субстанция, аттрибут — выражения, лишенные смысла, от которых следует освободиться раз навсегда». (Leon Duguit. Traité de droit constitutionelle, t. I, Paris, 1921, p. 476).

275. *Г. Еллинек,* ук. соч., 289.

276. *Эсмен.* Общие основания конституционного права, 1898, стр. 130 сл.

277. Срв.: там же, 140.

278. *Н. И. Палиенко.* Суверенитет. Историч. развитие идеи суверенитета и ее правовое значение, 1903, стр. 205, сл.

279. *Еллинек,* ук. соч., стр. 311 и прим. 5.

280. *Там же,* 108 сл.

281. *Там же,* 114.

282. Срв.: *А. Менгер.* Новое учение о государстве, 1906, стр. 204 сл.

283. *Еллинек,* ук. соч., 326.

284. Paul Ladand. Das Staatsrecht des deutschen Reiches, 1902, S. 13.

285. *Еллинек,* ук. соч., 327.

286. *Laband,* op. cit. 15: der Geliedstaat ist nach unter Herr, nach oben Unterthan».

287. *Еллинек,* ук. соч., 325.

288. *Там же,* 324.

289 *Палиенко.* Суверенитет, стр. 278.

290. *Эсмен,* ук. соч., 7. — Впрочем, на неряшливость построений Эсмена, который дробит суверенитет, сам того не замечая, «загипнотизированный догмой о суверенной личности нации-государства (de la nation-Etat» указал Дюги (ук. соч., стр. 474).

291. *Н. М. Коркунов.* Русское госуд. право, II, 1909, стр. 489.

292. Срв.: *К. Гуго.* Новейшие течения в английском городском самоуправлении, 1898, стр. 1.

293. *И. Редлих.* Английское местное управление, I, 1907, стр. 234.

294 *Джон А. Фэрли.* Местное управление в С.Ш.С.А., 1910, стр. 46.

295. *Лазаревский,* ук. соч., 184. Срв.: проф. А. И. Елистратов. Очерк административного права, 1923, стр. 48. — Проф. Елистратов думает, что господство государственной теории основывается на исчезновении классовых противоположностей интересов, преследуемых центральным правительством и органами местного самоуправления по мере того, как буржуазия одерживает верх над абсолютизмом (49). В действительности, противоположность классовых интересов не только, нужно думать, остается, но приобретает особенно яростный характер: добив умирающего врага-феодала, буржуазия обрела нового в лице пролетариата, который ее самое прикончит. Эта классовая борьба идет, между прочим, и по линии противоположения центральной и местной власти и выражается в усилиях централиста-капитала подчинить себе местные учреждения под видом государственных. Отрицание такого смысла государственной теории заставляет думать, что автор считает буржуазную власть вполне надклассовой властью, а самую классовую борьбу благополучно упраздненной в правовом государстве, хотя такому предположению как будто противоречит его же анализ форм властвования в эпоху капитализма (§ 3) и прямо вдохновенные страницы, посвященные ошельмованию как раз буржуазного государства (срв. 29). Как видно, вдохновение и впрямь вещь капризная: его «порывы благотворны», но мимолетны.

296. *Лазаревский,* там же.

297. Julius *Hatschek.* Englisches Staatsrecht, 1906, I, 204, 205.

298. Выражение одной стачечной прокламации. (Пьер Леруа-Болье. Новые англосаксонские общества, 1898, стр. 104. Срв.: 95 сл. — Личные взгляды автора далеки от демократических увлечений, что часто дает ему возможность ясно различать отрицательные стороны прославленных буржуазно-демократических учреждений).

299. *Вальтер Фогель.* Новая Европа, I, 1924, стр. 230.

300. Известия ЦИК СССР, 18/XII—23. «Воззвание консерваторов против рабочей партии».—Стоит вспомнить по этому поводу, что писали о королевской прерогативе Бэджгот (Государственный строй Англии, 1905, стр. 29) и Лоу (Гос. строй Англии, 1908, стр. 219 сл.).

301. Эвфемистически мысль эта выражается так: «Автономия вовсе не предполагает равноправия наделенной ею части государственного целого со всеми дру-

гими. Наоборот, она обычно есть своеобразная привиллегия, основанная на исключительных материальных и культурных условиях данной области: наличность автономии в одной части государства не дает никаких прямых оснований для домогательств других частей, где подобные условия совершенно отсутствуют. Можно быть сторонником широкой автономии Финляндии или Польши, и отсюда не вытекает еще никакого обязательства отстаивать автономию Литвы или Малороссии». (Котляревский, ук. соч., 272). С полным пониманием и с тонкой чуткостью к потребностям буржуазного общества здесь облекаются в юридические формы внутренние отношения эксплоатации и угнетения: автономия — дело силы, а не права. Ее не просто получают, ее вырывают из горла (disgorged — по образному выражению Энгельса). Той части государства, которую капиталист господствующей нации в состоянии эксплоатировать лишь с помощью автономии, приходится уделить эту «привиллегию», — таковы Финляндия и Польша, — иначе о них, пожалуй, зубы обломаешь; но украинский или белорусский мужик достаточно беспомощен и в международном отношении беззащитен, чтобы можно было счесть излишней роскошью всякие автономические церемонии и грабить без оных.

302. Названия этих боровшихся партий менялись таким образом, что хорошо иллюстрировали свою полную условность... Централисты именовались сначала федералистами, потом вигами, наконец, республиканцами; их противники — сначала республиканцами, потом демократами. (Срв.: Брайс, Американская Республика, 1890, II, гл. 53). — Современная Америка куда откровеннее и непринужденнее: громкие и почтенные титулы республиканцев, демократов, вигов и т п., решительно выходят из моды, и на выборах в парламент борются просто... «сухие» и «мокрые». Сухие — это трезвенники, поддерживающие запрещение торговать спиртными напитками, мокрые — те, которым это невыгодно. Покойник Вильсон был мокрый.

303. *Брайс*, ук. соч., I, 345.

304. *В. Вильсон.* Государство, 1905, § 1083. — Срв.: *Он же.* «Государственный строй С. Ш.», 1909: было время, когда «губернатор Нью-Иорка отрицал превосходство президента, да последний и сам готов был усомниться в важности своего официального положения» (стр. 23), но все развитие взаимоотношений центра и штатов клонилось к тому, чтобы «заставить всю промышленность страны держаться за юбки федерального правительства» (стр. 25), так что теперь, «штаты абсолютно лишены каких бы-то ни было средств действительной защиты своих очевидных прерогатив» (стр. 27).

305. *В. Вильсон.* Государство. § 1090.

306. *А. Л. Лоуэлль.* Правительства и политические партии в государствах Зап. Европы, 1905, стр. 364.

307. Срв.: *Там же*, 365.

308. Срв.: *Laband*, op. cit., 16.

309. Срв.: *Л. Дюги.* Конституционное право. Общая теория государства, 1908, стр. 184

310. *Ленин.* Государство и Революция, 1918, стр. 50.

311. *М. Владимирский.* Организация советской власти на местах, 1919, стр. 52.

312. Срв.: *Там же.*

313. *Ленин.* Государство и революция, стр. 50.

314. *М. Владимирский*, ук. соч., 53. — Совершенно неправильно изображать этот период вроде какой-то мрачной анархии, из которой советы были выведены всемогущим центром «в результате долгой и упорной борьбы», как делает М. Рейснер («Государство буржуазии и РСФСР», 1923, стр. 371).

315. *Ленин.* Государство и революция, 50.

316. *Маркс.* Гражданская война во Франции, 1917, стр. 59.

317. *Там же*, 57.

318. Коммунистический манифест, 1904, немецк. изд., стр. 17.

319. X Съезд РКП (б). Прения по национ. вопросу. Содоклад *т. Сафарова.* (Стенографический отчет, 1921, стр. 85).

320. *Там же*, стр. 97. (Резолюция по нац. вопросу).

321. Срв.: *Ленин.* Государство и революция, 50.

322. «Формы национального движения», стр. VII.

323. *Тов. Одинец.* Речь на I Съезде Советов СССР. (Стенографический отчет., 1922, стр. 17).

324. «Политика Советской власти по национальному вопросу за три года», 1920, стр. 7.

325. X Съезд РКП (б). Стенограф. отчет, стр. 96.

326. XII Съезд РКП (б). Доклад *т. Сталина.* (Стенограф. отч. 1923, стр. 442).

327. «Политика Советской власти по нац. вопр.», стр. 8.

328. Литературу по этому вопросу см. у *Г. С. Гурвича.* «Принципы автономизма и федерализма в Советской системе», 1924, стр. 62 и слл.

329. Проф. *Б. Д. Плетнев.* Государственная структура РСФСР. «Право и жизнь», кн. I, 1922, стр. 28.

330. Конст. *Архипов.* Типы советской автономии. «Власть Советов» № 8—9, 1923 стр. 36. — По мнению автора самая терминология «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа» — «Республика Советов»! — отдает конфедерализмом (стр. 35). Увы, мы принуждены его огорчить: «Республика Советов» имеет такой смысл только в заграничных писаниях левых эсеров (срв., напр., сборник под тем же названием, издательство «Скифы» Берлин—Милан). А у нас Республика Советов значит — Советская Республика и больше ничего.

331. Впервые, если не ошибаемся, опубликовано на русском языке в журнале «Вперед», изд. Ц.Б.К.П.Б., Минск, 1922, № 4, стр. 59.

332. *Я. М Магазинер.* Общее учение о государстве, 1922, стр. 299.

333. При особом мнении остались проф. *В. Н. Дурденевский* (На путях к русскому федеральному праву, «Советское Право», № 1, 1923, стр. 31) и В. Д. («Советское Право», № 2, 1923, стр. 120).

334. *Ленин.* Государство и революция, 1918, стр. 68.

335. *И. Сталин.* Доклад на XII Съезде РКП (б). Стенографич. отчет, 1923, стр. 446.

336. *Там же.*

337. *Н. Ленин.* Собр. соч., т. XIX, стр. 268.

338. *Он же.* Гос. и рев., 1918, стр. 68.

Приложения.

Приложение I.

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН)

Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года.

Утвержденная III Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 года декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа вместе с утверждаемой V Всероссийским Съездом Советов Конституцией Советской Республики составляют единый основной закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Этот основной закон вступает в действие с момента его опубликования в окончательной форме в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов». Он должен быть распубликован всеми местными органами Советской власти и выставлен во всех Советских учреждениях на видном месте.

V Всероссийский Съезд Советов поручает Народному Комиссариату Просвещения ввести во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений настоящей Конституции, а равно и их разъяснение и истолкование.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа.

Глава первая.

1. Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик.

Глава вторая.

3. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, III Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановляет далее:

а) В осуществление социализации земли, частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

б) Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельско-хозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием.

в) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-

Крестьянской Республики, подтверждается Советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами.

г) III Всероссийский Съезд Советов рассматривает Советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, выражая уверенность, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

д) Подтверждается переход всех банков в собственность Рабоче-Крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

е) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства, вводится всеобщая трудовая повинность.

ж) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров декретируется вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

Глава третья.

4. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, III Всероссийский Съезд Советов всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

5. В тех же целях III Всероссийский Съезд Советов настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплоататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.

6. III Всероссийский Съезд Советов приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении.

Глава четвертая.

7. III Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплоататорами, эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

8. Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно тем более полный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский Съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных Советских учреждениях.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Глава пятая.

9. Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства

в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

10. Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах.

11. Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные Съезды Советов и их исполнительные органы.

Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

12. Верховная власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике принадлежит Всероссийскому Съезду Советов, а в период между Съездами— Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов.

13. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

14. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

15. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением.

16. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывают рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и огранизации.

17. В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование.

18. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест»!

19. В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей.

20. Исходя из солидарности трудящихся всех наций, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства.

21. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления.

22. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

23. Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.

Конструкция Советской власти.

А. Организация Центральной власти.

Глава шестая.

О Всероссийском Съезде Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов.

24. Всероссийский Съезд Советов является высшей властью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

25. Всероссийский Съезд Советов составляется из представителей городских Советов, по расчету 1 депутат на 25.000 избирателей, и представителей губернских Съездов Советов, по расчету 1 депутат на 125.000 жителей.

Примечание 1. В случае, если губернский Съезд Советов не предшествует Всероссийскому Съезду Советов, то делегаты на последний посылаются непосредственно уездными Съездами Советов.

Примечание 2. В случае, если областной Съезд Советов непосредственно предшествует Всероссийскому Съезду Советов, то делегаты на последний могут быть посланы областным Съездом Советов.

26. Всероссийский Съезд Советов созывается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом не реже двух раз в год.

IX Съезд Советов постановляет:

Во изменение ст. 26 Конституции Р. С. Ф. С. Р. очередные Всероссийские Съезды Советов созываются В. Ц. И. К. один раз в год.

27. Чрезвычайный Всероссийский Съезд Советов созывается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов по собственному почину или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее $1/3$ всего населения Республики.

28. Всероссийский Съезд Советов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов в числе не свыше 200 человек[1]).

29. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов всецело ответствен перед Всероссийским Съездом Советов.

30. В период между Съездами высшей властью Республики является Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов.

Глава седьмая.

О Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

31. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов является высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

---

[1]) VIII Всероссийский Съезд Советов довел число членов до 300, IX — до 386. В. Ц. И. К. X созыва состоит из 270 членов.

32. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов дает общее направление деятельности Рабоче-Крестьянского Правительства и всех органов Советской власти в стране, объединяет и согласует работы по законодательству и управлению и наблюдает за проведением в жизнь Советской Конституции, постановлений Всероссийских Съездов Советов и центральных органов Советской власти.

33. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рассматривает и утверждает проекты декретов и иные предложения, вносимые Советом Народных Комиссаров или отдельными ведомствами, а также издает собственные декреты и распоряжения.

Постановление VIII Всеросс. Съезда:

Все декреты, касающиеся установления общих норм политической и экономической жизни, а также все декреты, вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов, обязательно рассматриваются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, при чем соответствующие проекты декретов и постановлений по вопросам общеполитического и экономического значения, в том числе все важнейшие мероприятия по военным и иностранным делам, опубликовываются Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета не позднее, как за две недели до сессии, с тем, чтобы местные Советы имели время и возможность обсудить их раньше, чем будет принято окончательное решение.

Постановление IX Всеросс. Съезда:

1. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет созывается Президиумом В. Ц. И. К. на сессионные заседания не менее трех раз в год, при чем устанавливается, что в целях подробного обсуждения стоящих вопросов сессии В. Ц. И. К. созываются на более продолжительные сроки. Сверх того, после Всероссийского Съезда Советов созывается сессия В. Ц. И. К. для образования Президиума В. Ц. И. К., Совета Народных Комиссаров и Комиссий В. Ц. И. К.

2. Чрезвычайные заседания созываются по инициативе Президиума В. Ц. И. К. по предложению Совнаркома или по требованию одной трети членов В. Ц. И. К.

3. В. Ц. И. К. организует постоянную бюджетную, федеральную и другие комиссии, действующие на основании утвержденных В. Ц. И. К'ом положений.

4. Каждая постоянная Комиссия В. Ц. И. К. работает под председательством одного из членов Президиума В. Ц. И. К.

34. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов созывает Всероссийский Съезд Советов, которому представляет отчет о своей деятельности и доклады по общей политике и отдельным вопросам.

35. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов образует Совет Народных Комиссаров для общего управления делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и отделы (Народные Комиссариаты) для руководства отдельными отраслями управления.

36. Члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов работают в отделах (Народных Комиссариатах) или выполняют особые поручения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Постановление VII Всеросс. Съезда:

1. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета руководит заседаниями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

2. Подготовляет материалы для заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

3. Вносит проекты декретов на рассмотрение пленума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

4. Наблюдает за исполнением постановлений Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

5. Ведет сношения от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

6. Является руководящим центром по инструктированию всей работы как в центре, так и на местах.

7. Рассматривает ходатайства о помиловании, утверждает награждение орденом Красного Знамени и разрешает другие вопросы в порядке управления.

8. Между заседаниями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Президиум имеет право утверждать постановления Совета Народных Комиссаров, а также приостанавливать его постановления, перенося их на разрешение ближайшего

пленума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, назначает отдельных Народных Комиссаров по представлению Совета Народных Комиссаров.

Постановление VIII Всеросс. Съезда:

1. Съезд Советов предоставляет Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета право отменять постановления Совета Народных Комиссаров и издавать в порядке управления необходимые постановления от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, с обязательстовм представлять доклады о своей работе в очередные сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

2. Вопросы и конфликты, касающиеся взаимоотношений между Народными Комиссариатами, Главками и Центрами, с одной стороны, и местными Исполнительными Комитетами, с другой, — разрешаются Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

3. Вопросы административно-хозяйственного деления Российской Социалистической Федеративной Советской Республики разрешаются Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

4. На Президиум возлагается особо тщательная подготовка Всероссийского Съезда Советов и сессий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, при чем все необходимые для них материалы должны публиковаться Президиумом за один месяц до Съезда или за две недели до сессии.

Глава восьмая.

О Совете Народных Комиссаров.

37. Совету Народных Комиссаров принадлежит общее управление делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

38. В осуществление этой задачи Совет Народных Комиссаров издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни.

39. О всех своих постановлениях и решениях Совет Народных Комиссаров немедленно сообщает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов.

40. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов вправе отменить или приостановить всякое постановление или решение Совета Народных Комиссаров.

41. Все постановления и решения Совета Народных Комиссаров, имеющие крупное обще-политическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Примечание. Мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Советом Народных Комиссаров непосредственно.

Постановление VIII Всеросс. Съезда:

Все декреты и общегосударственные мероприятия, не терпящие отлагательства, в том числе все законодательные мероприятия по делам военным и все влекущие за собой обязательства для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики мероприятия по иностранным делам непременно рассматриваются и утверждаются Советом Народных Комиссаров.

42. Члены Совета Народных Комиссаров стоят во главе отдельных Народных Комиссариатов.

43. Народных Комиссариатов образуется 18, а именно:

а) по Иностранным Делам;
б) по Военным Делам;
в) по Морским Делам;
г) по Внутренним Делам;
д) Юстиции;
е) Труда ;
ж) Социального Обеспечения;
з) Просвещения;
и) Почт и телеграфов;
к) по Делам Национальностей;
л) по Финансовым Делам;

м) Путей Сообщения;
н) Земледелия;
о) Торговли и Промышленности;
п) Продовольствия;
р) Государственного Контроля;
с) Высший Совет Народного Хозяйства;
т) Здравоохранения.

Примечание. Народный Комиссариат Государственного Контроля переименован в Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции. Народный Комиссариат Торговли и Промышленности преобразован в Народный Комиссариат по Внешней Торговле.

44. При каждом Народном Комиссаре, под его председательством, образуется Коллегия, члены которой утверждаются Советом Народных Комиссаров.

45. Народный Комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего Народного Комиссариата, доводя о них до сведения Коллегии. В случае несогласия Коллегии с тем или иным решением Народного Комиссара, Коллегия, не приостанавливая исполнения решения, может обжаловать его в Совет Народных Комиссаров или в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

То же право обжалования принадлежит и отдельным членам Коллегии.

46. Совет Народных Комиссаров всецело ответствен перед Всероссийским Съездом Советов и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

47. Народные Комиссары и Коллегии при Народных Комиссариатах всецело ответственны перед Советом Народных Комиссаров и перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

48. Звание Народного Комиссара принадлежит исключительно членам Совета Народных Комиссаров, ведающего общими делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и никаким иным представителям Советской власти как в центре, так и на местах присвоено быть не может.

Глава девятая.

О предметах ведения Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

49. Ведению Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат все вопросы общегосударственного значения, как то:

а) Утверждение, изменение и дополнение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

б) Общее руководство всей внешней и внутренней политикой Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

в) Установление и изменение границ, а равно отчуждение частей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, или принадлежащих ей прав.

г) Установление границ и компетенции областных Советских союзов, входящих в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, а также разрешение споров между ними.

д) Принятие в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики новых сочленов Советской Республики и признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее.

е) Общее административное разделение территорий Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и утверждение областных объединений.

ж) Установление и изменение системы мер весов и денег на территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

з) Сношение с иностранными государствами, объявление войны и заключение мира.

и) Заключение займов, таможенных и торговых договоров, а равно финансовых соглашений.

к) Установление основ и общего плана всего народного хозяйства и отдельных его отраслей на территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

л) Утверждение бюджета Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

м) Установление общегосударственных налогов и повинностей.

н) Установление основ организации вооруженных сил Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

о) Общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр.

п) Назначение и смещение как отдельных членов Совета Народных Комиссаров. так и всего Совета Народных Комиссаров в целом, а также утверждение Председателя Совета Народных Комиссаров.

р) Издание общих постановлений о приобретении и утрате прав российского гражданства и о правах иностранцев на территории Республики.

с) Право амнистии, общей и частичной.

50. Сверх перечисленных вопросов, ведению Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению.

51. Исключительному ведению Всероссийского Съезда Советов подлежат:

а) Установление, дополнение и изменение основных начал Советской Конституции.

б) Ратификация мирных договоров.

52. Разрешение вопросов, указанных в пунктах «в» и «з» ст. 49, предоставляется Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов лишь при невозможности созыва Всероссийского Съезда Советов.

Б. Организация Советской власти на местах.

Глава десятая.

О Съездах Советов.

53. В съездах Советов (губернских, уездных. волостных) должны принимать участие представители всех Советов, находящихся на территории данной административной единицы, а равно и тех местностей (селений, фабрик, заводов и т. п.), где вопросы управления решаются общим собранием избирателей (§ 57 Конституции), на следующих основаниях:

Съезды Советов составляются следующим образом:

а) Губернские — из представителей городских Советов, Советов фабрично-заводских поселков с населением свыше 5.000 жителей и от волостных съездов по расчету: от волостных съездов — 1 депутат на 10 тысяч жителей, от Советов городов и фабрично-заводских поселков, фабрик и заводов, стоящих вне поселений — 1 депутат на 2.000 избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю губернию, при чем в случае созыва уездных съездов непосредственно перед губернским съездом выборы от волостей производятся не волостными съездами, а этими уездными съездами Советов.

Примечание. Губернские города, не имеющие Советов, посылают представителей на губернский съезд по расчету 1 депутата на 10.000 жителей.

б) Уездные — из представителей всех Советов, имеющихся на территории уезда, в том числе и Совета уездного города, по расчету: от сельских Советов — 1 депутат на тысячу жителей, от Советов городов и фабрично-заводских поселков, а также от Советов фабрик и заводов, стоящих вне поселений, по 1 делегату на 200 избирателей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд.

в) Волостные — из представителей всех Советов, имеющихся на территории волости, по расчету 1 депутат на каждые 100 жителей.

Примечание. В тех поселениях и на тех фабриках и заводах, где вопросы управления, согласно примечанию к статье 57 Конституции, разрешаются не Советами, а общим собранием избирателей, депутаты на уездный съезд избираются на этих общих собраниях.

54. Съезды Советов созываются соответствующими по территории исполнительными органами Советской власти (Исполнительными Комитетами) по усмотрению последних или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее 1/3 всего населения данного района, но во всяком случае не реже, двух раз в год по области, губернии, уездам и не реже, как через каждые три месяца по волости [1]).

Постановление IX Всеросс. Съезда:

1. Все очередные Съезды Советов автономных республик и областей, губернские, уездные и волостные созываются один раз в год.

2. Перевыборы городских, поселковых и сельских Советов производятся один раз в год.

Примечание 1. В случае необходимости губисполкомы созывают внеочередные уездные съезды Советов, а уисполкомы — волостные съезды Советов, на которых могут быть переизбраны исполкомы.

Примечание 2. Президиум В. Ц. И. К. постановляет о созыве внеочередных съездов Советов автономных республик, областей и губерний и, в случае необходимости, о перевыборах на них исполнительных органов.

55. Съезд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) избирает свой исполнительный орган — Исполнительный Комитет, число членов которого не должно превышать: а) по области и губернии — 25, б) по уезду — 20, в) по волости — 10. Исполнительный Комитет всецело ответственен перед избравшим его Съездом Советов.

56. В границах своего ведения Съезд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) есть высшая в пределах данной территории власть; в период же между Съездами такой властью является Исполнительный Комитет.

Постановление VII Всеросс. Съезда:

1. Исполнительные Комитеты избираются съездами, являются между съездами высшим органом Советской власти на соответствующей территории и подчинены вышестоящему Исполнительному Комитету, Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров.

2. Губернский Исполнительный Комитет имеет право контролировать и ревизовать деятельность всех правительственных учреждений как временного, так и постоянного характера, не входящих в состав отделов Исполнительного Комитета (за исключением учреждений действующих армий), немедленно доводя об этом до сведения соответствующего центрального учреждения.

3. Для выполнения всей работы, подлежащей ведению местной власти, и для проведения в жизнь постановлений вышестоящих Исполнительных Комитетов и центральной власти, Исполнительные Комитеты образуют отделы. При Губернском Исполнительном Комитете образуются отделы: 1 — управления, 2 — военный, 3 — юстиции, 4 — труда и социального обеспечения, 5 — народного образования, 6 — почт и телеграфов, 7 — финансов, 8 — земледелия, 9 — продовольствия, 10 — государственного контроля, 11 — Совет Народного Хозяйства, 12 — здравоохранения, 13 — статистики, 14 — Чрезвычайной Комиссии, 15 — коммунальный. При уездном — те же, кроме почт, телеграфов, юстиции и Чрезвычайной Комиссии [2]).

Закрытие существующих отделов, а равно и образование отделов производится Исполнительным Комитетом по соглашению с соответствующим Народным Комиссариатом и с утверждения Совета Народных Комиссаров.

Примечание I. Число отделов при волостных Исполнительных Комитетах, при Советах фабрично-заводских поселков и местечек определяется Губернским Исполнительным Комитетом.

Примечание II. Все местные Губернские Советы Народного Хозяйства объединяются с Губернским Земельным Отделом под общим руководством Губернского Исполнительного Комитета. Районный Совет Народного Хозяйства с Уездным Земельным Отделом под общим руководством Уездного Исполнительного Комитета.

Примечание III. Все местные (губернские, уездные, районные и т. д.) административно-хозяйственные органы Отделов, Главков и Центров входят в Губернский Совет Народного Хозяйства.

---

[1]) Ст. ст. 53 и 54 печатаются в редакции, установленной VII Всеросс. Съездом.

[2]) См. ниже постановление IX Съезда об отделах Уисполкомов.

Примечание IV. Подробная инструкция, определяющая права и обязанности центральных и местных учреждений Высшего Совета Народного Хозяйства по отношению к государственным заводам особой важности, к предприятиям трестов и т. п., должна быть разработана Высшим Советом Народного Хозяйства и проведена через Совет Народных Комиссаров и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Эта инструкция должна безусловно сохранить непосредственное подчинение всех трестированных и особо важных государственных предприятий своим центральным правлениям, а равно определить размеры и формы подчинения этих предприятий Губернским Советам Народного Хозяйства, в целях наилучшего и быстрейшего удовлетворения местных потребностей.

4. Во главе каждого отдела ставится заведующий отделом, который может быть и не членом Исполнительного Комитета. При заведующем образуется коллегия.

Примечание. По постановлению Исполнительного Комитета, коллегии в определенных случаях могут не образовываться.

Заведующий и члены коллегий избираются Исполнительным Комитетом. Соответствующий Народный Комиссар имеет право заявлять отвод заведующего. В случае разногласия, вопрос разрешается Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

5. За деятельность отдела и за точность и своевременность выполнения распоряжений центральной власти ответственность возлагается как на заведующего отделом, так и на Исполнительный Комитет.

6. Все крупные мероприятия отделов как принципиальной, так и практической важности, равно как и сметы отделов (до представления их в центр) должны вноситься отделами на утверждение Исполнительного Комитета.

7. Заведующий отделом имеет право единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего отдела, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением заведующего, коллегия не приостанавливает исполнение решения, обжалуя его в Исполнительный Комитет.

8. Отделы Исполнительного Комитета состоят в подчинении местному Исполнительному Комитету, обязаны исполнять все предписания и распоряжения местного Исполнительного Комитета и соответствующего отдела вышестоящих Исполнительных Комитетов и соответствующего Народного Комиссариата.

9. В том случае, когда отдел Исполнительного Комитета находит почему-либо невыполнимым распоряжение Народного Комиссариата или вышестоящего Исполнительного Комитета и его отдела, он обязан немедленно поставить об этом в известность президиум, который, не приостанавливая проведения в жизнь данного распоряжения, свои соображения о необходимости отмены его представляет Губернскому Исполнительному Комитету, в Совет Народных Комиссаров или в Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет; уездный — в Губернский Исполнительный Комитет и т. д., уведомляя одновременно тот орган, коим распоряжение сделано.

10. Народные Комиссариаты и отделы Исполнительного Комитета делают свои подведомственные распоряжения соответствующим отделам, при чем все распоряжения, имеющие особо важное значение, одновременно сообщаются ими Исполнительному Комитету, который следит за правильным и своевременным их исполнением.

11. Народные Комиссариаты и отделы Исполнительного Комитета имеют право непосредственного сношения с соответствующими отделами всех нижестоящих Исполнительных Комитетов. В тех случаях, когда Народные Кмиссариаты или отделы Исполнительного Комитета сносятся с нижестоящим органом, минуя промежуточные инстанции (например, Народные Комиссариаты с отделом Уездного Исполнительного Комитета, Губернский отдел — с волостными и т. п.), они обязаны одновременно уведомить эти инстанции.

12. Как общее правило, Исполнительные Комитеты и их отделы сносятся с высшими Исполнительными Комитетами и их отделами, а равно и с Народными Комиссариатами через соответствующие промежуточные инстанции, волостной Исполнительный Комитет, через уездный Исполнительный Комитет, уездный — через губернский, но это не лишает их права в тех случаях, когда это признано необходимым, непосредственного сношения с вышестоящими органами.

13. Для руководства всей текущей работой по управлению соответствующей территорией и проведению в жизнь постановлений и декретов центральной власти,

Исполнительный Комитет избирает президиум: губернский от 3—5 членов, уездный — 3 члена.

14. Решение местных органов о слиянии Исполнительного Комитета подлежит в каждом отдельном случае утверждению Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Постановление IX Съезда:

1. При Уисполкомах отделов РКИ, юстиции, совнархозов и органов ЧК не образовывать.

2. Предоставить право соответствующим отделам Губисполкомов в необходимых случаях, по соглашению с Уисполкомами, назначить по одному уполномоченному представителю соответствующей отрасли управления, с предоставлением ему права пользоваться аппаратом одного из отделов Уисполкома, по указанию президиума Уисполкома.

Примечание. ВСНХ через губернские отделы, а также губернские отделы по собственной инициативе, по соглашению с Уисполкомами и по утверждению Губисполкомов, в промышленных районах и уездах имеют право образовывать отделы с минимальными штатами.

3. Уполномоченные, а также отделы несут ответственность как перед Губисполкомом, так и перед Уисполкомом.

4. При Горисполкомах заштатных городов, в промышленных и иных поселениях городского типа (кроме уездных и губернских городов) с утверждения Губисполкомов могут быть организованы нижеследующие отделы: управления, народного образования, коммунального хозяйства и здравоохранения.

5. Существующие при волисполкомах отделы, а также волэкономсовещания упраздняются. Количество членов волисполкомов устанавливается в три человека.

Примечание. В исключительных случаях Губисполкомам предоставляется право увеличивать состав волисполкома до четырех членов. Все функции волисполкома распределяются между его членами по особо установленному положению ВЦИК.

6. Для технического обслуживания всех отраслей управления при волисполкомах организуется общее делопроизводство.

7. Все члены волисполкома получают содержание из средств государства; председатели сельсоветов и весь технический аппарат волсоветов получают содержание от Губисполкомов за счет местных средств.

Постановление IX Съезда:

Предоставить право Губсъездам Советов вводить в состав Губисполкома сверх нормы, установленной Конституцией, членов исполкомов с таким расчетом, чтобы в состав Губисполкомов входило не менее, как по одному представителю от каждого промышленного района. Расширенные заседания Губисполкомов созываются на сессии в сроки, устанавливаемые Губисполкомом.

Глава одиннадцатая.

О Советах Депутатов.

57. Советы Депутатов образуются:

а) В городах — по расчету 1 депутат на каждые 1.000 человек населения, но в числе не менее 50 и не более 1.000 членов.

б) В селениях (деревнях, селах, станицах, местечках, городах с населением менее 10.000 человек, аулах, хуторах и пр.) — по расчету 1 депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждое селение.

Срок полномочий депутатов — 3 месяца.

Примечание. В тех сельских местностях, где это будет признано осуществимым, вопросы управления разрешаются общим собранием избирателей данного селения непосредственно.

Из «Положения о Советах губ., уездн. и заштатных городов и поселков городск. типа».

2. Гор. Совет является высшим органом власти в пределах города или поселка городского типа и объединяет все трудящиеся массы, независимо от национальности

и вероисповедания, для участия в государственном управлении и административно-хозяйственном строительстве.

Примечание I. В заштатных (безуездных) городах и поселках городского типа гор. Советы образуются при наличии в них не менее 2.000 избирателей (или 10.000 жителей). По постановлению Губ. Исп. Комитетов, утвержденному ВЦИК, при наличии экономических признаков, могут быть образованы гор. Советы в поселках с населением менее 10.000 жит.

Примечание II. Под поселком гор. типа следует понимать местности, населенные в большинстве фабрично-заводским элементом.

Примечание III. В заштатных городах и поселках гор. типа с населением менее 10.000 избирается сельск. Совет на общих основаниях.

3. В городах с населением свыше 10.000 жителей гор. Совет избирается по расчету: 1 депутат на каждые 200 избирателей, но с числом не менее 50 и не более 100 депутатов.

Примечание. Для Москвы и Ленинграда допускается состав гор. Совета выше 1.000 депутатов.

5. Городской Совет избирается на один год.

Из «Положения о сельских Советах».

9. В селениях, имеющих не менее 400 жителей, в сельск. Совет избирается 1 депутат на каждые 200 человек населения, но не более 25 депутатов.

Примечание I. В селениях, имеющих менее 400 жителей, отдельные сельск. Советы не образуются. Трудящиеся таких селений осуществляют свое право управления: а) участвуя в выборах сельск. Совета соседнего села, имеющего сельск. Совет, б) объединяясь с соседними селениями, хуторами и т. д. для выборов общего для всех населенных пунктов сельск. Совета или в) решая вопросы управления на общих собраниях избирателей, согласно ст. 57 Конституции.

Примечание II. Принимая во внимание климатич., географич. и иные условия местности, Губ. Исполнит. Ком. вправе допустить организацию сельск. Советов и в селениях с населением менее 400 жителей.

Примечание III. Население советских хозяйств и фабрик, лежащих вне села, принимает участие в выборах сельск. Совета на общих основаниях, изложенных в Конституции, в постановлениях VII Всерсс. Съезда Советов и в настоящем положении.

11. Сельский Совет собирается не реже двух раз в месяц.

58. Для текущей работы Совет Депутатов избирает из своей среды исполнительный орган (Исполнительный Комитет) в количестве не свыше 5 человек в селениях, а в городах по расчету 1 на каждые 50 членов, но не менее 3 и не более 15 (Ленинград и Москва не более 40). Исполнительный Комитет всецело ответствен перед избравшим его Советом.

59. Совет Депутатов созывается Исполнительным Комитетом по усмотрению последнего или по требованию не менее половины членов Совета, но не реже 1 раза в неделю в городах и 2 раза в неделю в селениях.

60. В границах своего ведения Совет, а в случае, предусмотренном в ст. 57 (примечание), общее собрание избирателей есть высшая в пределах данной территории власть.

Постановление VIII Всеросс. Съезда Советов:

1. Подтверждая необходимость проведения в жизнь раздела 4-го постановления 7 Съезда Советов, 8-й Съезд Советов считает необходимым:

а) производить регулярные перевыборы сельских, волостных, городских и других Советов в установленные сроки, а также регулярно созывать Съезды Советов;

б) городские Советы образовывать во всех поселениях городского типа;

в) пленум городских Советов созывать не реже двух раз в месяц;

г) вменить в обязанность Исполнительным Комитетам собираться: волостным и уездным — не реже одного раза в неделю, губернским—не реже одного раза в две недели;

д) кроме заседаний Исполнительных Комитетов, созывать расширенные совещания: волостных Исполнительных Комитетов с представителями сельских Советов — не-

реже одного раза в месяц; уездных с представителями волостных Исполнительных Комитетов — не реже одного раза в месяц; губернских с представителями уездных в районных Исполнительных Комитетов — не реже одного раза в два месяца;

е) на всех этих совещаниях и заседаниях ставить на обсуждение все вопросы как местного, так и общегосударственного значения, при чем решения таких совещаний подлежат утверждению соответствующих Исполнительных Комитетов;

ж) сверх того, периодически созывать совещания заведующих отделами Исполнительных Комитетов;

з) на заседания Советов привлекать возможно большее количество рабочих и крестьян, устраивая эти заседания в рабочих кварталах и, по возможности, на крупных фабриках и заводах;

и) заседания Исполнительных Комитетов так же, по возможности, устраивать на фабриках и заводах;

к) всем Исполнительным Комитетам принять меры к наиболее широкому осведомлению рабоче-крестьянского населения о всех мероприятиях Советской власти, для установления наибольшей связи советских работников с рабоче-крестьянской массой, давать регулярные отчеты о своей деятельности рабоче-крестьянскому населению;

л) все постановления городских Советов и всех уездных и губернских Съездов Советов сообщать Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, который раз в два месяца публикует сводку всех важнейших постановлений.

2. Для скорейшего и планомерного проведения в жизнь всех вышеуказанных мероприятий, Съезд поручает Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в двухмесячный срок разработать соответствующие инструкции.

3. Съезд возлагает обязанность на Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Президиум местных Исполнительных Комитетов установить особый контроль над проведением в жизнь всех вышеперечисленных мероприятий, и в особенности за выполнением постановлений 7-го и 8-го Съездов Советов о Советском строительстве.

Глава двенадцатая.

О предметах ведения органов Советской власти на местах.

61. Областные губернские, уездные и волостные органы Советской власти, а также Советы Депутатов имеют предметом своей деятельности:

а) проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти;

б) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;

в) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение;

г) объединение всей Советской деятельности в пределах данной территории.

Постановление VII Съезда:

На общих собраниях Советов необходимо ставить все основные вопросы местной и общей жизни. Советы должны работать не только как аппарат агитации и осведомления, но и как деловой механизм. Каждый член Совета, по возможности, немедленно привлекается к выполнению определенной государственной работы.

62. Съездам Советов и их Исполнительным Комитетам принадлежит право контроля над деятельностью местных Советов (т.-е. областным — право контроля над всеми Советами данной области, губернским — над всеми Советами данной губернии, кроме городских, не входящих в состав уездных Съездов Советов и т. д.), а областным и губернским Съездам Советов и их Исполнительным Комитетам — кроме того, право отмены решений действующих в их районе Советов, с извещением об этом в важнейших случаях центральной Советской власти.

63. Для выполнения возложенных на органы советской власти задач при Советах (городских и сельских) и Исполнительных Комитетах (областных, губернских, уездных и волостных) образуются соответствующие отделы во главе с заведывающими отделами.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Активное и пассивное избирательное право.

Глава тринадцатая.

64. Правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., следующие обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим к дню выборов исполнилось восемнадцать лет:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли;

б) солдаты Советской армии и флота;

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах «а» и «б» настоящей статьи, потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность.

Примечание 1. Местные Советы могут с утверждения Центральной власти понижать установленную в настоящей статье возрастную норму.

Примечание 2. Из лиц, не вступивших в число российских граждан, пользуются активным и пассивным избирательным правом также лица, указанные в ст. 20 (рзадел второй, глава пятая).

65. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий:

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;

д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома;

е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой;

ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Глава четырнадцатая.

О производстве выборов.

66. Выборы производятся, согласно установившимся обычаям, в дни, устанавливаемые местными Советами.

67. Выборы производятся в присутствии избирательной комиссии и представителя местного Совета.

68. В тех случаях, когда присутствие представителя Советской власти оказывается технически невозможным, его заменяет председатель избирательной комиссии, а за отсутствием такового — председатель избирательного собрания.

69. О ходе и результате выборов составляется протокол за подписью членов избирательной комиссии и представителя Совета.

70. Подробный порядок производства выборов, а равно участие в них профессиональных и иных рабочих организаций определяется местными Советами согласно инструкции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Глава пятнадцатая.

О проверке и отмене выборов и об отзыве депутатов.

71. Весь материал по производству выборов поступает в соответственный Совет.
72. Совет для проверки выборов назначает мандатную комиссию.
73. О результатах проверки мандатная комиссия докладывает Совету.
74. Совет решает вопрос об утверждении спорных кандидатов.
75. В случае неутверждения того или иного кандидата, Совет назначает новые выборы.
76. В случае неправильности выборов в целом — вопрос об отмене выборов разрешается высшим по порядку органом Советской власти.
77. Последней инстанцией по кассации Советских выборов является Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов.
78. Избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы согласно общему положению.

Постановление VII Съезда:

Все члены Совета обязаны во что бы то ни стало давать отчеты своим избирателям не реже одного раза в две недели. Член Совета, не выполнивший два раза по неуважительным причинам данного постановления, считается лишенным мандата и вместо него избирается новый депутат.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.

Бюджетное право.

Глава шестнадцатая.

79. Финансовая политика Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели экспроприации буржуазии и подготовления условий для всеобщего равенства граждан Республики в области производства и распределения богатств. В этих целях она ставит себе задачей предоставить в распоряжение органов Советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности.

80. Государственные доходы и расходы Российской Социалистической Федеративной Советской Республики объединяются в общегосударственном бюджете.

81. Всероссийский Съезд Советов или Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов определяют, какие виды доходов и сборов входят в общегосударственный бюджет и какие поступают в распоряжение местных Советов, а равно устанавливают пределы обложения.

82. Советы устанавливают обложение налогами и сборами исключительно на нужды местного хозяйства. Потребности общегосударственные удовлетворяются за счет средств, отпускаемых из Государственного Казначейства.

83. Ни один расход из средств Государственного Казначейства не может быть произведен без установления на него кредита в росписи государственных доходов и расходов или путем издания особого постановления Центральной власти.

84. На удовлетворение потребностей, имеющих общегосударственное значение, в распоряжение местных Советов предоставляются подлежащими Народными Комиссариатами необходимые кредиты из Государственного Казначейства.

85. Все предоставленные Советам кредиты из средств Государственного Казначейства, а равно кредиты, утвержденные по сметам на местные нужды, расходуются ими в пределах сметных подразделений (параграфы и статьи) по прямому назначению и не могут быть обращаемы на удовлетворение каких-либо других потребностей без

особого постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров.

86. Местные Советы составляют полугодовые и годовые сметы доходов и расходов на местные нужды. Сметы сельских и волостных Советов и Советов городов, участвующих в уездных Съездах Советов, а также сметы уездных органов Советской власти утверждаются соответственно губернскими и областными Съездами Советов или их Исполнительными Комитетами; сметы городских, губернских и областных органов Советской власти утверждаются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов и Советом Народных Комиссаров.

87. На расходы, не предусмотренные сметами, а также в случае недостаточности сметных назначений дополнительные кредиты Советы испрашивают у подлежащих Народных Комиссариатов.

88. В случае недостаточности местных средств для удовлетворения местных потребностей, необходимые для покрытия неотложных расходов пособия или ссуды из средств Государственного Казначейства местным Советам разрешаются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов и Советом Народных Комиссаров.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ.

О гербе и флаге Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Глава семнадцатая.

89. Герб Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-на-крест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью:

а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика,

и б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

90. Торговый, морской и военный флаг Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из полотнища красного (алого) цвета, в левом углу которого — у древка, наверху, помещены золотые буквы Р. С. Ф. С. Р. или надпись: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Декрет В. Ц. И. К.:

1. Оставить существующий образец в качестве военного флага (красный флаг с золотыми буквами Р. С. Ф. С. Р. в левом верхнем крыле).

2. Для торгового флота установить красный флаг с белыми буквами Р. С. Ф. С. Р. большого размера в середине флага.

3. Для морского флота установить красный флаг с якорем, красной звездой посередине его и белыми буквами Р. С. Ф. С. Р. в верхней части якоря.

Подписали: Председатель V Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов **Я. Свердлов.** Члены Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов: **Т. И. Теодорович, Ф. А. Розин, А. П. Розенгольц, А. Х. Митрофанов, К. Г. Максимов.** Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов **В. А. Аванесов.**

Приложение II.

ОСНОВНОЙ ЗАКОН

(Конституция)

Союза Советских Социалистических Республик.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Декларация об образовании С. С. С. Р.

Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма, — национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма, — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальности путем совмещения свободного развития народов с системой эксплоатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов.

Только в лагере советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам удалось советским республикам отбить нападение империалистов всего мира, внутренних и внешних: только благодаря этим обстоятельствам удалось им успешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству.

Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные рессурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец, само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспеяния, и свободу национального развития народов.

Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих советов и единодушно принявших решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик, служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено

право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем Социалистическим Советским Республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

Договор.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР — Советская Социалистическая Республика Азербайджана, Советская Социалистическая Республика Грузии и Советская Социалистическая Республика Армении) объединяются в одно союзное государство — «Союз Советских Социалистических Республик».

Глава первая.

Предметы ведения верховных органов власти Союза Сов. Соц. Республик.

1. Ведению Союза Советских Социалистических Республик, в лице его верховных органов, подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, ведение всех дипломатических сношений, заключение политических и иных договоров с другими государствами;

б) изменение внешних границ Союза, а также урегулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками;

в) заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик;

г) объявление войны и заключение мира;

д) заключение внешних и внутренних займов Союза ССР и разрешение внешних и внутренних займов союзных республик;

е) ратификация международных договоров;

ж) руководство внешней торговлей и установление системы внутренней торговли;

з) установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров, как общесоюзных, так и от имени союзных республик;

и) руководство транспортным и почтово-телеграфным делом;

к) организация и руководство вооруженными силами Союза ССР;

л) утверждение единого государственного бюджета Союза ССР, в состав которого входят бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним, поступающих на образование бюджетов союзных республик; разрешение дополнительных налогов и сборов на образование бюджетов союзных республик;

м) установление единой денежной и кредитной системы;

н) установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории Союза ССР;

о) общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда;

п) установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза;

р) установление основных законов о труде;

с) установление общих начал в области народного просвещения;
т) установление общих мер в области охраны народного здравия;
у) установление системы мер и весов;
ф) организация общесоюзной статистики;
х) основное законодательство в области союзного гражданства и в отношении прав иностранцев;
ц) право амнистии, распространяемое на всю территорию Союза;
ч) отмена нарушающих настоящую Конституцию постановлений съездов советов и центральных исполнительных комитетов союзных республик;
ш) разрешение спорных вопросов, возникающих между союзными республиками.

2. Утверждение и изменение основных начал настоящей Конституции подлежит исключительному ведению Съезда Советов Союза ССР.

Глава вторая.

О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве.

3. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно; Союз ССР охраняет суверенные права союзных республик.

4. За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза.

5. Союзные республики, в соответствии с настоящей Конституцией, вносят изменения в свои конституции.

6. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия, а равно для изменения, ограничения или отмены статьи 4-й требуется согласие всех республик, входящих в союз ССР.

7. Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство.

Глава третья.

О съезде Советов Сов. Соц. Республик.

8. Верховным органом власти Союза Советских Социалистических Республик является Съезд Советов, а в период между Съездами Советов — Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, состоящий из Союзного Совета и Совета Национальностей.

9. Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик составляется из представителей городских советов и советов городских поселений по расчету 1 депутат на 25.000 избирателей и представителей губернских съездов советов по расчету 1 депутат на 125.000 жителей.

10. Делегаты на Съезд Советов Союза ССР избираются на губернских съездах советов. В тех республиках, где нет губернских объединений, делегаты избираются непосредственно на съезде советов данной республики.

11. Очередные Съезды Советов Союза ССР созываются ЦИК-ом Союза ССР один раз в год; чрезвычайные съезды созываются ЦИК-ом Союза ССР по его собственному решению, по требованию Союзного Совета, Совета Национальностей, или же по требованию двух союзных республик.

12. При чрезвычайных обстоятельствах, препятствующих созыву в срок Съезда Советов Союза ССР, ЦИК-у Союза ССР предоставляется право отсрочки созыва Съезда.

Глава четвертая.

О Центр. Исп. Ком. Союза Сов. Соц. Республик.

13. Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР состоит из Союзного Совета и Совета Национальностей.

14. Съезд Советов Союза ССР избирает Союзный Совет из представителей союзных республик, пропорционально населению каждой, всего в составе 371 члена.

15. Совет Национальностей образуется из представителей союзных и автономных советских социалистических республик по 5 представителей от каждой и представителей автономных областей РСФСР по одному представителю от каждой. Состав Совета Национальностей в целом утверждается Съездом Советов Союза ССР.

Примечание. Автономные республики Аджарии и Абхазии и автономная область Юго-Осетии посылают в Совет Национальностей по одному представителю.

16. Союзный Совет и Совет Национальностей рассматривают все декреты, кодексы и постановления, поступающие к ним от Президиума ЦИК-а и Совнаркома Союза ССР, отдельных наркоматов Союза, ЦИК-ов союзных республик, а также возникающие по инициативе Союзного Совета и Совета Национальностей.

17. ЦИК Союза ССР издает кодексы, декреты, постановления и распоряжения, объединяет работу по законодательству и управлению Союза ССР и определяет круг деятельности Президиума ЦИК-а и Совнаркома Союза ССР.

18. Все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Союза ССР, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов Союза ССР, обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение ЦИК-а Союза ССР.

19. Все декреты, постановления и распоряжения, издаваемые ЦИК-ом, обязательны к непосредственному исполнению на всей территории Союза ССР.

20. Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР имеет право приостанавливать или отменять декреты, постановления и распоряжения Президиума ЦИК-а Союза ССР, а также Съездов Советов и ЦИК-ов союзных республик и других органов власти на территории Союза ССР.

21. Очередные сессии ЦИК-а ССР созываются Президиумом ЦИК-а три раза в год. Чрезвычайные сессии созываются по постановлению Президиума ЦИК'а Союза С. С. Р., по требованию Президиума Союзного Совета или Президиума Совета Национальностей, а также по требованию ЦИК'а одной из союзных республик.

22. Законопроекты, восходящие на рассмотрение ЦИК-а Союза ССР, получают силу закона лишь при условии принятия их как Союзным Советом, так и Советом Национальностей и публикуются от имени ЦИК-а Союза ССР.

23. В случаях разногласий между Союзным Советом и Советом Национальностей вопрос передается в создаваемую ими согласительную комиссию.

24. При недостижении соглашения в согласительной комиссии вопрос переносится на рассмотрение совместного заседания Союзного Совета и Совета Национальностей, при чем, в случае отсутствия большинства голосов Союзного Совета или Совета Национальностей, вопрос может быть передан по требованию одного из этих органов на разрешение очередного или чрезвычайного Съезда Советов Союза ССР.

25. Союзный Совет и Совет Национальностей для подготовки их сессий и руководства работой последних выбирают свои Президиумы, в составе по 7 членов каждый.

26. В период между сессиями ЦИК-а Союза ССР высшим органом власти является Президиум ЦИК-а Союза ССР, образуемый ЦИК-ом в количестве 21 члена, в число которых входят в полном составе Президиумы Союзного Совета и Совета Национальностей.

27. Центральный Исполнительный Комитет избирает по числу союзных республик 4 председателей ЦИК-а Союза ССР из состава членов Президиума ЦИК-а Союза ССР.

28. Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР ответствен перед Съездом Советов Союза ССР.

Глава пятая.

О президиуме Центр. Исп. Ком. С. С. С. Р.

29. Президиум ЦИК-а Союза ССР в период между сессиями ЦИК-а Союза ССР является высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза ССР.

30. Президиум ЦИК-а Союза ССР наблюдает за проведением в жизнь Конституции Союза ССР и исполнением всех постановлений Съезда Советов и ЦИК-а Союза ССР всеми органами власти.

31. Президиум ЦИК-а Союза ССР имеет право приостанавливать и отменять постановления СНК и отдельных наркоматов Союза ССР, а также ЦИК-ов и Совнаркомов союзных республик.

32. Президиум ЦИК-а Союза имеет право приостанавливать постановления съездов советов союзных республик с последующим внесением этих постановлений на рассмотрение и утверждение ЦИК-а Союза ССР.

33. Президиум ЦИК-а Союза ССР издает декреты, постановления и распоряжения, рассматривает и утверждает проекты декретов и постановлений, вносимых Советом Народных Комиссаров, отдельными ведомствами Союза ССР, ЦИК-ами союзных республик, их президиумами и другими органами власти.

34. Декреты и постановления ЦИК-а, его президиума и СНК Союза ССР печатаются на языках общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюрко-татарский).

35. Президиум ЦИК-а Союза ССР разрешает вопросы о взаимоотношениях между СНК Союза ССР и народными комиссариатами Союза ССР, с одной стороны, и ЦИК-ами союзных республик и их президиумами — с другой.

36. Президиум ЦИК-а Союза ССР ответственен перед ЦИК-ом Союза ССР.

Глава шестая.

О Совете Народных Комиссаров С. С. С. Р.

37. Совет Народных Комиссаров Союза ССР является исполнительным и распорядительным органом ЦИК-а Союза ССР и образуется ЦИК-ом Союза ССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР;
Заместителей председателя;
Народного комиссара по иностранным делам;
Народного комиссара по военным и морским делам;
Народного комиссара внешней торговли;
Народного комиссара путей сообщения;
Народного комиссара почт и телеграфов;
Народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции;
Председателя высшего совета народного хозяйства;
Народного комиссара труда;
Народного комиссара продовольствия;
Народного комиссара финансов.

38. Совет Народных Комиссаров Союза ССР в пределах предоставленных ему ЦИК-ом Союза ССР прав и на основании положения о Совете Народных Комиссаров Союза ССР издает декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории Союза ССР.

39. Совет Народных Комиссаров Союза ССР рассматривает декреты и постановления, вносимые как отдельными наркоматами Союза ССР, так и ЦИК-ами союзных республик и их президиумами.

40. Совет Народных Комиссаров Союза ССР во всей своей работе ответственен перед ЦИК-ом Союза ССР и его президиумом.

41. Постановления и распоряжения СНК Союза ССР могут быть приостанавливаемы и отменяемы ЦИК-ом Союза ССР и его президиумом.

42. Центральные Исполнительные Комитеты союзных республик и их президиумы опротестовывают декреты и постановления СНК Союза ССР в президиум ЦИК-а Союза ССР, не приостанавливая их исполнения.

Глава седьмая.

О верховном Суде Союза С. С. Р.

43. В целях утверждения революционной законности на территории Союза ССР при ЦИК-е Союза ССР учреждается Верховный Суд, к компетенции которого относится:

а) дача Верховным Судам союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства;

б) рассмотрение и опротестование перед ЦИК-ом Союза ССР, по представлению прокурора Верховного Суда Союза ССР, постановлений, решений и приговоров Верховных Судов союзных республик, по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству, или поскольку ими затрогиваются интересы других республик;

в) дача заключений по требованию ЦИК'а Союза ССР о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения конституции;

г) разрешение судебных споров между союзными республиками;

д) рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности.

44. Верховный Суд Союза ССР действует в составе:

а) пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР;

б) гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий Верховного Суда Союза ССР;

в) военной и военно-транспортной коллегий.

45. Верховный Суд Союза ССР в составе его пленарного заседания образуется из 11 членов, в том числе председателя и его заместителя, 4 председателей пленарных заседаний верховных судов союзных республик и одного представителя ОГПУ Союза ССР, при чем председатель, его заместитель и остальные пять членов назначаются президиумом ЦИК-а Союза ССР.

46. Прокурор Верховного Суда Союза ССР и его заместитель назначаются президиумом ЦИК-а Союза ССР. На обязанности прокурора Верховного Суда Союза ССР лежит дача заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного Суда Союза ССР, поддержание обвинения в заседании его и, в случае несогласия с решениями пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР, опротестование их в президиум ЦИК-а Союза ССР.

47. Право направления указанных в ст. 43 вопросов на рассмотрение пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР может иметь место исключительно по инициативе ЦИК-а Союза ССР, его президиума, прокурора Верховного Суда Союза ССР, прокуроров союзных республик и ОГПУ Союза ССР.

48. Пленарные заседания Верховного Суда Союза образуют специальные судебные присутствия (составы) для рассмотрения:

а) уголовных и гражданских дел исключительной важности, затрогивающих по своему содержанию две или несколько союзных республик, и

б) дел персональной подсудности членов ЦИК-а и СНК Союза ССР.

Принятие Верховным Судом Союза ССР к своему производству этих дел может иметь место исключительно по особым на каждый раз постановлениям ЦИК-а Союза или его президиума.

Глава восьмая.

О народных комиссариатах Союза С. С. Республик.

49. Для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения СНК Союза ССР, образуется 10 Народных Комиссариатов, указанных в ст. 37 настоящей конституции, действующих на основе положений о Народных Комиссариатах, утвержденных ЦИК-ом Союза ССР.

50. Народные Комиссариаты Союза ССР делятся на:

а) общесоюзные народные комиссариаты — единые для всего Союза ССР;

б) объединенные народные комиссариаты Союза ССР.

51. Общесоюзными народными комиссариатами Союза ССР являются народные комиссариаты:

по иностранным делам;
по военным и морским делам;
внешней торговли;
путей сообщения;
почт и телеграфов.

52. Объединенными народными комиссариатами Союза ССР являются народные комиссариаты:

высший совет народного хозяйства;
продовольствия;
труда;
финансов и
рабоче-крестьянской инспекции.

53. Общесоюзные народные комиссариаты Союза ССР имеют при союзных республиках своих уполномоченных, непосредственно им подчиненных.

54. Органами объединенных народных комиссариатов Союза ССР, осуществляющими на территории союзных республик их задания, являются одноименные народные комиссариаты этих республик.

55. Во главе народных комиссариатов Союза ССР стоят члены совета народных комиссаров — народные комиссары Союза ССР.

56. При каждом народном комиссаре, под его председательством, образуется коллегия, члены которой назначаются СНК Союза ССР.

57. Народный комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего комиссариата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия с тем или иным решением народного комиссара, коллегия или отдельные ее члены, не приостанавливая исполнения решения, могут обжаловать его в СНК Союза ССР.

58. Распоряжения отдельных народных комиссариатов Союза ССР могут быть отменяемы президиумом ЦИК-а и СНК Союза ССР.

59. Распоряжения народных комиссариатов Союза ССР могут быть приостанавливаемы ЦИК-ами или президиумами ЦИК-ов союзных республик при явном несоответствии данного распоряжения союзной конституции, законодательству Союза или законодательству союзной республики. О приостановке распоряжения ЦИК-и или президиумы ЦИК-ов союзных республик немедленно сообщают Совету Народных Комиссаров Союза ССР и соответствующему народному комиссару Союза ССР.

60. Народные комиссары Союза ССР ответственны перед СНК, ЦИК-ом Союза ССР и его президиумом.

Глава девятая.

Об Объединенном Госуд. Полит. Управлении.

61. В целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контр-революцией, шпионажем и бандитизмом, учреждается при СНК Союза ССР Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ), председатель которого входит в СНК Союза ССР с правом совещательного голоса.

62. ОГПУ Союза ССР руководит работой местных органов ГПУ через своих уполномоченных при Советах Народных Комиссаров союзных республик, действующих на основании специального положения, утвержденного в законодательном порядке.

63. Надзор за закономерностью действий ОГПУ Союза ССР осуществляется прокурором Верховного Суда Союза ССР на основе специального постановления ЦИК-а Союза ССР.

Глава десятая.

О союзных республиках

64. В пределах территории каждой союзной республики верховным органом власти последней являются Съезд Советов республики, а в промежутках между Съездами — ее Центральный Исполнительный Комитет.

65. Взаимоотношения между верховными органами власти союзных республик и верховными органами власти Союза ССР устанавливаются настоящей конституцией.

66. Центральные Исполнительные Комитеты союзных республик избирают из своей среды президиумы, которые в период между сессиями ЦИК-ов являются высшими органами власти.

67. ЦИК-и союзных республик образуют свои исполнительные органы—Советы Народных Комиссаров в составе:

председателя Совета Народных Комиссаров;
заместителей председателя;
председателя высшего совета народного хозяйства;
народного комиссара земледелия;
народного комиссара финансов;
народного комиссара продовольствия;
народного комиссара труда;
народного комиссара внутренних дел;
народного комиссара юстиции;
народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции;
народного комиссара просвещения;
народного комиссара здравоохранения;
народного комиссара социального обеспечения, а также с правом совещательного или решающего голоса, по решению ЦИК-ов союзных республик, уполномоченных народных комиссаров Союза ССР по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов.

68. Высший совет народного хозяйства и народные комиссариаты продовольствия, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции союзных республик, подчиняясь ЦИК-ам и Советам Народных Комиссаров союзных республик, осуществляют в своей деятельности директивы соответственных народных комиссариатов Союза ССР.

69. Право амнистии, а равно право помилования и реабилитации в отношении граждан, осужденных судебными и административными органами союзных республик, сохраняется за ЦИК-ами этих республик.

Глава одиннадцатая.

О гербе, флаге и столице Союза С. С. Р.

70. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на шести языках, упомянутых в ст. 34, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». На верху герба имеется пятиконечная звезда.

71. Государственный флаг Союза ССР состоит из красного или алого полотнища с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение длины к ширине 1 : 2.

72. Столицею Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.
